

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

**Материалы международной научно-практической
конференции**

Москва, 2025

УДК 34

ББК 67

А 43

А 43 Актуальные аспекты развития юридической науки в эпоху цифровой трансформации / Материалы международной научно-практической конференции (для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов). Смоленск, 27 февраля 2025 г./ Под общ. редакцией А.А. Березиной, В.В. Пучковой. – М.: Международный юридический институт, 2025. – 283 с.

Рецензент:

Лопатина Татьяна Михайловна, д.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Международного юридического института.

Редакторы:

Березина А.А., директор Смоленского филиала Международного юридического института

Пучкова В.В., к.ю.н., доцент, научный сотрудник Смоленского филиала Международного юридического института

Члены редакционной коллегии:

Сирик Н.В., к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса;

Сенкевич В.В., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса (отделение Смоленского филиала);

Ревенко Я.Д., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин (отделение Смоленского филиала);

Васильева С.В., к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин (отделение Смоленского филиала).

27 февраля 2025 года в Смоленском филиале Международного юридического института состоялась Международная научно-практическая конференция «Актуальные аспекты развития юридической науки в эпоху цифровой трансформации».

В сборнике представлены научные доклады и статьи студентов, магистрантов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава вузов, практических работников органов правоохранительной системы, принимавших участие в работе конференции.

Адресуется преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов, научным и практическим работникам.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторской редакции. Редакторы не вносили коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

© Авторы статей, 2025

© Международный юридический институт, оформление, 2025

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Деркач Диана Александровна <i>ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО.....</i>	8
Деркач Диана Александровна <i>ЦИФРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕНЯЕТ МЕХАНИЗМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ. 14</i>	
Кравцов Илья Павлович <i>ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ.....</i>	21
Одуденко Виктория Юрьевна <i>ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ</i>	26
Покручин Даниил Анатольевич <i>ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВА ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....</i>	33
Танаубаева Аделина Елдосовна <i>ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРУ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ</i>	41

РАЗДЕЛ 2. РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ВЫЗОВЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Берназ Владислава Сергеевна <i>АДВОКАТУРА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СИНЕРГИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ.....</i>	48
Бугаева Кристина Сергеевна <i>ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЁННОГО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ</i>	54
Ботнарь Алеся Георгиевна <i>РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА САМОЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА</i>	61

Веревка Елизавета Андреевна	
<i>СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....</i>	<i>67</i>
Денисова Алина Алексеевна	
<i>АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСТАВКИ ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ ТОВАРОВ.....</i>	<i>76</i>
Жоголев Евгений Александрович	
<i>ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ</i>	<i>82</i>
Камышенкова Вера Сергеевна	
<i>ПОНЯТИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....</i>	<i>90</i>
Кузнецова Елена Викторовна	
<i>ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРАДИЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОСУДИЯ</i>	<i>96</i>
Каплина Алина Николаевна	
Модина Карина Дмитриевна	
<i>ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ</i>	<i>107</i>
Поспелов Александр Алексеевич	
Федоров Дмитрий Сергеевич	
<i>ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ И ИХ ПРАВОВОЙ СТАТУС В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ</i>	<i>116</i>
Петрова Полина Игоревна	
<i>ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ БЕЗ СОГЛАСИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА</i>	<i>122</i>
Пузанова Дарья Алексеевна	
<i>АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ МНИМОСТИ И ПРИТВОРНОСТИ СДЕЛОК В РАМКАХ СУДЕБНЫХ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА</i>	<i>130</i>
Романенкова Лидия Владимировна	
<i>ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА НОУ-ХАУ</i>	<i>138</i>
Сирик Наталия Валериевна	
Каплина Алина Николаевна	
<i>ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК НОВЫЙ ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....</i>	<i>148</i>
Степанищева Оксана Анатольевна	
<i>АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА</i>	<i>154</i>

Сенкевич Виктория Валерьевна	
<i>ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....</i>	<i>161</i>
Тумасян Виктория Александровна	
<i>ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА</i>	<i>165</i>
Уметалиева Айза Хисметовна	
<i>НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....</i>	<i>175</i>
Хлуднев Павел Игоревич	
<i>НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА: ПРИЗНАКИ И СУЩНОСТЬ</i>	<i>181</i>
Цветков Егор Борисович	
<i>ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ.....</i>	<i>186</i>
Шлыкова Валентина Владимировна	
<i>АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....</i>	<i>194</i>

РАЗДЕЛ 3. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ахмедова Кристина Александровна	
<i>ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ.....</i>	<i>202</i>
Бровченкова Дарья Артёмовна	
<i>НЕОБХОДИМОСТЬ ПОНИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ.....</i>	<i>208</i>
Воронина Варвара Денисовна	
Сорокина Регина Александровна	
<i>ПСИХОЛОГИЯ КИБЕРПРЕСТУПНИКА</i>	<i>215</i>
Дрогалина Екатерина Алексеевна	
<i>СОСТАВ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В КОАП И УК РФ.....</i>	<i>221</i>
Кишуненко Ольга Геннадиевна	
<i>СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД</i>	<i>227</i>
Кузьмицкая Александра Николаевна	
<i>ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ</i>	<i>233</i>

Карпова Наталья Анатольевна <i>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА</i>	239
Колмыкова Олеся Анатольевна	
Щербаков Иван Антонович <i>ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЛЕМА СЕМЬИ ИЛИ ОБЩЕСТВА?</i>	243
Муллахметова Наталья Евгеньевна <i>СОВЕЩЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ МЕР ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА</i>	250
Моисеевкова Мария Алексеевна <i>НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	256
Новосельцева Алина Сергеевна <i>МОШЕННИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ</i>	261
Перельман Яков Михайлович <i>ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТРЕШ-СТРИМЫ: НОВЕЛЛЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ</i>	268
Ходусов Алексей Александрович <i>СУД ПРИСЯЖНЫХ В РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ</i>	273

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Деркач Диана Александровна
Студентка 1 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО¹

Derkach Diana Aleksandrovna
1st year students,
Smolensk branch International law Institute
Smolensk, Russia

THE IMPACT OF TECHNOLOGY ON LAW ENFORCEMENT AND LAWMAKING

Аннотация. В данной научной статье автор ставит цель проанализировать и продемонстрировать влияние современных информационных технологий на развитие правоприменения и правотворчества. Для достижения поставленной цели в статье обосновывается роль информационных технологий в развитии правотворческой инициативы гражданского общества, описывается внедрение электронных систем управления и обработки правовой информации, анализируется этический аспект технологических инноваций. Научная новизна работы заключается в

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Смоленский филиал Международного юридического института, Васильева Светлана Валерьевна

комплексном подходе к исследованию взаимодействия технологических инноваций и юридической сферы, а также целостный взгляд на цифровую трансформацию права.

Abstract. In this scientific article, the author aims to analyze and demonstrate the impact of modern information technologies on the development of law enforcement and law-making. To achieve this goal, the article substantiates the role of information technology in the development of the law-making initiative of civil society, describes the introduction of electronic management systems and the processing of legal information, analyzes the ethical aspect of technological innovations. The scientific novelty of the work lies in an integrated approach to the study of the interaction of technological innovations and the legal sphere, as well as a holistic view of the digital transformation of law.

Ключевые слова: цифровые инновации, искусственный интеллект, автоматизация, анализ данных, правоприменение, судебная система, правотворчество, блокчейн-технология, конфиденциальность данных, машинное обучение, доступ к информации, цифровая грамотность.

Key words: digital innovation, artificial intelligence, automation, data analysis, law enforcement, judicial system, law-making, blockchain technology, data privacy, machine learning, access to information, digital literacy.

Современные цифровые и технологические нововведения кардинально трансформируют все аспекты общественной жизни, включая механизмы реализации права. Такие инновации, как искусственный интеллект и другие передовые разработки вносят существенные изменения в работу правоохранительных структур и судебной системы не только модернизируя процессы, но и переосмысливая сущность правовых отношений. Благодаря этим технологическим прорывам, достигается повышенная эффективность в применении законов и облегчается работа людей, непосредственно связанных со сферой юриспруденции. Подробно раскрывая влияние технологий на правоприменение, рассмотрим некоторые процессы.

Безусловно, на правоприменение влияет такой процесс как автоматизация. Для начала раскроем данный термин. Автоматизация представляет собой внедрение специализированных технологий с использованием технических инструментов, экономико-математического анализа и систем управления, которые существенно сокращают или полностью исключают вторую сторону от ручного вмешательства на этапах обработки, трансформации, распространения данных материалов либо информации. Современные технологии позволяют автоматизировать многие юридические процессы, что значительно ускоряет их выполнение. Например, автоматизация обработки и анализа судебных дел. Характеризуя данный процесс, стоит рассмотреть Федеральный закон от 29.07.2018 N 265-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"[3]. В

содержании 3 статьи данного федерального закона предусматривается использование автоматизированной информационной системы при формировании состава суда и рассмотрении гражданских, арбитражных и административных дел. Изменения были внесены в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ. Закон вступил в силу с 1 сентября 2019 года. Исходя из его содержания, можно выделить ряд таких преимуществ, как ускорение процесса судопроизводства и сокращения нагрузки на аппарат суда. Это помогает облегчить работу людей в системе юриспруденции и существенно сократить время на организационные моменты в работе.

Далее мы обратим внимание на такой процесс, как анализ данных. На основе больших объемов данных цифровая система может выявлять закономерности в судебной практике, например, предсказывать исход дела на основании анализа ранее вынесенных решений. Для анализа судебной практики можно использовать, например, систему «КонсультантПлюс». В ней есть специальный раздел «Судебная практика», где можно проводить поиск по судьям, участникам дел, пунктам статей. Также в ней есть готовые подборки судебной практики, в которых эксперты проанализировали различные спорные вопросы. На мой взгляд, данная система значительно может помочь юристам лучше подготовиться к судебным процессам и в полной мере исключить сомнения при рассмотрении какого-либо дела.

Снова обратимся к процессу автоматизации. Кроме автоматизированной обработки и анализа судебных дел, существуют автоматизированные рекомендации, то есть система в состоянии автоматически генерировать рекомендации по стратегиям ведения дела на основе анализа сопоставимых дел и их исходов. Она может предложить использовать определенные аргументы, которые были эффективны в похожих случаях. Например, платформа AI Lawyer – инновационная нейронная система, предоставившая возможность оперативного доступа к юридической поддержке и консультациям через алгоритмы искусственного интеллекта. Основная задача платформы - упростить взаимодействие с юристами. Однако, стоит отметить, что текущие модели, вроде ChatGPT, ориентированные на юриспруденцию, не могут в полной мере оценивать сложные обстоятельства конкретного дела. По мнению кандидата юридических наук Максима Викторовича Залоило «юридическая практика требует глубокого анализа множества деталей, контекста и специфических условий, которые зачастую определяют исход дела» [4, с.29]. Несмотря на выдающиеся вычислительные возможности, искусственный интеллект не обладает человеческим пониманием, способностью учитывать мотивы, эмоции и поведение участников процесса. Это говорит об отсутствии психологического анализа, который является одним из важных аспектов в юридической деятельности. Кроме того, искусственный интеллект не способен адекватно разобраться в сути дела. Юристу необходимо

анализировать историю событий, изучать доказательства, применять логические выводы, чтобы выработать рабочую стратегию для успешного исхода делопроизводства. Хотя, искусственный интеллект может обрабатывать огромные массивы данных и выявлять статистические закономерности, он не в состоянии глубоко понять уникальные особенности каждого дела и применить это понимание в практической юридической работе.

Рассматривая вопрос, касающийся технологического нововведения в процессуальные документы, стоит отметить, что технологии в правоприменении также включают в себя создание шаблонов и автоматическую генерацию процессуальных документов на основе введенной информации, что существенно сокращает время на подготовку. Примером может служить «Гарант» — онлайн-сервис «Конструктор правовых документов». Он позволяет быстро создать и заполнить требуемый документ (договор, доверенность, исковое заявление, учётную политику и многие другие формы) с использованием одного из 500 интерактивных шаблонов, разработанных специалистами компании. Результатом внедрения такой системы будет сокращение времени на обработку дел и документов, уменьшение количества ошибок благодаря созданным документам-шаблонам.

Технологический процесс также влияет на увеличение количества информации. Интернет и онлайн-ресурсы сделали юридическую информацию более доступной для широкой публики. Платформы, предоставляющие бесплатные юридические консультации, а также онлайн-библиотеки с правовыми актами, способствуют более должному информированию граждан о своих правах и обязанностях. Это, в свою очередь, влияет на развитие правосознания в обществе. В юридической практике существуют источники, в которых отражается доступ к обширному законодательному и консультативному блоку. К примеру:

1) Федеральный закон от 22 декабря 2008 года №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Закон определяет, в частности, требования к официальному сайту судов, который должен обеспечивать доступ к сведениям о судебных делах и текстам судебных актов. [1].

2) Сайт Министерства юстиции РФ. Предлагает базу данных действующих правовых актов: документы федерального законодательства, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты муниципальных образований и уставы муниципальных образований.

3) КонсультантПлюс – содержит в себе законодательство РФ, кодексы и законы в последней редакции.

4) «Гарант» — справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации. Система обеспечивает нахождение нужных документов из области права и работу с ними. Она состоит из нормативных

документов, комментариев и разъяснений, случаев из судебной и арбитражной практики, толковых словарей.

Теперь рассмотрим влияние технологий на правотворчество. Внедрение цифровых технологий в правотворчество ведёт к оптимизации сроков формирования и корректировки законодательных инициатив, уменьшению бюрократической тяжести процесса, а также способствует значительному повышению открытости правовых данных и их доступности для граждан. Если мы рассмотрим электронное законодательство, то здесь сможем явно отметить тот факт, что оно облегчает составление, редактирование и публикацию законов и иных нормативных актов. Это сокращает время на обновление и распространение правовых документов. В качестве примера можем рассмотреть официальный интернет-портал правовой информации. На портале размещаются тексты федеральных конституционных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений Конституционного Суда РФ и иных правовых актов, что также способствует политической осведомленности граждан. В свою очередь, развитие правотворческой инициативы гражданского общества с использованием информационных технологий предполагает, что отдельные граждане могут вносить на рассмотрение правотворческого органа проект нормативного правового акта или предложение принять нормативный правовой акт по конкретному вопросу. Это предопределяет активное участие гражданского общества, выражение собственного мнения и исполнения требований к законодательству.

Внедрение электронных систем управления и обработки правовой информации, таких как электронные документообороты, платформы управления юридическими знаниями и автоматизированные системы для юридической работы оптимизируют нашу задачу с правовыми текстами, ускоряют процессы анализа и повышают качество правовых решений, обеспечивая при этом надежное хранение информации. Это регулируется Федеральным законом от 06.04.2011 №63ФЗ «Об электронной подписи» [2]. Он упорядочивает отношения в области использования электронных подписей, которые придают электронным документам юридическую силу.

Теперь уделим внимание этическому аспекту, и какое влияние он оказывает на технологический бум в правовой среде. Рассмотрим блокчейн-технологии. Она помогает обеспечивать безопасность данных и подлинность юридических документов. С её помощью можно создавать устойчивые системы для хранения и передачи информации, что снижает риск фальсификации и повышает доверие к документации. Не стоит также забывать о конфиденциальности данных, т.к. использование технологий часто предполагает их сбор. Здесь этическим аспектом является обеспечение защиты конфиденциальности и соблюдение норм законодательства в этой области. Нужно гарантировать открытость применяемых цифровых решений, активно

задействовать возможности искусственного интеллекта, добиться справедливого распределения интересов всех участников цифровизации – от отдельных граждан до государства, обеспечивая их равноправное включение, разработать комплексное правовое регулирование, обеспечивающее безопасное и контролируемое использование цифровых технологий в правоохранительной сфере. Внедрение цифровых инноваций в правоприменение и правотворчество должно осуществляться при строгом общественном и государственном надзоре, при этом граждане должны иметь полный доступ к своим личным данным, а также возможность отслеживать их обработку и хранение. Также важно обеспечить доступность информации о существующих технологиях в обществе в целях формирования высокого уровня цифровой грамотности и понимания основ правовых норм и принципов, связанных с цифровой безопасностью и защитой личных данных [5, с.117].

В заключение, стоит отметить, что внедрение технологий в правоприменение и правотворчество открывает новые перспективы для правозащитной деятельности и повышает эффективность правовых процессов. Современные технологии, такие как искусственный интеллект и машинное обучение, помогают автоматизировать рутинные операции в правоприменении, например, обработку документов, анализ дел, а также подготовку правовых заключений. Это позволяет сократить время и повысить эффективность работы юристов и судей. Технологии обеспечивают более широкий доступ к правовым ресурсам и информации. Онлайн-библиотеки, базы данных и юридические платформы позволяют юристам и гражданам быстро находить необходимую информацию, что способствует более информированному правоприменению. Использование автоматизированных систем анализа данных, искусственного интеллекта и блокчейн-технологий способствуют улучшению качества правоприменительной практики, повышению прозрачности и доступности правосудия. Технологии помогают обществу упрощать работу в правовой среде и обеспечивают доступ к целому блоку информации, которая непосредственно находит применение в юридической практике.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 №262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) /Ресурсы интернет: - URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.02.2025).
2. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 №63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) /Ресурсы интернет: - URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 12.02.2025).

3. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 29.07.2018 № 265 – ФЗ (ред. от 26.12.2024) /Ресурсы интернет: - URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 13.02.2025).
4. Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М. В. Залоило; под ред. Д. А. Пашенцева. - Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 184 с.
5. Шушеначев А.В., Назаров А.Д. Этический аспект применения цифровых технологий в правоохранительной сфере // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 11А - С.113-120.

Деркач Диана Александровна
студентка 1 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ЦИФРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕНЯЕТ МЕХАНИЗМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ¹

Derkach Diana Aleksandrovna,
1st year students,
Smolensk branch International law Institute
Smolensk, Russia

DIGITAL DEMOCRACY: HOW IS DIGITALIZATION CHANGING THE MECHANISMS OF CITIZEN PARTICIPATION IN POLITICAL PROCESSES

Аннотация. В данной статье мы рассмотрим вопрос внедрения цифровой демократии в политические процессы. В статье освещена проблема изучения изменений в политическом участии, подробно рассмотрены способы участия граждан в сфере общественно-политической жизни. Автор акцентирует

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно – правовых дисциплин, Смоленский филиал Международного юридического института, Богатчикова Карина Сергеевна

внимание на том, что процесс цифровизации активно внедряется в современный мир и порождает активное гражданское общество. Подробному анализу подвергнуты методы, упрощающие политическое участие граждан.

Abstract. In this article, we will consider the issue of introducing digital democracy into political processes. The article highlights the problem of studying changes in political participation, and examines in detail the ways citizens participate in the sphere of socio-political life. The author focuses on the fact that the process of digitalization is actively being implemented in the modern world and generates an active civil society. Methods that simplify the political participation of citizens have been analyzed in detail.

Ключевые слова: политическая жизнь, цифровизация, платформы, коммуникация, доступность, изменения, мнения, технологии.

Key words: political life, digitalization, platforms, communication, accessibility, changes, opinions, technologies.

Наверняка каждый из нас может согласиться, что с развитием и увеличением доступности интернет-ресурсов их внедрение стало в большом количестве распространяться на практическую деятельность человека. Формат политического участия граждан постепенно проходит каждую из ступеней цифровизации и внедряется в политические процессы, увеличивая тем самым вовлеченность и заинтересованность граждан политической сферой жизни общества. Технологические инновации, представленные электронными петициями, онлайн-голосованиями и цифровыми политическими платформами формируют активное гражданское общество и предполагают достижение консенсуса между государством и его населением. В политической сфере роль технологий велика, и это не стоит отрицать, ведь они становятся одним из наших проводников в политическую деятельность и являются способом выражения собственного мнения. Все перечисленное мы можем назвать одним термином- «цифровая демократия». Этот термин далее мы рассмотрим подробно.

Цифровая демократия— это концепция, которая сочетает традиционные элементы демократии с современными технологиями. Она предполагает использование интернета и цифровых платформ для вовлечения граждан в политический процесс. Это подтверждает тот факт, что одной из особенностей объединения граждан для решения проблем является перенос активности в интернет [6, с.61].

Рассмотрим основные преимущества и особенности внедрения электронного голосования в политической сфере. Для начала обратимся к Федеральному закону от 29.05.2019 №102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, проводимых 8 сентября 2019 года» [2], который предусматривает проведение эксперимента для создания дополнительных условий и реализации активного избирательного права граждан Российской Федерации. Также мы рассмотрим Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 13.12.2024) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" [1], а конкретно Статью 64.1. Дистанционное электронное голосование (введена Федеральным законом от 14.03.2022 N 60-ФЗ) часть первую, которая гласит: «при проведении выборов, референдумов по решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума может проводиться дистанционное электронное голосование. Указанным решением должны быть определены сроки проведения дистанционного электронного голосования, государственные информационные системы, используемые для проведения дистанционного электронного голосования, а также условия, при которых избиратель, участник референдума вправе принять участие в дистанционном электронном голосовании». Это нововведение значительно преобразило процесс политического участия, предоставляя возможность голосовать через интернет, что облегчило многие аспекты, связанные с традиционными формами участия. Ранее, выборы были сопряжены рядом неудобств – необходимостью физического присутствия на избирательных участках, что приводило к существенной потере времени. Электронное голосование открыло новые горизонты, позволяя людям участвовать в политической жизни, не задумываясь об их месте пребывания. Это особенно актуально для тех, кто ценит своё время и стремится к активному участию в гражданской жизни. Благодаря данному механизму, процесс голосования становится более доступным и простым, что приводит к повышению явки избирателей. Кроме того, данная технология становится жизненно важной для граждан, находящихся за рубежом, обеспечивая их включённость в демократические процессы своей страны. Также, не забывая о поддержке инклюзивных концепций, система электронного голосования упрощает людям с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам участие в выборах и сокращает время и затраченные силы, чтобы добраться до избирательного участка. Что касается проведения самого голосования: оно проводится через Федеральную платформу для онлайн-голосования — vybory.gov.ru. С ее помощью можно проголосовать с компьютера или мобильного устройства, если пользователь зарегистрирован в субъекте Российской Федерации, проводящем дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Например, при выборах президента РФ в 2024 году платформу для дистанционного голосования использовали более 8 миллионов человек, что говорит о заинтересованности граждан данным технологическим процессом, а также об активном внедрении технологий в политическую среду. На мой взгляд, было

бы неплохо создать сайт с петициями для таких политических партий, как Единая Россия, ЛДПР, КПРФ, т.к. депутаты обладают законодательной инициативой, а петиция, в свою очередь, имеет юридическую силу. Это помогло бы активно внедрять идеи и принимать законопроекты на основе волеизъявления граждан и действующего законодательства.

Не стоит забывать о том, что желание активного участия в политической жизни может объединять людей и побуждать к созданию платформ для обсуждения и инициирования различных вопросов. Их создание позволяет гражданам высказать свое мнение по различным вопросам, предлагать инициативы и обсуждать важные темы. Примером могут послужить платформы: «asafov.ru.» - Данная платформа предлагает целое многообразие материалов, включая новости, статьи, спецпроекты и многое другое. На портале можно комментировать статьи участников и дискутировать в обсуждениях. Это позволяет быть осведомленным во многих политических событиях как в стране, так и в мире, а также общаться на какую-либо из тем с единомышленниками. «Russia.isidewith.com.» - На данной платформе можно найти информацию о политических партиях и их идеологиях, выборах и чат для обсуждений. Данная информация помогает людям ближе ознакомиться с кандидатурами и целями программы, сделать выбор в пользу понравившегося кандидата и определить кем является человек по политическим взглядам.

Результатом активного участия граждан на этих платформах может стать рост общественной осведомлённости и более эффективная коммуникация между людьми в сфере политической жизни. Также, идеи и инициативы, предлагающиеся гражданами, могут быть приняты во внимание и в будущем рассмотрены уже на федеральном уровне. Таким образом, политические платформы могут повлиять на реальные изменения в обществе и политике.

Вопрос, связанный с использованием онлайн-петиций, продолжает быть актуальным в контексте развития технологий, поскольку интернет открывает возможности для гражданского участия и воздействия на власть. Онлайн-петиции сегодня выступают ключевым инструментом для выражения общественного мнения и влияния на политическую повестку дня. В эпоху цифровизации любой человек может инициировать петицию, привлекая внимание к значимым вопросам и собирая подписи. Успех петиции напрямую зависит от степени её актуальности для широких слоев населения и готовности людей поддержать предложенную инициативу. Эти цифровые кампании способствуют мобилизации общественности и активистов, что способствует повышению осведомленности о проблемах и их решениях. При организации онлайн-петиций важно учитывать ряд технических аспектов. Прежде всего, необходимо выбрать оптимальную платформу из множества существующих, к примеру goi.ru— специализированная платформа для петиций, которая предоставляет инструменты для сбора подписей и привлечения внимания к общественным инициативам. Это урегулировано Указом Президента РФ от

04.03.2013 №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [3]. Основная миссия этой платформы — дать возможность людям выразить своё мнение, привлечь к обсуждению значимых проблем и способствовать изменениям в обществе. Аналогичными возможностями обладает и платформа Petitions.net. При составлении текста петиции необходимо тщательно подойти к формулировке, чётко определить актуальные проблемы, которые смогут привлечь внимание населения, а также ясно сформулировать требования к властным структурам. После размещения петиции крайне важно активно продвигать её через социальные сети, другие медиа и каналы коммуникации, охватывая как целевую аудиторию, так и общество в целом. Необходимо также активно заниматься сбором подписей, стремясь к достижению массовости. Подводя краткий итог, можно утверждать, что подача онлайн-петиций по политическим вопросам является доступным и эффективным способом выражения гражданского мнения. Тем не менее, необходимо умение мобилизовать общественное мнение вокруг важной проблемы и овладение инструментом ее решения.

Цифровизация политической жизни в России ведется также в отношении политических партий. Преимуществ такого подхода достаточно. Это и выражение собственного мнения, и удобство использования данной системы. В настоящий момент основными инструментами коммуникации остаются официальные сайты политических партий, социальные сети и медиа [4, с.46]. Цифровые технологии позволяют политическим партиям эффективно проводить образовательные кампании, объясняя свои позиции и идеи. Это вызовет всеобщее понимание граждан программы партии и степень удовлетворенности ею. Например, партия «Единая Россия» использует электронные средства голосования при проведении праймериза, а партия «За правду» размещала на собственном сайте сервис онлайн-голосования по актуальным политическим вопросам, сервис онлайн-обсуждений партийных стратегий и программ. Также в 2024 году стало известно, что в России 22 политические партии имеют личный кабинет на портале «Госуслуги», в том числе партия «Единая Россия», которая считается лидером цифровизации политической жизни и избирательного процесса.

Обсудив, как цифровизация меняет механизмы участия граждан в политических процессах, выделим преимущества и недостатки данного процесса. Цифровизация позволяет гражданам без особых усилий получать доступ к информации в сфере политики и действующего законодательства, что способствует информированности и повышает уровень участия граждан в политических процессах и вовлеченности в эту среду. Таким образом, мы можем устранить проблему «цифрового разрыва», как формы политической дискриминации, затрагивающей право граждан на информацию о деятельности органов государственной власти [5, с.8]. Социальные сети и

специализированные платформы позволяют гражданам объединяться и высказывать свои мнения, принимать участие в различных обсуждениях, что может гарантировать продвижение изменений в обществе. Технологии позволяют организовывать электронное голосование. Это также может повысить явку избирателей, предоставляя больше удобств для граждан нашей страны. Несмотря на положительные аспекты цифровой демократии, приходится сталкиваться с вызовами и проблемами, которые требуют разрешения и обращения особого внимания. Во-первых, это технические барьеры: существует категория граждан, а именно лица преклонного возраста, которые не всегда активно взаимодействуют с электронными технологиями. Это исключает их участие в цифровой среде политической жизни. Стоит также позаботиться о безопасности и конфиденциальности данных пользователей. Угроза утечки информации остаётся актуальной и требует решения для ее устранения. В медиа-пространстве также развита схема манипуляций и дезинформации: социальные сети и медиа платформы могут быть использованы для распространения ложной информации и манипуляции общественным мнением. Это требует от граждан критического отношения к получаемой информации и повышения цифровой грамотности.

Теперь поговорим о том, что будет ждать нас в будущем. Цифровая демократия продолжает развиваться, и её будущее во многом зависит от совместных усилий государства, технологических компаний и нашего общества. Для успешной реализации концепции цифровой демократии необходимо:

- Повышать уровень цифровой грамотности среди граждан, обучая их работе с информационными технологиями, устраивать мероприятия по информированию цифровых процессов обучению им.
- Обеспечивать высокие стандарты безопасности и конфиденциальности данных, чтобы общество не боялось за утечку своих данных.
- Активно обсуждать этические вопросы, связанные с использованием технологий в политике.

В заключение, можно сформулировать определенные выводы, касающиеся внедрения цифровой демократии в политические процессы. Цифровая демократия упрощает взаимодействие между государством и населением и предоставляет возможности для вовлечения граждан в цифровые политические процессы. Политика государства приобретает открытый характер, контроль за исполнением управленческих решений становится доступен для граждан. Однако, несмотря на все положительные аспекты, остаются нерешенные проблемы, такие как политика конфиденциальности и безопасность данных пользователей, недопущение манипуляций со стороны участников и т.п. Чтобы этого избегать, процесс цифровой демократии нужно совершенствовать, работать над созданием эффективных механизмов по предотвращению дезинформации и кражи данных граждан. Именно так можно

создать гармоничные отношения в обществе, где каждый гражданин будет иметь возможности влиять на политические процессы.

Список литературы

1. Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 13.12.2024) / [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 18.02.2025). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, проводимых 8 сентября 2019 года» от 29.05.2019 №102-ФЗ. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 14.02.2025). — Текст: электронный.
3. Указ Президента РФ №183 от 04.03.2013. «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». (ред. от 17.09.2020) / [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
4. Бронников И.А. Современные особенности российской Интернет-аудитории как участника политической коммуникации // PolitBook. - 2013. - №2 - 46 с.
5. Быков, И. А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. - СПб: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013 - 8 с.
6. Соколов А.В., Маклашин И.С. Особенности интернет-пространства как площадки взаимодействия // Власть. - 2013. - №12 - 61 с.

Кравцов Илья Павлович
студент 1 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ¹

Kravtsov Ilya Pavlovich,
1rd year student
Smolensk branch International law Institute
Smolensk, Russia

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF CHANGING LEGAL AWARENESS: AN ANALYSIS OF CURRENT TRENDS

Аннотация. Правосознание — это совокупность представлений, убеждений, оценок и чувств людей относительно права, правовых норм и системы правосудия. Правосознание включает в себя понимание и восприятие индивидуумами своих прав и обязанностей, а также правосознание включает в себя отношения человека к правовым институтам и процессам. В условиях стремительного развития информационных технологий и проникновения цифровых инструментов во все сферы жизни, традиционные представления о праве и законности подвергаются значительным изменениям. В статье анализируются ключевые тенденции, связанные с влиянием цифровизации на правосознание, включая изменение отношения к информации, развитие новых форм правонарушений, влияние социальных сетей на формирование общественного мнения о праве, а также роль цифровых технологий в повышении юридической грамотности и обеспечении доступа к правосудию.

Abstract. Legal awareness is a set of people's ideas, beliefs, assessments, and feelings about law, legal norms, and the justice system. Legal awareness includes individuals' understanding and perception of their rights and responsibilities, and legal awareness includes a person's relationship to legal institutions and processes. With the rapid development of information technology and the penetration of digital tools into all spheres of life, traditional ideas about law and legality are undergoing significant changes. The article analyzes key trends related to the impact of

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Смоленский филиал Международного юридического института, Богатчикова Карина Сергеевна

digitalization on legal awareness, including changing attitudes to information, the development of new forms of offenses, the influence of social networks on shaping public opinion about law, as well as the role of digital technologies in improving legal literacy and ensuring access to justice.

Ключевые слова: Информационные технологии, цифровизация, современные тенденции, видоизменения правосознание.

Key words: Information technology, digitalization, modern trends, modifications, legal awareness.

В настоящее время уровень цифровизации в нашей стране неумолимо растёт, нельзя не отметить, что цифровизация затрагивает многие сферы жизни человека. Правовая среда так же преобразуется под влиянием цифровых технологий, вследствие чего появляется ряд новых тенденций в области права.

Целью статьи стал анализ современных тенденций, образовавшихся под влиянием и с помощью развития цифровых технологий.

Так нельзя не отметить, что цифровизация позволяет гражданам получать доступ к правовой информации, нормативным актам и судебным решениям, что способствует повышению правовой грамотности и осведомленности о своих правах и обязанностях, с одной стороны данный факт можно считать положительной современной тенденцией, созданной увеличением уровня цифровизации, но здесь же стоит отметить и обратную сторону медали. С повышением уровня цифровизации возникает девиация личности у подрастающего поколения. Молодые люди, получают знания о собственных правах, но забывают получить информацию о своих же обязанностях, в следствие чего происходит перелом общественных норм. Так, самым ярким на наш взгляд примером, будет является видоизменения психолого-правовой основы школ.

Подрастающие индивидуумы, злоупотребляют своими правами, тем самым ломают, укрепившиеся в столетиях, общественную мораль по отношению к преподавателям. Так, исходя из анализа последней редакции федерального закона № 273 «об образовании» мы можем увидеть довольно странную поправку в федеральный закон [2]. А именно, законодатель добавляет в статью 41 часть 4 санкционные меры по отношению к ученикам, а именно, теперь педагогам официально можно делать замечания провинившимся ученикам. На наш взгляд, данная редакция федерального закона, является не чем иным, как ярким пример видоизменения роли педагога в учебной среде. Так, если раньше статус и авторитет педагога был неприкасаемым, то теперь с повышением уровня цифровизации и как следствием деформации правосознания у подрастающего поколения, в образовательной среде возникли прецеденты, в которых ученики прямо заявляли, что педагог не имеет право делать им замечания. Здесь стоит отметить, что с юридической точки зрения такие ученики безусловно были

правы, но вот с моральной точки зрения, мы видим скорее разрушения статуса и авторитета педагога, чем правильный посыл в защите прав ученика.

Не уходя далеко от образовательной среды, стоит рассмотреть и ещё один пример, связанный с деформацией правосознания субъектов учебной системы. В декабре 2023 года президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, подписал федеральный закон № 618 «о внесении изменений в федеральный закон «об образовании»» [3]. Стоит отметить, что ряд положений, обозначенных в федеральном законе направлен на защиту учителей от всех форм физического и психического насилия и оскорбления личности. То, есть фактически, образовательная система столкнулась с ярко выраженной агрессией со стороны родителей и детей по отношению к педагогам. На наш взгляд, это ещё один яркий пример перелома статуса и авторитета педагога учебного заведения. По мнению Куликовой Татьяны Александровны, такая деформация в сфере образования связана в первую очередь с девиацией поведения молодых родителей по отношению к педагогам [5, с.238]. На наш взгляд, именно цифровизация, а если быть точнее, свобода информации, возникшая из-за цифровизации, видоизменяет правосознание молодых родителей и как следствие затрагивает поведение, и мораль их детей.

Нельзя не отметить, что у цифровизации есть и положительные аспекты. Так, цифровизация привнесла в наш мир социальные медиа, то есть платформы социальных сетей, где введётся активное обсуждения права. Безусловно, данная инновация может повысить и повышает уровень правосознания граждан, но здесь же выявляются и минусы данной инновации. Так, не все люди намерены обсуждать право исключительно в дипломатическом контексте, существует ряд людей готовых применить силу для достижения своих целей. Для таких людей, цифровизация стала помощником, так как обсуждение агрессивных, не законных идей с применением насилия, гораздо безопаснее на расстоянии, сюда так же добавляется критерий массовости и в некотором роде анонимности.

Так, цифровизация видоизменила и в некотором плане усовершенствовала тенденцию терроризма. Стоит понимать, что сам по себе терроризм далеко не новая тенденция в мировом порядке, но новой отраслью терроризма выступает, цифровой терроризм (кибератаки). Кибератаки это новая тенденция в современном мире, которая стала возможна только благодаря прогрессу цифровизации.

Кибератаки как новая современная тенденция крайне опасное явление, учитывая, что это всё тот же терроризм, направленный на достижение целей крайне агрессивным путём.

Не отходя далеко от терроризма, стоит рассмотреть и другую негативную тенденцию, а именно диверсию.

Диверсия согласно Уголовному кодексу Российской Федерации – это совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение

или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации [1].

Нельзя не отметить, что в ходе последних мировых событий такая тенденция только набирает обороты, особо ярко это можно видеть, анализируя статистику уголовных преступлений за 2022-2023 года. Так исходя из данных Генпрокуратуры, в 2022 году зафиксировано рекордное как минимум за последние семь лет число диверсий — 23 [4]. На окончания 2023 года, согласно статистике Генпрокуратуры, было совершено 27 диверсией и 26 диверсий было предотвращено сотрудниками правоохранительных органов. Нельзя не отметить, что стремительный рост данной тенденции, стал возможен только благодаря цифровизации, а именно, из-за привлечения украинскими спецслужбами молодых граждан нашей страны к диверсионным действиям, путём уговоров и шантажа через социальные сети. То есть, все диалоги и обсуждения планов, диверсии, происходило в социальных сетях.

Здесь же стоит отметить и ещё одну негативную тенденцию, связанную с социальными сетями, а именно распространение наркотических веществ. Так, с приходом в нашу жизнь социальных сетей, преступления, связанные с наркотическим оборотом, получили для себя ряд упрощений. А именно, новый рынок сбыта, анонимность и массовость. Говоря о новом рынке сбыта, мы понимаем рекламу наркотических веществ в открытом доступе, безусловно силовые структуры борется с такими рекламами, но это не имеет должный эффект. Так как, социальные сети по своей сути подарили производителям наркотиков анонимность, не только в рекламных компаниях своего товара, но и в распространение запрещённых веществ. Так, распространением наркотических средств занимается исполнитель, который не знает не имён не адресов создателей наркотиков, что значительно утяжеляет работу правоохранительных органов, а учитывая тот факт, что исполнителей становится крайне много, перекрыть все пути распространение запрещённых веществ практически невозможно.

Стоит понимать, что развитие всех вышеописанных нами тенденций, возможно лишь в том случае, если за данными тенденциями идут люди. А как правило, за такими тенденциями идут индивидуумы, обладающие крайне низким правосознанием, за чистую это люди не достигшие 25-летнего возраста, но влечённые легким, по их мнению, заработком денег.

Таким образом, нами были выделены основные тенденции связанные с изменением правосознания людей в нашей стране. На наш взгляд, полное искоренение вышеописанных тенденций невозможно, так как нельзя добиться от каждого индивидуума в отдельности высокого уровня правосознания, но

можно и нужно повышать общий уровень правосознания у общества. Повышения уровня общественного правосознания снизит влияния негативных тенденций на общество и государство, а также вернёт мораль в образовательные учреждения нашей страны и в будущем поможет избежать возникновения нежелательных прецедентов и противозаконных тенденций.

Список литературы

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) / [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 19.12.2023 N 618-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" / [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
4. Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации / [Электронный ресурс] URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (Дата обращения: 15.02.2025). — Текст: электронный.
5. Куликова Т. А. Семейная педагогика и домашнее воспитание: Учебник для студ. сред. и высш. пед. учеб. Заведений. — М.: Издат. центр «Академия», 2014. — 238 с.

Одуденко Виктория Юрьевна
студентка 2 курса,
Смоленский филиал
Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ¹

Odudenko Victoria Yurievna,
2nd year students
Smolensk branch
International law Institute
Smolensk, Russia

THE PROBLEM OF USING EVALUATIVE CONCEPTS IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE IDEA OF ELECTRONIC JUSTICE

Аннотация. В статье анализируется проблема реализации концепции электронного правосудия с учетом применения оценочных понятий в юридической практике. Эти понятия обеспечивают необходимую гибкость и адаптивность при принятии правоприменительных актов, которые трудно достижимы при использовании строгих алгоритмических подходов. Автор указывает на ограничения возможности использования искусственного интеллекта для решения задач, требующих субъективных оценок. Новизна исследования заключается в том, что на основании проведенного анализа сущности оценочных понятий и сравнения машинного и человеческого подходов к принятию процессуальных решений автором обосновывается вывод о том, что развитие информационных технологий открывает для судебной системы беспрецедентные возможности, однако их внедрение в судопроизводство должно быть реализовано с осторожностью, с учетом категории усмотрения в правоприменении.

Abstract. The article analyzes the problem of implementing the concept of electronic justice, considering the application of evaluative concepts in legal practice.

¹ Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Теории права и государственно-правовых дисциплин (отделение Смоленского филиала) Международного юридического института, Муллахметова Наталья Евгеньевна

These concepts provide the necessary flexibility and adaptability in the adoption of law enforcement acts, which are difficult to achieve using strict algorithmic approaches. The author points out the limitations of the possibility of using artificial intelligence to solve problems that require subjective assessments. The novelty of the study lies in the fact that based on the analysis of the essence of evaluative concepts and the comparison of machine and human approaches to making procedural decisions, the author substantiates the conclusion that the development of information technology opens up unprecedented opportunities for the judicial system, but their introduction into legal proceedings should be implemented with caution, considering the category of discretion in law enforcement.

Ключевые слова: оценочные понятия, юридическая техника, усмотрение правоприменителя, судопроизводство, электронное правосудие, правоприменение, искусственный интеллект.

Key words: evaluative concepts, legal technique, discretion of the law enforcement officer, judicial proceedings, electronic justice, law enforcement, artificial intelligence.

В сфере судопроизводства сегодня все чаще применяются передовые цифровые технологии, алгоритмы и искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ), что порождает дискуссии о возможной замене человеческого участия при принятии судебных решений. На данный момент ИИ демонстрирует впечатляющие возможности в анализе данных и принятии решений на основе изучения больших массивов информации. Несмотря на очевидные преимущества, применение современных компьютерных технологий в правоприменении вызывает ряд дискуссионных вопросов, требующих глубокого осмысления с позиции права, а также этики и нравственности.

В рамках данной статьи мы рассмотрим одну из категорий юридической техники – оценочные понятия, и обоснуем вывод о недопустимости использования ИИ вместо судьи при принятии итоговых решений по делу. Ключевая идея заключается в том, что не все юридически значимые обстоятельства, которые можно оценить объективно, могут быть адекватно обработаны с помощью ИИ. Оценочные понятия, подразумевающие усмотрение правоприменителя, обеспечивающие гибкость правового регулирования, становятся настоящим вызовом для систем автоматизации. Каждая ситуация требует внимательного анализа множества деталей и нюансов, что зачастую превышает пределы возможностей автоматизированных решений, ведь «...технологии ИИ всегда ориентируется на конкретику и анализ, он не может учесть всех обстоятельств какого бы то ни было дела» [4, с. 112], вследствие чего даже самый продвинутый ИИ не способен без дополнительных данных заменить человеческий опыт в этих вопросах.

Таким образом, изучение оценочных категорий в рамках электронного правосудия - актуальная задача, которая требует углубленного анализа и разработки решений, которые в свою очередь должны эффективно объединять как технологические достижения, так и исключительное соблюдение принципов справедливости и законности в судопроизводстве.

Оценочные понятия в праве - категории, которые используются для вынесения компетентных суждений в процессе правоприменительной практики. Их значения подвержены различного рода интерпретациям, которые варьируются в зависимости от конкретных условий ситуации, поскольку, как утверждает Данилкина А.А., они отражают «...типичные признаки юридически значимых явлений с расчетом на то, что правоприменитель самостоятельно детализирует их в рамках конкретного правоотношения» [3, с. 248]. Следовательно, главная функция оценочных понятий - обеспечить правоприменителям гибкость и возможность учитывать уникальные обстоятельства каждого дела, поскольку правовая действительность весьма многогранна.

Такие понятия, как «разумный срок», «добросовестность» и «значительный ущерб» играют важную роль в квалификации юридически значимых обстоятельств, позволяя судье принимать обоснованные решения, используя индивидуальный подход к каждому случаю, ведь, как считает Лынов А.А., оценочные понятия «...всегда предоставляют субъекту свободу выбора и возможность различной интерпретации содержания, преимущественно ориентируя правоприменителя на систему ценностей, и оставляют последнего наедине с его совестью, уровнем нравственного развития и профессионализмом» [6].

В юридической практике оценочные понятия могут проявляться как в содержательной части норм права, так и в их формулировках. Например, понятие «полное возмещение убытков с разумной степенью достоверности» требует от правоприменителей учета не только имущественных потерь, а также обстоятельств, при которых эти потери были причинены, поскольку «...размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению» [1].

Контекст играет ключевую роль в применении права, т.к. ключевые решения зависят от уникальных обстоятельств случая, включая социальные, культурные и эмоциональные аспекты. ИИ, хотя и способен на обработку больших объемов данных, но не может полностью учитывать сложность контекста, т.к. его алгоритмы основаны на шаблонных подходах и не всегда могут интерпретировать уникальность каждого случая, что значительно ограничивает его применение в случаях, где требуется всестороннее изучение социальных условий.

Таким образом, оценочные понятия - важный элемент правоприменительной системы, способствует гибкости в подходах к решению правовых вопросов и обеспечивает возможность учета индивидуальных обстоятельств, но в то же время их использование также требует тщательного анализа и понимания их сущности, сложности и значимости в контексте современного электронного правосудия, что в особенности значимо в уголовном праве, где от того, насколько детально будут учтены те или иные обстоятельства, напрямую зависит судьба человека. Чтобы лучше проиллюстрировать значение оценочных понятий в уголовном праве, рассмотрим конкретный пример, касающийся смягчающих обстоятельств, которые могут существенно повлиять на определение меры наказания - дело, которое было возбуждено в отношении гражданки, которая совершила преступления средней тяжести против собственности – кражу и мошенничество. При назначении наказания суд учел следующие смягчающие обстоятельства: признание вины и раскаяние в содеянном, добровольное частичное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступлений, а также отягчающее обстоятельство в виде рецидива. В результате судом была установлена возможность исправления гражданки «...без реального отбывания ею наказания в местах лишения свободы» [2]. Ей было назначено наказание в виде принудительных работ на срок 1 год 6 месяцев.

Концепция электронного правосудия предполагает разрешение судами правовых конфликтов «...посредством информационно-коммуникационных технологий, прежде всего электронного документооборота и системы видеоконференц-связи, результаты которых отображаются в информационной системе», – подчеркнул в своем выступлении Виктор Момотов [9].

ИИ, как своего рода «технология», вступает в правоприменительную сферу как достаточно мощный инструмент, который способен к обработке и анализу значительных объемов данных за короткое время, поскольку, как утверждает Ермаков Е.А., уже в настоящий момент времени ИИ вполне способен посодействовать «...судьям и сотрудникам аппарата в анализе дел и законов, оказать помощь в составлении документации при обязательном контроле самих судей, в подготовке материалов для судебных слушаний, в стенографировании заседаний и синхронном переводе выступлений» [5], что значительно ускоряет процесс работы. Вместе с тем возникают вопросы в области ограничений ИИ в принятии решений, требующих субъективной оценки и внутреннего убеждения, исходя из того, что основной принцип работы таких систем - способность алгоритмов обрабатывать большие объемы данных, извлекать ключевую информацию и предоставлять аналитические выводы. Применение ИИ в правоприменении, несмотря на его преимущества, не лишено сложностей, которые затрагивают этические, юридические и практические аспекты.

Одно из наиболее заметных недостатков в данной области - неспособность учитывать неопределенности и сложности, свойственные различного рода отношениям и ситуациям. Например, алгоритм COMPAS, используемый в США для предсказания рецидива, подвергся критике за дискриминацию по расовому признаку, что подчеркивает недостаток машинного подхода в учете социальных факторов (который предопределяет на основе оценки критериев риска вероятность повторения преступления и, в свою очередь, влияет на тяжесть приговора). Принятие решений в праве часто требует оценки множества факторов, включая эмоциональные и человеческие аспекты, такие как добросовестность и намерения сторон, что гораздо сложнее алгоритмизировать. В связи с чем, несмотря на свою полезность в автоматизации, ИИ пока не может заменить экспертное суждение человека в вопросах правоприменения, и, как верно отметил Шундилов К.В, «...необходимо исключить передачу полномочий по оценке обстоятельств дела, доказательной базы и принятию итоговых решений в руки машины» [8].

Еще одно ограничение - отсутствие возможности ИИ формировать собственное внутреннее убеждение. Правоприменители опираются на совокупность имеющихся знаний, жизненный опыт и судебную практику, что является важной частью процесса принятия решений. ИИ, не имея человеческого опыта, не может осмыслить тонкости и нюансы, которые влияют на окончательное суждение. В конечном итоге, наиболее целесообразен вывод - ИИ в контексте использования оценочных понятий в реализации идеи электронного правосудия может лишь давать рекомендации, но финальное решение в подавляющем большинстве случаев должно оставаться за человеком, который несет ответственность за свои действия и решения, что еще раз подчеркивает важность человека в процессе правоприменения, несмотря на стремительный технический прогресс и всевозможное развитие информационных технологий.

ИИ в правоприменении можно охарактеризовать как «...автономную систему (технологическое решение), обладающую способностью к обучению, самообучению и самосовершенствованию, осуществляющую самостоятельный поиск, анализ и обобщение информации, имеющую признаки разумного поведения - возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения, достигая и превышая при этом результаты интеллектуальной деятельности человека вне зависимости от сферы применения» [7]. Такой подход подчеркивает значимость интеграции технологий в юридическую практику, при этом не исключая человеческое участие, что позволяет более эффективно решать сложные правовые вопросы.

Гибридные модели правоприменения, сочетающие возможности искусственного интеллекта и человеческого участия - перспективное направление развития системы правосудия. Они позволяют использовать

алгоритмы для анализа больших объемов информации и предоставления рекомендаций, оставляя окончательное решение за судьями. В качестве примера успешной реализации такого подхода служит опыт Эстонии, где в 2021 году была протестирована система, в которой искусственный интеллект помогает судьям анализировать дела, при этом финальная оценка и принятие решения все-таки остаются за человеком, что, в свою очередь, обеспечивает баланс между технологической эффективностью и необходимостью учитывать человеческий фактор, включая моральные и эмоциональные аспекты. Успешное применение технологий в праве требует баланса между автоматизацией и человеческим сознанием, что обеспечит соответствие требованиям справедливости и законности.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ключевые аспекты использования оценочных понятий в правоприменении и их значимость в обеспечении дальнейшей цифровизации правосудия. Важно отметить, что сохранение оценочных понятий в правоприменении - критически важно для достижения справедливости и эффективности в контексте электронного правосудия. Оценочные понятия, такие как «справедливость», «разумный срок», «добросовестность» и другие, служат ключевыми направлениями для формирования правоприменительных решений, позволяя учитывать индивидуальные обстоятельства и уникальные факторы каждого конкретного случая. Эти понятия обеспечивают необходимую гибкость и адаптивность, которые трудно достижимы при использовании строгих алгоритмических подходов.

Анализ ограничений ИИ показал, что технологии, несмотря на их потенциал, не способны заменить человеческий фактор в решении вопросов, связанных с оценочными понятиями, что подчеркивает важность сохранения роли человека в процессе принятия правовых решений. Применение современных технологий должно быть направлено на поддержку правоприменителей, а не на их полную замену. Устойчивое и справедливое правосудие возможно только тогда, когда алгоритмы используются в качестве вспомогательных средств, а конечные решения принимаются людьми, умеющими учитывать множество аспектов, которые может не охватывать жёсткий алгоритмический подход.

Оценочные понятия остаются неотъемлемой частью правоприменения, особенно в контексте электронного правосудия, где их значение возрастает ввиду необходимости баланса между технологическими возможностями и человеческим участием. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методов интеграции оценочных понятий в электронные системы правосудия, что требует междисциплинарного подхода, объединяющего юриспруденцию, информатику и социальные науки. Стремление к правильному балансу между инновациями и традиционными

правоприменительными подходами имеет ключевое значение для формирования эффективной и справедливой системы правосудия.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
2. Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области № 1-204/2022 от 20 декабря 2022 г. по делу № 1-204/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4kd91JrezKx/> (дата обращения: 19.02.2025)
3. Данилкина А.А. Дискуссионные научные вопросы, связанные с выделением оценочных категорий в гражданском праве // Молодой ученый. - 2022. - № 48 (443). - С. 248-250. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/443/97196/> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Деев С.А. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности и в правоприменении // Молодой ученый. - 2022. - № 38 (433). - С. 111-114. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/433/95100/> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Ермаков А.В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект // Закон и право. - 2024. - № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravosudiya-i-iskusstvennyy-intellekt> (дата обращения: 19.02.2025).
6. Лынов А.А. К вопросу об оценочных категориях в гражданском праве // StudNet. - 2021. - № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otsenochnyh-kategoriyah-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия Право. - 2023. - № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-iskusstvennogo-intellekta-1> (дата обращения: 19.02.2025).
8. Шундилов К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. - 2023. - № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskom-pravosudii-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 19.02.2025).
9. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятнина на тему

«Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность». URL: <https://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42272> (дата обращения: 19.02.2025)

Покручин Даниил Анатольевич

студент 3 курса,
Смоленский филиал
Финансового университета
при правительстве РФ,
г. Смоленск, Россия

Исаева Алиса Сергеевна

студентка 3 курса,
Смоленский филиал
Финансового университета
при правительстве РФ,
г. Смоленск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВА ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА¹

Pokruchin Daniil Anatolyevich,

3rd year students
Smolensk branch Financial University
under the Government of the Russian Federation
Smolensk, Russia

Isaeva Alisa Sergeevna

3rd year students
Smolensk branch Financial University
under the Government of the Russian Federation
Smolensk, Russia

EVOLUTION OF DIGITAL LAW INFLUENCED BY THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLEGEENCE

Аннотация. В статье рассматривается эволюция цифрового права в условиях развития технологий искусственного интеллекта (ИИ). Основное

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Математика, информатика, общегуманитарные науки» Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, Пучкова Виктория Викторовна

внимание уделено вопросам регулирования ИИ, включая ответственность за действия, совершаемые с использованием ИИ, и защиту прав человека в цифровой среде. Проведён анализ современных практик регулирования ИИ в России и мире, выделены ключевые направления развития цифрового права, такие как обеспечение прозрачности алгоритмов, предотвращение дискриминации и защита персональных данных. Особое внимание уделено этическим и правовым вызовам, связанным с внедрением ИИ, а также перспективам формирования международных стандартов регулирования. Статья подчёркивает необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы для создания устойчивой и справедливой правовой среды в условиях цифровой трансформации.

Abstract. The article examines the evolution of digital law in the context of the development of artificial intelligence (AI) technologies. The main focus is on the issues of AI regulation, including liability for actions performed using AI and protection of human rights in the digital environment. The authors analyze the current practices of AI regulation in Russia and the world, highlighting key areas of digital law development, such as ensuring transparency of algorithms, prevention of discrimination and protection of personal data. Special attention is paid to the ethical and legal challenges associated with the introduction of AI, as well as the prospects for the formation of international regulatory standards. The article emphasizes the need for further improvement of the legal framework to create a sustainable and fair legal environment in the context of digital transformation.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, эволюция цифрового права, правовое регулирование, влияние, интеллектуальная собственность, развитие.

Key words: Artificial intelligence, evolution of digital law, legal regulation, influence, intellectual property, development.

В эпоху информационного общества возникла новая отрасль права – цифровое, которая регулирует трансформацию привычных правоотношений в цифровой среде. Одной из её особенностей является необходимость в частой адаптации и реактивных изменениях в связи с появлением всё новых и новых технологий и инноваций. Одной из таких цифровых технологий стал феномен нейросетей, более известных как ИИ (искусственный интеллект), позволяющих имитировать часть деятельности человеческого интеллекта путём генерации или анализа потока данных. Бурный скачок в развитии технологий ИИ стал предпосылкой к началу обсуждения резко вставшего вопроса о его возможности иметь и приобретать цифровые права, а также нести ответственность. Цель данной работы – рассмотрение аспектов права, которые затрагивают деятельность искусственного интеллекта. Для достижения этой цели будут выполняться ряд задач, который включает в себя рассмотрение аспектов ИИ, подлежащих регулированию, и анализ практик эволюции

цифрового права, применённых на сегодняшний день вместе с перспективами их дальнейшего развития как в России, так и в остальном мире. Данная статья обладает актуальностью за счёт относительно молодого возраста как рассматриваемой технологии, так и нормативно-правовых актов, касающихся её.

Насколько опасен ИИ? Нарушает ли он авторское право, и может ли он нарушить его вовсе? Самостоятелен ли ИИ, или же является таким же инструментом, как Microsoft Word или Adobe Photoshop? Первым шагом на пути к определению правового статуса ИИ необходимо начать с самых основ – рассмотрим наиболее распространённые определения этой революционной технологии.

ISO/IEC 22989:2022: Система ИИ – Техническая система, использующая одну или несколько моделей ИИ, которая порождает такие конечные результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора определенных человеком целей [5].

Ogacle: ИИ – действия компьютера, имитирующие принятие решений человеком на основе полученного опыта и данных [8].

IBM: ИИ – любая система, способная симулировать человеческий интеллект и его мысленные процессы [7].

Европейский союз (EU AI Act): ИИ – машинная система, предназначенная для работы с разной степенью автономности и которая может проявлять адаптивность после развёртывания и на основе ввода в неё способна для явных, либо неявных целей генерировать такие виды вывода, как предсказания, контент, рекомендации, или решения, которые могут повлиять на физическую или виртуальную среду [1].

Россия (ФЗ РФ от 24.04.2020 № 123-ФЗ): ИИ – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [2].

Стремительное развитие нейросетей и их использование по всему миру несёт за собой ряд рисков, многие из которых не очевидны для рядового пользователя, но уже находятся под надзором научного сообщества и законодателей крупных стран мира. Рассмотрим некоторые из них:

Предвзятость:

Компании в сферах банкинга, страхования, а также правоохранительные органы стали использовать ИИ в современных системах распознавания лиц. Несмотря на их эффективность и простоту внедрения, вывод нейросетей может быть подвержен ошибкам – так называемым «галлюцинациям» – что абсолютно недопустимо в сферах бизнеса, описанных выше, и может привести к серьёзным последствиям как для компании, так и для её клиентов.

Безопасность обрабатываемых данных:

Нередко при использовании услуг, предоставляемых ИИ, пользователь вводит в систему информацию, которая может являться конфиденциальной, не задумываясь, что происходит с ними дальше. Основная проблема заключается в том, что эти данные могут в дальнейшем быть использованы владельцами сервиса для продажи, анализа, или же дополнительного обучения модели нейросети, что является серьёзным нарушением прав человека и является поводом для беспокойства государственных служб и частных компаний, занимающихся информационной защитой.

Нарушение авторского права:

Одной из ключевых особенностей моделей нейросетей является их тренировка, позволяющая им выполнять генеративные функции на основе имеющихся данных. Стоит понимать, однако, что для успешной тренировки моделей наподобие ChatGPT требуется колоссальное количество информации, размер которой достигает сотен терабайт, а это неизбежно приводит к тому, что весомая часть этих данных была защищена авторским правом и ассимилирована без согласия или ведома их создателей. Это было доказано и научным методом – с помощью аккуратно выстроенных промптов энтузиасты смогли заставить нейросети вывести на экран отрывки из статей и книг, авторы которых вовсе не были поставлены в известность. Другой стороной медали стала попытка компаний-медиамагнатов сэкономить на актёрах и сценаристах, заменяя их на модели, натренированные на их же работе. К счастью, профсоюзы по всему миру не оставили это без внимания, и прямо сейчас идёт ожесточённая борьба и забастовки с целью ограничения использования ИИ в творческом процессе.

В период с 2016 по 2023 год, согласно исследованиям Стэнфордского университета, было принято большое количество ИИ-законов. Каждая страна подходит к данному вопросу по-разному.

Согласно закону ЕС об ИИ (AI Act) [1], принятого 2 февраля 2025 г., риск искусственного интеллекта разделяют на неприемлемый, высокий и ограниченный:

Неприемлемые системы ИИ считаются опасными, а их создание, использование и распространение, в свою очередь, является незаконным;

ИИ высокой степени риска допускается к разработке и выпуску в мир только после тщательной проверки со стороны государственных органов власти. Также разработчик (создатель) обязан вести постоянный контроль за своим детищем, чтобы не допустить каких-либо угроз для общества;

При использовании ИИ ограниченного риска пользователь в обязательном порядке должен быть уведомлён о том, что взаимодействует не с живым человеком.

В КНР правовой контроль ИИ концентрирует своё внимание на так называемых «ценностях социализма». Создатели таких технологий не имеют права использовать ряд наборов данных – вся информация должна быть взята

только из законных источников. Согласно законодательству, разработчик может понести уголовную ответственность в случае, если его творение будет генерировать заведомо ложные или же некорректные ответы, однако случаев предъявления обвинений китайским создателям нейросетей не наблюдалось.

В ОАЭ деятельность ИИ регулируется Национальной стратегией искусственного интеллекта и Советом по ИИ и блокчейну. Последний обязуется рассматривать и интегрировать лучшие мировые практики в области, привлекая при этом талантливых специалистов в целях развития экономики страны.

На данный момент, США можно считать одной из стран-лидеров в области правового законодательства ИИ. Большинство технологий, использующих искусственный интеллект, пришли в мир именно оттуда. В самой стран ИИ применяется почти во всех отраслях (например, в медицине и национальной безопасности).

24 апреля 2020-ого года был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"». Согласно ему, искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. Однако, стоит отметить, что в данном законе ничего не сказано о том, что делать, если ИИ выйдет из строя. На данный момент, ещё не появилось какого-нибудь правового документа, который смог бы прояснить подобный нюанс.

На данный момент Ключевыми задачами в сфере регулирования ИИ являются:

- создание основ правового регулирования новых общественных отношений, формирующихся в связи с применением систем искусственного интеллекта и робототехники, имеющих преимущественно стимулирующий характер;
- определение правовых барьеров, затрудняющих разработку и применение систем искусственного интеллекта и робототехники в различных отраслях экономики и социальной сферы;
- формирование национальной системы стандартизации и оценки соответствия в области технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Одним из элементов развития ИИ в РФ является введение так называемых экспериментальных правовых режимов (ЭПР), регулируемых следующими нормативно-правовыми актами:

ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 258-ФЗ [3];

ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" от 02.07.2021 N 331-ФЗ [4].

Существует четыре основных бизнес-направлений, наиболее всего затрагиваемых ЭПР. Приведём их ниже:

Сбор и обработка данных о здоровье граждан, развитие фармацевтической деятельности;

Разработка, производство и эксплуатация беспилотных транспортных средств, а также обучение их операторов;

Предоставление государственных и муниципальных услуг;

Развитие промышленного производства и сельского хозяйства;

Другим аспектом внедрения ИИ в России стала стандартизация. Программа, принятая Росстандартом и сопровождаемая техническим комитетом по стандартизации №164 «Искусственный интеллект», включает в себя разработку не менее 111 стандартов, которые призваны преодолеть нормативно-технические барьеры в реализации федерального проекта по развитию ИИ в стране, привнося ясность в терминологию и указания по работе с технологией.

Чтобы избежать всевозможных ошибок, которые могут привести к негативным последствиям как в виртуальном, так и в реальном мире, в 2021 году был разработан и принят Кодекс этики в сфере ИИ, несущий рекомендательный характер. В нём установлены общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере ИИ. Основной его целью является создание среды доверенного развития технологий искусственного интеллекта в России.

Основные постулаты Кодекса [6].

Интересы каждого человека должны быть защищены.

Ответственно подходить к созданию и использованию ИИ.

Человек всегда сам несёт ответственность за применение СИИ.

Технологии ИИ нужно применять по назначению и внедрять там, где это принесёт пользу людям.

Конкуренция в данной области должна стоять на последнем месте.

Вся информация о технологии должна быть изложена максимально правдиво - должны быть указаны всевозможные риски и возможности.

Эволюция цифрового права в условиях развития искусственного интеллекта представляет собой динамичный и многогранный процесс,

требующий постоянного анализа и адаптации правовых норм к стремительно меняющимся технологическим реалиям. Как показало исследование, ИИ и нейросети как технология бросают вызов традиционным правовым концепциям, ставя перед обществом и законодателями вопросы о возможности наделения искусственного интеллекта цифровыми правами, а также о механизмах регулирования его деятельности и ответственности за принимаемые решения.

Анализ современных практик регулирования ИИ в России и мире демонстрирует, что цифровое право находится на этапе активного формирования. Несмотря на отсутствие единого подхода к регулированию ИИ, уже сейчас можно выделить ключевые направления, такие как защита персональных данных, обеспечение прозрачности алгоритмов, предотвращение дискриминации и установление ответственности за действия, совершаемые с его использованием. Однако остаются нерешёнными многие вопросы, включая этические аспекты использования искусственного интеллекта, его правосубъектность и баланс между инновациями и защитой прав человека.

Перспективы развития цифрового права в контексте ИИ связаны с необходимостью международного сотрудничества и выработки универсальных стандартов регулирования. Это позволит не только создать благоприятные условия для развития технологий, но и минимизировать риски, связанные с их использованием. В России, как и в других странах, важно продолжать совершенствовать нормативно-правовую базу, учитывая как мировой опыт, так и специфику национальной правовой системы.

Таким образом, эволюция цифрового права в условиях развития ИИ – это не только ответ на вызовы современности, но и возможность формирования новой правовой реальности, которая будет способствовать гармоничному взаимодействию технологий и общества. Дальнейшие исследования в этой области остаются актуальными и необходимыми для создания устойчивой и справедливой правовой среды в цифровую эпоху.

Список литературы

1. EU Artificial Intelligence Act от 02.05.2025 // Европейский парламент. - 02.05.2025. - №113(a). - ст. 3.
2. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс

3. Федеральный закон "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" от 31.07.2020 N 258-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
4. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" от 02.07.2021 N 331-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
5. ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта. Введ. 2025-01-01 М.: Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, 2024. 62 с.
6. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. — Текст: электронный // Альянс в сфере искусственного интеллекта: [сайт]. / [Электронный ресурс] URL: https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2021/10/Кодекс_этики_в_сфере_ИИ_финальный.pdf (дата обращения: 20.02.2025). — Текст: электронный.
7. Artificial Intelligence. — Текст: электронный // IBM Design for AI: [сайт]. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.ibm.com/design/ai/basics/ai/> (дата обращения: 20.02.2025). — Текст: электронный.
8. What Is AI? Learn About Artificial Intelligence. // Oracle: [сайт]. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.oracle.com/artificial-intelligence/what-is-ai/> (дата обращения: 20.02.2025). — Текст: электронный.

Танаубаева Аделина Елдосовна
студентка 2 курса,
Ивановский филиал Международного
юридического института,
г. Иваново, Россия

Славинская Елизавета Алексеевна
студентка 2 курса,
Ивановский филиал Международного
юридического института,
г. Иваново, Россия

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРУ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ¹

Tanaubaeva Adelina Eldosovna,
2rd year students
Ivanovo branch International law Institute
Ivanovo, Russia
Slavinskaya Elizaveta Alekseevna,
2rd year students
Ivanovo branch International law Institute
Ivanovo, Russia

THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF LEGAL SERVICES: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Аннотация. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что развитие технологий и активное внедрение искусственного интеллекта (далее - ИИ) в различные сферы жизни, включая юридическую, приводят к значительным изменениям в структуре оказания юридических услуг. Статья рассматривает преимущества и недостатки внедрения ИИ в юридическую практику, а также его влияние на профессиональную деятельность юристов. Для проведения данного исследования использовались следующие методы: анализ литературы и научных публикаций по теме; прогнозирование.

¹ Научный руководитель - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Ивановский филиал Международного юридического института, Кузнецова Ольга Александровна.

Abstract. The relevance of the stated topic is due to the fact that the development of technology and the active introduction of artificial intelligence (AI) in various spheres of life, including law, lead to significant changes in the structure of legal services. The article examines the advantages and disadvantages of introducing AI into legal practice, as well as its impact on the professional activities of lawyers. The following methods were used to conduct this research: analysis of literature and scientific publications on the topic; forecasting.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, машинное обучение, право, юридическая деятельность, преимущества, недостатки.

Key words: digitalization, artificial intelligence, machine learning, law, legal activity, advantages, disadvantages.

Современные технологии стремительно проникают во все сферы жизни общества, и юридическая отрасль не является исключением. В последние годы наблюдается активное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в процессы оказания юридических услуг: автоматизация процессов, использование нейросетей для анализа данных и прогнозирования судебных решений, а также развитие чат-ботов для получения консультаций — все это становится реальностью современного юридического сервиса. Этот процесс сопровождается как значительными преимуществами, так и рядом недостатков, которые необходимо тщательно проанализировать для формирования объективной оценки перспектив развития данной тенденции.

Но перед тем, как перейдем к этому вопросу, считаем целесообразным ввести в маленький исторический экскурс. Искусственный интеллект начал активно развиваться в середине XX века, когда ученые впервые задумались над возможностью создания машин, способных выполнять интеллектуальные задачи. Первые попытки применить ИИ в юридической сфере относятся к 1970-м годам, когда были разработаны программы для автоматизации поиска правовых норм и анализа судебных решений [5, с.14]. Однако настоящий прорыв произошел в начале XXI века с развитием нейронных сетей и машинного обучения. Эти технологии позволили создать сложные алгоритмы, способные обрабатывать большие объемы данных и принимать решения на основе накопленного опыта. В результате, появились такие инструменты, как системы автоматического составления договоров, программы для анализа судебных прецедентов и другие. Сегодня искусственный интеллект используется в самых разных областях права. Он помогает юристам быстрее находить нужную информацию, составлять документы, предсказывать исходы судебных разбирательств и даже предоставлять первичные юридические консультации.

Теперь поговорим об нормативно-правовом регулировании ИИ. Первый нормативно-правовой акт, который был создан для регулирования ИИ – это Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного

интеллекта в Российской Федерации». В этом Указе впервые было дано определение понятия «искусственный интеллект». Под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [2]. Следом за ним принимается Федеральный закон от 24.04.2020 №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации...» [1]. Этим законом установлен экспериментальный правовой режим на ближайшие пять лет.

На сегодняшний день существует несколько ключевых направлений использования ИИ в юридической сфере: автоматизированный анализ документов - программы на базе ИИ способны быстро просматривать и анализировать огромные массивы текстовой информации, выделяя важные фрагменты и предлагая юристам готовые выводы; составление договоров и других юридических документов - системы ИИ могут генерировать стандартные договоры и соглашения на основе шаблонов, учитывая специфику каждой конкретной ситуации; поиск прецедентов и судебной практики - ИИ помогает юристам находить аналогичные дела и судебные решения, что существенно ускоряет подготовку к судебным заседаниям; прогнозирование исхода судебных дел - на основе анализа больших объемов данных, ИИ может предсказать вероятность успеха в суде, что позволяет юристам лучше планировать стратегию защиты клиента; чат-боты и виртуальные помощники - интерактивные системы, основанные на ИИ, предоставляют пользователям базовые юридические консультации и помогают решать простые правовые вопросы.

Ярким примером является LegalTech, который представляет собой область на пересечении информационных технологий и права. Компании, работающие в этой сфере, создают платформы, программное обеспечение и инструменты, которые облегчают работу юристов и повышают её эффективность. Эти сервисы помогают решать различные задачи в юридической практике, такие как отслеживание судебных процессов, проверка контрагентов, поиск и анализ прецедентов, а также использование юридических конструкторов чат-ботов для взаимодействия с клиентами. Современные технологии делают юридические услуги более доступными и понятными, позволяя пользователям самостоятельно оформлять иски, составлять договоры, регистрировать бизнес и декларировать доходы. Можно привести ряд других примеров искусственного интеллекта – LegalAI, ChatGPT, PravoAI, Bankro.tech, GigaChat и так далее. Перечисленные примеры

искусственного интеллекта не перестают совершенствоваться и являются полезным инструментом для юристов.

Стоит согласиться с мнением Д.В. Войстрик, которая говорит о том, что к созданию искусственного интеллекта следует относиться положительно, так как он освобождает человека от физического монотонного труда, от рутинного мышления, но не заменяет профессию юриста полностью. Профессия юриста характеризуется не только формальными признаками, но и особым юридическим мышлением. Особое юридическое мышление, которое неподвластно искусственному интеллекту, выражается в уровне правосознания юриста, правовой психологии, личностном жизненном опыте [3, с.82].

Возвращаясь к проблемному вопросу внедрения искусственного интеллекта, а именно к вопросу преимуществ и недостатков.

У искусственного интеллекта в юридической сфере есть ряд определенных преимуществ. Рассмотрим основные из них. Во-первых, повышение эффективности и скорости обработки информации. Одним из главных преимуществ применения ИИ в юридической практике является возможность значительно ускорить обработку больших объемов данных. ИИ может значительно ускорить выполнение рутинных задач. Современные системы машинного обучения способны быстро находить нужные документы, анализировать судебные прецеденты и выявлять ключевые моменты в сложных договорах. Это позволяет юристам экономить время и сосредотачиваться на более творческих и сложных аспектах своей работы. Во-вторых, улучшение качества юридических услуг. Благодаря точному анализу данных и минимизации человеческих ошибок, качество предоставляемых услуг повышается. В-третьих, экономия времени и средств. Автоматизация процессов позволяет снизить затраты на оплату труда и повысить производительность. В-четвертых, доступность правовой информации. ИИ облегчает доступ к правовым базам данных и упрощает поиск нужной информации. В-пятых, персонализированные услуги. Машинное обучение позволяет создавать индивидуальные рекомендации и предложения для клиентов на основе их уникальных потребностей и обстоятельств. В-шестых, интерактивные юридические сервисы. Развитие чат-ботов и других интерактивных систем позволяет клиентам получать базовые консультации и ответы на вопросы круглосуточно, не дожидаясь ответа от юриста.

Несмотря на многочисленные преимущества, внедрение ИИ в юридическую сферу сталкивается с рядом трудностей и ограничений. Во-первых, ограниченности в понимании контекста. ИИ часто не способен учесть нюансы и особенности конкретных ситуаций, что может привести к ошибкам в интерпретации правовых норм. Это может привести к неправильным юридическим рекомендациям и негативным последствиям для клиентов. Во-вторых, риски утраты рабочих мест. Автоматизация многих процессов может

привести к сокращению числа сотрудников, особенно среди начинающих юристов, занимающихся рутинной. В-третьих, этические и правовые проблемы. Вопросы ответственности за ошибки, совершенные ИИ, остаются нерешенными. Также возникают опасения относительно конфиденциальности и безопасности данных клиентов. В-четвертых, необходимость адаптации и обучения. Внедрение новых технологий требует значительных временных и финансовых затрат на обучение персонала и адаптацию существующих бизнес-процессов. В-пятых, зависимость от данных. Качество работы ИИ напрямую зависит от полноты и точности используемых данных. Некачественные или неполные данные могут привести к неверным выводам. В-шестых, отсутствие креативности и гибкости. ИИ пока не способен проявить творческий подход и адаптироваться к нестандартным ситуациям, требующим индивидуального решения. Эти факторы требуют тщательного учета при внедрении ИИ в юридическую практику, чтобы избежать негативных последствий. В-седьмых, потенциальная угроза независимости суда. Некоторые эксперты опасаются, что чрезмерное использование ИИ в судебных процессах может подорвать независимость судей и ограничить возможность справедливого рассмотрения дел. Также следует отметить, что внедрение современных технологий может быть связано с высокими затратами, с угрозами конфиденциальности, ответственностью за ошибки ИИ и сокращением штатных мест юристов. Существует ряд мнений авторов по этому поводу.

Разумно подмечено Д.В. Попковым о том, что важно, чтобы при развитии ИИ своевременно развивались механизмы его правового регулирования и контроля, меры ответственности за нарушения его использования. Это позволит более эффективно и безопасно применять ИИ в разных сферах, расширить возможности его использования в различных отраслях [6, с.44]. Невозможно не согласиться с мнением А.В. Ганцовой, которая считает, что робот или любой другой искусственный интеллект никогда не сможет заменить живого юриста [4, с.223].

В добавление к этому мнению следует сказать, что важную роль играют психологические аспекты. Роль юриста – это не только анализ правовой информации, но и тесное взаимодействие с клиентами, участие в судебных процессах. Эти аспекты требуют наличия человеческого фактора, эмпатии и творческого мышления, которые на сегодняшний день очень трудно воссоздать с помощью ИИ. Ключевыми элементами в данном случае будет доверие, коммуникация, соблюдение этических стандартов. Любой человек, обратившийся за юридическими услугами, будет знать, что имеет дело с реальным юристом, и от этого уровень доверия только возрастет. Возрастет именно потому, что между ними будет непосредственная коммуникация и тесное взаимодействие. В то же время ИИ-системы не способны учитывать

эмоциональные и психологические факторы, которые иногда имеют место быть во многих юридических ситуациях.

На наш взгляд, перспективы развития ИИ в юридической сфере выглядят весьма многообещающе. Ожидается, что в ближайшие десятилетия роль ИИ в предоставлении юридических услуг будет только возрастать. Возможно, появятся новые формы сотрудничества между человеком и машиной, где юристы будут использовать ИИ как инструмент для выполнения наиболее трудоемких и рутинных задач. Одним из возможных сценариев будущего является создание полностью автоматизированных юридических платформ, предоставляющих широкий спектр услуг онлайн. Клиенты смогут получить консультацию, составить договор или подать исковое заявление без необходимости посещения офиса юриста. Тем не менее, полный переход к искусственному интеллекту вряд ли возможен в обозримом будущем. Человеческий фактор останется ключевым элементом в решении сложных и неоднозначных вопросов, требующих творческого подхода и моральной оценки.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать общий вывод о том, что внедрение в юридическую практику и использование искусственного интеллекта в сфере оказания юридических услуг имеет огромный потенциал для повышения эффективности и улучшения качества оказываемых услуг. Однако, наряду с преимуществами, возникают и серьезные вызовы, связанные с этическими аспектами, угрозой занятости, безопасностью данных и ограничениями творческого подхода. Для успешного внедрения ИИ необходимо разработать четкие правовые и этические нормы, обеспечивающие безопасность и прозрачность использования этих технологий. Кроме того, требуется адаптация образовательных программ и переподготовка кадров, чтобы юристы могли эффективно использовать новые инструменты и оставаться востребованными специалистами. Важно найти баланс между автоматизацией и сохранением человеческого участия в процессе принятия важных юридических решений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" // СЗ РФ. – 2020. - N 17. - ст. 2701.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. - N 41. - ст. 5700.

3. Войстрик, Д. В. Искусственный интеллект в области юриспруденции / Д. В. Войстрик // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): Материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2023. – С. 81-84.
4. Ганцова, А. В. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в юриспруденцию / А. В. Ганцова // Россия в глобальном мире : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных, посвященной Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, Тверь, 09 декабря 2022 года / Под редакцией Н.В. Новиковой, Н.В. Костюковича. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – С. 220-224.
5. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: 2-е издание, обновленное и дополненное / И. А. Филипова. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 275 с.
6. Шеншин, В. М. Искусственный интеллект в сфере юриспруденции в эпоху цифровизации (окончание) / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 40-44.

РАЗДЕЛ 2. РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ВЫЗОВЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Берназ Владислава Сергеевна
студентка 2 курса Одинцовского филиала
Звенигородского учебного корпуса
Международного юридического института,
г. Звенигород, Россия

АДВОКАТУРА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СИНЕРГИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ¹

Bernaz Vladislava Sergeevna,
2nd year student, Odintsovo branch
Zvenigorod Academic Building
International Law Institute,
Zvenigorod, Russia

LAW AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SYNERGY OF TRADITIONS AND INNOVATIONS

Аннотация. Современная эпоха изменений и инноваций активно влияет на профессию юриста, где искусственный интеллект начинает занимать значимое место. Хотя ИИ значительно упрощает и автоматизирует множество юридических процессов, он не может полностью заменить уникальные человеческие качества, такие как коммуникативные навыки, аналитическое мышление и высокая этика. Тем не менее, использование ИИ сделало юридические услуги более доступными, но также породило вопросы о качественном уровне предоставляемой помощи. Важно

¹ Научный руководитель- кандидат юридических наук, преподаватель Одинцовского филиала Звенигородского учебного корпуса Международного юридического института, Королева Вера Владиславовна.

помнить, что глубина анализа и индивидуальный подход адвоката остаются незаменимыми в сложных делах, где необходимо учитывать человеческие аспекты. Таким образом, будущее юридической профессии, скорее всего, станет результатом успешного сочетания человеческого опыта и технологий, а не конкуренцией между ними.

Abstract. The current era of change and innovation is actively impacting the legal profession, where artificial intelligence is starting to play a significant role. While AI greatly simplifies and automates many legal processes, it cannot fully replace the unique human qualities such as communication skills, analytical thinking, and strong ethics. Nevertheless, the use of AI has made legal services more accessible, but it has also raised questions about the quality of assistance provided. It is essential to remember that the depth of analysis and the personal approach of a lawyer remain irreplaceable in complex cases that require consideration of human aspects. Therefore, the future of the legal profession is likely to be the result of a successful combination of human experience and technology, rather than competition between them.

Ключевые слова: искусственный интеллект, адвокатская деятельность, технологии, синергия традиций, инновации, Legal AI, LexisNexis, Westlaw, DoNotPay

Key words: artificial intelligence, advocacy, technology, synergy of traditions, innovations, Legal AI, LexisNexis, Westlaw, DoNotPay

Сегодня мы живем в эпоху быстротечных изменений и «цифровых инноваций» [2, ст.2], когда искусственный интеллект проникает во все сферы нашей жизни, включая и профессию юриста. Время, когда юристы опирались исключительно на свои знания и навыки, уходит в прошлое. Актуальной темой для обсуждения является не только то, как искусственный интеллект изменяет юридическую практику, но и то, какие качества остаются ключевыми для успеха в этой профессии. В Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030года, «искусственный интеллект - это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.» [5, пп. а, п.5] Сейчас мы видим, как ИИ становится незаменимым инструментом для юристов, помогая им в исследовательской работе, анализе данных и даже в составлении юридических документов. Но, несмотря на эти технологические достижения, такие качества, которые должны быть в работе юриста и особенно занимающегося адвокатской практикой - коммуникативные навыки, аналитическое мышление и этика – не может быть ни у одной из программ ИИ и по-прежнему они имеют повышенную значимость и актуальность. Возможно, со временем и этому будут обучены программы ИИ.

Первые достоверные попытки создать машину, моделирующую определённые аспекты человеческого разума, были предприняты Раймундом Луллием более 700 лет назад. Он верил, что возможно разработать особый метод или искусство для логического вывода истин, особенно относительно христианского вероучения, из общего набора понятий. Исходя из этих идей, Луллий создал первую логическую машину, представляющую собой несколько концентрических бумажных кругов, разделённых на секции, в которые помещались общие категории. Вращая эти круги, друг относительно друга, можно было получать различные комбинации обозначенных понятий. Хотя новые истины так и не были обнаружены, сама концепция механического рассуждения уже начала развиваться [7, с.47]. А идея использования «инновационных технологий» [1, ст.2] для автоматизации процессов в юриспруденции возникла еще в 20 веке, но активно развиваться искусственный интеллект (ИИ) начал в 21 веке с появлением более мощных вычислительных систем и технологий обработки больших объемов данных. Прорыв произошел с развитием машинного обучения и алгоритмов анализа текста, которые позволяют ИИ понимать и обрабатывать юридические документы. Одним из первых значительных событий стало появление специализированных программ для юридического анализа, таких как:

LexisNexis — это крупная компания, предоставляющая доступ к различным базам данных и информации, включая юридические документы, судебные решения и аналитику. Её услуги доступны как юридическим фирмам, так и обычным гражданам, но эта платформа является платной;

Westlaw — это бесплатная платформа, предоставляющая доступ к юридическим документам и аналитике. Она также доступна для использования юридическими фирмами и обычными гражданами;

Legal AI — это еще одна бесплатная платформа для автоматизации юридических процессов, которая помогает юристам быстрее и эффективнее выполнять свою работу. Она доступна только для профессионалов в области юриспруденции;

DoNotPay — это платный онлайн-сервис, который помогает пользователям решать различные юридические вопросы, такие как подача жалоб, составление документов и защита прав потребителей. Он доступен для всех пользователей интернета.

Основные проблемы начались с момента, когда компании и стартапы начали активно внедрять ИИ для выполнения задач, которые ранее были прерогативой адвокатов. В частности, программы, способные автоматически составлять стандартные договоры, проводить анализ судебной практики, оценивать риски судебных разбирательств и предоставлять базовые консультации по юридическим вопросам, значительно изменили рынок юридических услуг и вызвали ряд вызовов для традиционных адвокатских практик.

Эти технологии сделали юридические услуги более доступными и дешевыми для широкой аудитории. Однако они стали конкурировать с традицией адвокатов, заложенную веками, включая не только высокие этические стандарты и профессиональную ответственность, но и такие ключевые навыки, как искусство убеждения, внимание к деталям и способность к глубокому анализу, особенно на этапе первичных консультаций и составления документов. Причины проблем кроются в:

- быстром технологическом прогрессе: алгоритмы ИИ стали достаточно точными, чтобы выполнять задачи, которые ранее требовали человеческого вмешательства;

- экономии средств: бизнес предпочитает использовать программы, которые дешевле, чем услуги юристов;

- популярности онлайн-платформ: такие сервисы, как LegaL AI и DoNotPay, заменяют работу юристов на стандартных этапах.

В наше время ИИ активно используется в юриспруденции в автоматизация рутинных задач, юридических исследованиях, судебных анализах, первичных консультациях и контролем за соблюдением законодательства. Несмотря на эти достижения, у ИИ есть свои ограничения, из-за которых обращение к адвокату остаётся более предпочтительным:

- индивидуальный подход: адвокат понимает человеческие аспекты дела, такие как эмоции, мотивация и моральные принципы. ИИ же работает только с фактами и данными;

- глубокий анализ: машины часто не способны учитывать все нюансы сложного дела, особенно если оно включает прецеденты или нестандартные обстоятельства;

- ответственность: адвокат несёт профессиональную ответственность за свои действия [4, ст.7], тогда как ИИ не может быть привлечён к ответственности за ошибки;

- юридическая защита в суде: ИИ не может заменить человека в зале суда, так как там требуется живое общение, реакция на слова судьи и адвокатов противоположной стороны.

Поскольку искусственный интеллект ещё не полностью совершенен в области права, он может совершать такие ошибки, как:

- автоматизированное составление документов иногда приводит к неточностям, которые могут стать причиной отказа в суде;

- юридические боты иногда дают неверные советы из-за недостатка информации или некорректного понимания контекста;

- программные ошибки или устаревшие алгоритмы приводят к неправильному анализу данных, что может повлиять на исход дела.

Таким образом, несмотря на очевидные преимущества, ИИ часто оказывается ненадёжным инструментом в сложных юридических вопросах.

Именно поэтому лучше обращаться к профессиональному адвокату, который понимает специфику каждого дела.

Современные тенденции в юридической практике приводят к различным вызовам для адвокатов.

Во-первых, наблюдается снижение спроса на услуги адвокатов, так как клиенты предпочитают использовать доступные и дешёвые ИИ-программы для решения стандартных задач, таких как составление договоров или консультации по типичным вопросам. Это особенно заметно среди малого бизнеса и частных клиентов.

Во-вторых, адвокаты сталкиваются с повышением конкуренции, поскольку им теперь нужно соперничать не только друг с другом, но и с автоматизированными платформами, которые работают быстрее и дешевле.

Также существует угроза утраты профессиональных навыков: постоянное использование ИИ для выполнения рутинных задач может привести к снижению навыков у адвокатов, которые становятся менее практикующими в составлении документов и анализе данных. К тому же, технические ошибки могут возникать, когда адвокат полагается на ИИ для анализа сложных данных или составления документов, что может негативно сказаться на деле. Этические вопросы также становятся актуальными: предметом регулирования общей этики является нравственное поведение человека вообще, любой профессии и в любых обстоятельствах [6, с.113], поэтому возникает дилемма о том, насколько допустимо полагаться на ИИ в юридической практике, так как некоторые клиенты могут быть недовольны, если узнают, что их дела обрабатывались не адвокатом, а машиной. Кроме того, интеграция технологий требует значительных финансовых затрат на обучение сотрудников, покупку программного обеспечения и обновление оборудования, что не все юридические фирмы могут себе позволить. В конечном счёте, чрезмерная зависимость адвоката от ИИ может также снизить уровень доверия клиентов, особенно если возникают ошибки или недоразумения. Таким образом, адвокаты сталкиваются с целым рядом вызовов, вызванных развитием ИИ, включая конкуренцию, технические риски и необходимость адаптации к новым условиям рынка.

Инновации в сфере адвокатуры создают множество возможностей для улучшения работы юридических специалистов и их взаимодействия с клиентами. Применение новых технологий не только изменяет подход к юридическим услугам, но и открывает новые горизонты для развития профессии. Важно, чтобы адвокаты адаптировались к этим изменениям, чтобы оставаться конкурентоспособными и предоставлять качественные услуги в быстро меняющемся мире. Невзирая на наличие множества экспертов в своей области, которые выражают протест против внедрения искусственного интеллекта, стоит отметить, что это направление продолжает вызывать активные обсуждения и споры, около одной трети российских юристов (30%)

высказывают обеспокоенность относительно широкого внедрения искусственного интеллекта в юридическую практику. Их главная тревога заключается в том, что использование ИИ может привести к ухудшению критического мышления и формированию зависимости от технологий. Кроме того, 20% юристов считают, что существует вероятность увеличения числа ошибок при работе с ИИ, а ещё 20% выражают опасения по поводу возможных угроз для безопасности «персональных данных и конфиденциальности» [3, ст.7], но Президент РФ Владимир Путин оказался другого мнения - он заявил, что Россия должна стать мировым лидером по масштабу применения искусственного интеллекта во всех сферах жизни.

Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на все опасения, связанные с искусственным интеллектом, его развитие и совершенствование будут продолжаться. Следовательно, возможно, в будущем ИИ станет не конкурентом, а надёжным помощником для людей, поддерживая их в различных сферах деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2023. - № 32, ч.1. - ст. 6210.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2020. - № 31, ч.1. - ст. 5017.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. — 2006. — № 31. — ст. 3451.
4. Федеральный закон от 31 мая 2002 года №63-ФЗ. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2002. - № 18. - ст. 2396.
5. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2019. - №41. - ст. 5700.
6. Клишин А. А. Адвокатура и адвокатская деятельность; под редакцией А. А. Клишина, А. А. Шугаева. — 2024. — 604 с. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. / [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/540795> (дата обращения: 03.12.2024). - Текст: электронный.
7. Новиков, Ф. А. Символический искусственный интеллект: математические основы представления знаний: учебное пособие для вузов / 2024. — 278 с. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. / [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/537348> (дата обращения: 20.01.2025). – Текст: электронный.

Бугаева Кристина Сергеевна
студентка 2 курса
Смоленского государственного
университета
г. Смоленск, Россия

ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЁННОГО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ¹

Bugaeva Cristina Sergeevna
2nd year students
Smolensk State University

EXECUTION OF A CONTRACT CONCLUDED ON THE INTERNET

Аннотация. Статья посвящена анализу правоприменения электронных договоров в условиях цифровой экономики. Электронные договоры стали ключевым элементом делового оборота, однако их использование сопряжено с различными правовыми сложностями и неопределённостями. Важным вопросом, считает автор, является соответствие электронных сделок требованиям гражданского законодательства, что зачастую приводит к нарушениям и снижению доказательной силы документов. Эти вопросы уже рассматривались в некоторых работах, в отличие от которых автор уделяет особое внимание проблеме неоднозначной юридической квалификации цифровых документов и несоответствию действующих норм современным технологическим реалиям. Перспективам использования смарт-контрактов на основе блокчейн-технологий, а также необходимости разработки правового статуса этих инструментов. Проблемам трансграничного применения электронных договоров, требующим гармонизации национального законодательства с международными стандартами. Также автор рассматривает вопросы защиты интересов сторон и предложения по улучшению законодательства, касающиеся аутентификации участников сделок и хранения электронных документов. Автор считает, что создание комплексной правовой системы, обеспечивающей юридическую защиту электронных документов, требует активного внедрения современных криптографических технологий и децентрализованных решений. Автор статьи отмечает важность разработки

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна

специальных правовых норм для повышения доверия к электронным сделкам и улучшения судебной практики в этой сфере.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the enforcement of electronic contracts in the digital economy. Electronic contracts have become a key element of business turnover, but their use is fraught with various legal difficulties and uncertainties. An important issue, the author believes, is the compliance of electronic transactions with the requirements of civil legislation, which often leads to violations and a decrease in the evidentiary value of documents. These issues have already been considered in some works, in contrast to which the author pays special attention to the problem of ambiguous legal qualifications of digital documents and the inconsistency of current norms with modern technological realities. The prospects of using smart contracts based on blockchain technologies, as well as the need to develop the legal status of these tools. Problems of cross-border application of electronic contracts, requiring the harmonization of national legislation with international standards. The author also considers issues of protecting the interests of the parties and proposals for improving legislation related to the authentication of participants in transactions and the storage of electronic documents. The author believes that the creation of a comprehensive legal system that ensures the legal protection of electronic documents requires the active introduction of modern cryptographic technologies and decentralized solutions. The author of the article notes the importance of developing special legal norms to increase confidence in electronic transactions and improve judicial practice in this area.

Ключевые слова: электронный договор, интернет-договор, электронный документ, цифровая сделка, цифровой документооборот, нормативное регулирование электронного договора, правовое регулирование интернет-договора, исполнение электронного договора, электронные сделки, электронная подпись, правовое применение, инвестиционный потенциал.

Keywords: electronic contract, online contract, electronic document, digital transaction, digital document management, regulatory regulation of an electronic contract, legal regulation of an online contract, execution of an electronic contract, electronic transactions, electronic signature, legal application, investment potential.

Использование договоров, заключённых в сети Интернет, приобрело значительную актуальность в условиях цифровизации экономической деятельности. Данная форма взаимодействия между субъектами гражданского оборота обеспечивает оперативность заключения сделок, сокращает транзакционные издержки и расширяет географические границы коммерческой деятельности. В современных условиях цифровой экономики электронные договоры являются неотъемлемым элементом делового оборота, однако их правоприменение сопряжено с рядом сложностей, требующих теоретико-правового осмысления и совершенствования нормативного регулирования.

Одним из ключевых вопросов является соответствие электронных договоров формальным требованиям гражданского законодательства. В соответствии с положениями статьи 160 Гражданского кодекса Российской Федерации сделки между юридическими и физическими лицами должны быть заключены в письменной форме [1]. Электронный документ приравнивается к письменному в том случае, если он подписан электронной подписью, соответствующей требованиям Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 28.12.2024). В данном законе закреплено, что квалифицированная электронная подпись представляет собой информацию, позволяющую однозначно идентифицировать подписавшее лицо и обеспечить неизменность содержания документа [2]. Несмотря на наличие правового регулирования, практика свидетельствует о частых нарушениях требований к оформлению электронных сделок, что приводит к снижению их доказательной силы и затрудняет их судебную защиту [5, с.643–653].

Правоприменительная практика показывает, что стороны часто прибегают к упрощённым методам идентификации, не использующим квалифицированную электронную подпись. В ряде случаев заключение электронных договоров осуществляется посредством отправки документов по электронной почте или через цифровые платформы, не обеспечивающие должного уровня защиты. Такие обстоятельства создают дополнительные риски оспаривания действительности договора, поскольку при отсутствии квалифицированной подписи затрудняется установление подлинности документа и его авторства. Судебные разбирательства по вопросам признания электронных договоров недействительными, а также экспертизы их подлинности требуют значительных временных и финансовых затрат, что снижает эффективность данного механизма [5, с.643–653].

Проблема неоднозначной юридической квалификации цифровых документов актуальна в условиях постоянного развития технологий. Законодательство не всегда учитывает особенности их создания, хранения и аутентификации, что приводит к правовым коллизиям. Вопрос о том, каким образом электронный документ может быть приравнен к бумажному и какие доказательственные свойства он должен иметь, остаётся открытым. Развитие международного электронного документооборота также требует унификации нормативных подходов, поскольку различные юрисдикции по-разному определяют правовой статус цифровых сделок. Отсутствие единых стандартов приводит к дополнительным правовым рискам, особенно при трансграничных коммерческих отношениях [4, с.549-553].

Инновационные технологии, такие как смарт-контракты, представляют собой перспективный инструмент автоматизации договорных отношений. Смарт-контракт определяется как программный код, автоматически исполняющий условия сделки при наступлении определенных обстоятельств. Данный механизм, основанный на использовании блокчейн-технологий,

обеспечивает неизменность и прозрачность зафиксированных данных, исключает влияние человеческого фактора и снижает вероятность правонарушений, связанных с неисполнением обязательств [4, с.549-553]. Однако правовой статус смарт-контрактов остаётся неясным. В действующем законодательстве отсутствуют четкие нормы, регулирующие их применение, что порождает вопросы о юридической природе таких соглашений и их допустимости в качестве доказательств в судебных процессах. Введение правового регулирования смарт-контрактов требует комплексного подхода, включающего уточнение их правовой квалификации и определение механизма правоприменения [4, с.549-553].

Для эффективного функционирования системы электронных договоров необходимо развитие технологической инфраструктуры, обеспечивающей защищенный обмен данными между сторонами сделки. В соответствии с положениями Постановления Правительства РФ № 2606 от 31.12.2021 (ред. от 30.09.2023) государственное регулирование направлено на обеспечение надежности электронного документооборота и создание правовых условий для безопасной передачи данных [3]. Современные криптографические технологии и системы цифровой идентификации позволяют минимизировать риски утечки информации и подделки документов, однако их повсеместное внедрение требует значительных инвестиций и адаптации нормативной базы.

Проблема выбора применимого права и механизмов защиты интересов сторон приобретает особое значение в условиях трансграничного взаимодействия. Различия в законодательных системах отдельных государств усложняют определение юрисдикции и порядка исполнения обязательств. Вопрос о признании цифровых документов и электронных подписей в международных правоотношениях остаётся предметом дискуссий, поскольку отсутствие унифицированных норм затрудняет правоприменительную практику. Интеграция национального законодательства с международными стандартами позволит устранить существующие правовые пробелы и повысить юридическую значимость электронных договоров в рамках глобального делового оборота [1, ст.160–161].

Юридическая значимость электронных договоров во многом определяется уровнем их нормативного регулирования, включая требования к форме, процедуре заключения и механизмам аутентификации сторон. В условиях цифровизации экономической деятельности перед законодателем стоит задача разработки комплексных правовых норм, обеспечивающих юридическую определенность цифровых сделок. Существенным препятствием является недостаточная детализация законодательства в части правового статуса электронных документов, что приводит к разночтениям в судебной практике. Существенные правовые риски для субъектов коммерческих правоотношений создаются не только отсутствием четких критериев квалификации электронных договоров, но и различиями в подходах

к их правоприменению как на национальном, так и на международном уровнях.

Чтобы усовершенствовать законодательство в данной сфере, необходимо реализовать одну из основных задач – уточнить требования к аутентификации участников электронных сделок. На данный момент в правовом поле главным инструментом, подтверждающим подлинность цифрового документа, является квалифицированная электронная подпись. Но нужно отметить, что в коммерческой практике часто могут использоваться упрощенные механизмы идентификации, которые недостаточно защищены юридически. Это объяснимо с точки зрения желания упростить процедуру заключения договоров и снижения возникающих затрат. Но в то же время при таком подходе возникают дополнительные риски при оспаривании подлинности сделки. Чтобы обеспечить наиболее высокий уровень правовой защищенности сторон, нужно сформировать комплексную систему цифровой идентификации с современными криптографическими технологиями.

Использование децентрализованных технологий, в том числе и блокчейн, и распределенные реестры на данный момент является одним из самых перспективных и актуальных направлений развития электронного документооборота. Это позволит свести до минимума возможность подделки документов, потому что вся информация о сделке фиксируется в неизменной форме. Но даже при таком подходе неопределенность правового статуса подобных механизмов усложняет их применение в широких масштабах. Важным шагом повышения доверия к электронной сделке вполне может стать разработка специальных правовых норм, которые позволят использовать блокчейн – технологии и для заключения, и для исполнения обязательств. Помимо этого, интеграция смарт – контрактов в правовую систему нуждается в детальном анализе вопросов их правового применения, в том числе и определение механизма их исполнения если возникнут споры.

Трансграничный характер цифровых сделок усложняет их правовое регулирование, поскольку различные юрисдикции используют разные подходы к признанию юридической силы электронных документов. В настоящее время отсутствуют унифицированные международные нормы, устанавливающие единые требования к цифровому документообороту, что приводит к правовым конфликтам при исполнении договорных обязательств в международных правоотношениях.

Дополнительное внимание должно быть уделено вопросам хранения и архивирования электронных документов, поскольку цифровая среда требует особых подходов к обеспечению долговременной сохранности юридически значимой информации. Ведь электронные документы, в отличие от бумажных, подвержены воздействию технических рисков, которые связаны, например, с угрозой несанкционированного доступа, изменением формата хранения или с устареванием программного обеспечения. Значительно повысить правовую

защищенность электронных документов может введение нормативных требований к хранению цифровых документов, в том числе и обязательное применение сертификационных систем электронного архивирования. А чтобы предотвратить утрату юридически важной информации в случае повреждения или потери электронных документов, нужно законодательно закрепить порядок их воспроизведения.

Процесс правового применения цифровых документов осложняется отсутствием утвердившихся единых подходов к доказыванию их подлинности. Поэтому требует законодательного внимания развитие судебной практики в сфере электронных документов. В некоторых случаях судебным органам, чтобы разрешить споры, необходимо назначать специализированные технические экспертизы, а это дополнительные как временные, так и финансовые затраты. Чтобы увеличить возможность прогнозировать судебные решения и уменьшить нагрузку на судебную систему, нужно сформировать единые правовые стандарты, которые будут регулировать порядок представления электронных доказательств в суде. Кроме этого, нужно найти возможность и создать специализированные арбитражные механизмы, которые будут предназначены для рассмотрения споров по электронным сделкам. Это значительно ускорит процесс урегулирования правовых конфликтов в цифровой среде.

При комплексном усовершенствовании правового регулирования электронных договоров нужно обратить внимание не только на техническую и юридическую стороны вопроса, но и на экономические последствия внедрения цифровых технологий в гражданский оборот. Правовые гарантии цифровых сделок увеличат инвестиционный потенциал электронной коммерции, сделают деловое сотрудничество более масштабным, трансграничным, и снизят транзакционные издержки. Обеспечить юридическую силу цифровых документов позволит введение нормативных документов. Для развития цифровой экономики и формирования доверительной деловой среды — это необходимое условие. Сбалансированный подход к совершенствованию законодательства, сочетающий обеспечение правовой определенности и гибкость регулирования, позволит сформировать эффективную систему правоприменения в сфере электронных сделок [4, с.549-553][3].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024), ст. 160, 161: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.] // «Российская газета», №238-239, 8.12.1994.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об электронной подписи» // «Российская газета», №75, 08.04.2011.

3. Постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2606 (ред. от 30.09.2023) «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных» // СЗ РФ. – 2022. - № 3. - ст. 578.
4. Гребенщиков А.И. Исполнение договора, заключенного в сети «Интернет» // Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов». – Москва: Печатный цех, 2022. – С. 549-553.
5. Чиркова С.А. Правовое регулирование договоров, заключаемых в сети Интернет. Вестник науки, 2024; 5(74): 643–653. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-dogovorov-zaklyuchaemyh-v-seti-internet/viewer>: (дата обращения: 20.02.2025)

Ботнарь Алеся Георгиевна
Студентка 2 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

Пучкова Виктория Виктровна
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА САМОЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Botnar Alesya Georgievna,
2nd year student,
Smolensk branch of the International
Law Institute,
Smolensk, Russia

Puchkova Victoria Viktrovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Smolensk branch of the International
Law Institute,
Smolensk, Russia

REALIZATION OF THE RIGHT TO SELF-DEFENSE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF FAMILY LAW

Аннотация. в статье поднимается вопрос о способах защиты прав и законных интересов в семейных отношениях с помощью неюрисдикционного способа «самозащита». В статье анализируются проблемы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации семейного права. Авторы рассматривают также перспективы применения данного способа защиты прав в условиях развития цифровизации общества. Наглядно продемонстрированы недоработки действующего законодательства, а также предложены актуальные пути решения изложенных в статье проблем.

Abstract. The article raises the issue of ways to protect rights and legitimate interests in family relations using the non-jurisdictional method of "self-defense". The article analyzes the problems of implementing the right to self-defense in the

context of digitalization of family law. The authors also consider the prospects for using this method of protecting rights in the context of the development of digitalization of society. The shortcomings of the current legislation are clearly demonstrated, and current solutions to the problems outlined in the article are proposed.

Ключевые слова: право на самозащиту, реализация, семейное право, цифровизация.

Keywords: right to self-defense, implementation, family law, digitalization.

В случае нарушения прав и законных интересов гражданина, встаёт непосредственно вопрос о их своевременной защите. В Конституции Российской Федерации, а именно в пункте 2 статьи 45 сказано, что каждый гражданин вправе защищать свои права и свободы всеми не запрещаемыми законом способами [1]. Самый распространённый способ-суд. И в этом нет никаких сомнений, ведь мы уверены, что закон встанет на нашу сторону, мы доверяем суду, а также иным государственным органам, за своевременной помощью к которым можем обратиться. Но нам не стоит забывать о такой не юрисдикционной форме защиты как «самозащита».

В семейном кодексе Российской Федерации, а также ни в одной кодифицированной норме нет легитимного понятия «самозащита», что и является главным пробелом в законодательстве [2]. Научные деятели в сфере юриспруденции, вынуждены лишь предполагать и выводить собственные определения данного понятия, что в последующем вызывает некую несогласованность и непонимание того или иного смысла, который автор заложил в термин [4, с.11]. Тщательным образом изучив труды А.А. Григорова и Л.М. Пчелинцевой под «самозащитой» в семейном праве понимается форма не юрисдикционной защиты прав и законных интересов граждан, самостоятельно, не прибегая к обращению в органы суд, прокуратуры и в иные государственные органы за защитой [5, с. 237]. Исходя из определения, мы можем утверждать, что самозащита от части снижает загруженность судов исковыми заявлениями, и данный правовой институт требует доработок в законодательстве, так как она затрагивает не только семейное, но и трудовое, гражданское право. Стоит так же подчеркнуть некое сходство в понятиях «самозащиты» и «самообороны», законодатель должен чётко выделить какие именно действия граждан будут считаться самозащитой и не перетекать в самоуправство и самосуд. Ведь присутствует тонкая грань между данными понятиями, и гражданин должен видеть, какой шаг, он должен сделать, да бы не навредить своими же действиями.

Так же следует учесть временной диапазон выбранного способа защиты прав. Имеется в виду с какого момента мы можем защищать свои права и законные интересы, когда мы можем предполагать, что наши права будут нарушены, когда наши права и законные интересы непосредственно уже

нарушаются, то есть в данный момент времени или когда наши права уже были нарушены. Ведь если мы сравним юрисдикционный способ защиты прав, то заметим чёткое толкование законодателя на сроки подачи искового заявления, сроки исковой давности и т.д.

Однако, ничего не сказано о самозащите, таким образом, законодатель должен пересмотреть ст. 8 Семейного Кодекса Российской Федерации, и внести в нее соответствующие поправки, согласно именно пояснению терминологии «самозащиты» [6, с. 48]. Отсутствие закрепления терминологии, влечёт за собой ещё ряд проблем. Одной из них является отсутствие механизма, мы не знаем, как именно действовать в той или иной ситуации, и как уже упоминалось выше, не можем определить грань между самозащитой и самоуправством. Именно поэтому стоит обратить внимание, что самозащита не должна выходить за пределы нарушенных прав, должны быть определённые границы. Иными словами, самозащита должна быть соразмерна нарушению. Неотъемлемой частью является субъектный состав самозащиты, а вернее его отсутствие. Из-за определённой триады проблем, законодателем также не установлен возраст, с наступлением которого возможно восстановление своих прав и законных интересов [7, с. 134]. Подчеркнув выше сказанное, автор выдвигает предположения о том, что и несовершеннолетний гражданин способен самостоятельно защитить свои права, даже не подозревая об этом. Разберем детально данную теорию на соответствующем примере.

После развода у гражданки В. и гражданина Д. остался несовершеннолетний сын, по решению суда, который остался проживать с отцом (добровольно изъявил желание), бывшие супруги договорились о времени и днях, когда мать могла видеться с ребёнком. После определённого промежутка времени, произошел конфликт между гражданкой В. и гражданином Д. итогом сего стал жесточайший запрет отцом ребёнка видеться с матерью, а также, поддерживать с ней всяческий контакт. Попытки решить вопрос юрисдикционным способом, наводили страх у женщины, так как бывший муж мог распространить информацию, которая могла повлиять на ее деловую репутацию. В описанной ситуации, мать, а также несовершеннолетний ребёнок могут самостоятельно защитить свои нарушенные права. Согласно п.4 статьи 66 Семейного кодекса Российской Федерации, родитель, проживающий отдельно от ребёнка, имеет право на получение информации о своём ребёнке из образовательных организаций, медицинских организациях, организациях социального обслуживания и аналогичных организаций. Самым наилучшим вариантом получения информации о ребёнке, является школа. Оттуда мать может получить информацию об успеваемости, коммуникации со сверстниками, внешнем виде, настроении ребёнка. Имея связь с классным руководителем и непосредственно с директором школы, мать может организовывать встречу в группах продлённого дня и т.д. Что касемо ребёнка, он так же может поддерживать

контакт с матерью благодаря телефонным звонкам, а также через сеть интернет, благодаря цифровизации мать может создать страницу на имя несовершеннолетней, в социальной сети в которой зарегистрирован ребёнок, и представляться другом, во избежание раскрытия тайны отцом. Таким образом, мы подробно выяснили главные проблемы института самозащиты в семейном праве, решение данных пробелов стоит всякий раз подчеркнуть значимость закрепление в Семейном Кодексе РФ понятие самозащиты, имея закреплённую терминологию, будут в дальнейшем рассмотрены такие вопросы как механизм реализации самозащиты, возраст субъекта и непосредственно стороны защиты [8.с.208].

С учётом развития технологий и информационной сферы, становится актуальным вопрос о самостоятельной защите и восстановлению нарушенных прав в семейных правоотношениях. Возможна ли самозащита как таковая с условием некого вызова цифровизации, и как распознать, а также выявить аспекты самозащиты. Рассмотрим подробнее. И так, под цифровизацией мы понимаем отрасль права, регулирующие юридические аспекты с учётом использования информационных технологий, интернетом и компьютерной средой. Иными словами, цифровизация самозащиты в семейном праве предполагает самостоятельную защиту своих прав и законных интересов с помощью применения технических средств. Как уже отмечалось, что институт самозащиты в семейном праве не содержит его законодательного закрепление данного понятия, аналогичная ситуация сложилась и с цифровизацией. Однако, следует отметить, что в связи с пробелами действующего законодательством в сфере самозащиты, можно подчеркнуть заимствования из Федерального закона «Об актах гражданского состояния», а именно п.1 ст.26, согласно которому приветствуется подача электронного заявления о заключении брака в органы ЗАГС, подписывается данное заявление электронной подписью заявителей [3].

Рассмотрим случаи самозащиты в условиях цифровизации с самой незащищённой категорией - малолетние и несовершеннолетние дети. Большую часть свободного времени дети проводят в сети интернет, посещают различные сайты, заказывают себе одежду, смотрят видеоматериалы и так же общаются с пользователями той или иной социальной сети. Но, к сожалению, в силу возраста, несовершеннолетний может доверить свои или же данные родителей постороннему человеку, таким образом, попадая в руки мошеннической операции, единожды. Получив конфиденциальную информацию, злоумышленник может отступить, а может применить запугивание и соответственно угрозы в адрес семьи несовершеннолетнего, по средствам данных угроз, а также психологических манипуляций, подросток может попасть в опасные группы, где он выполняет задания угрожающие его жизни и здоровью. Родители, могут защитить своего ребёнка по средствам самозащиты, просматривая историю компьютера ребёнка, установление тех

или иных программ для социальных сетей, позволяющие отслеживать мошеннические операции, установление надёжных паролей, а также соответствующая беседа с несовершеннолетним, об опасности данных действий. В случаях с малолетними детьми, примером самозащиты в условиях цифровизации могут послужить приложения, которые устанавливают на телефон ребёнка, а также на телефон родителей, и с помощью функционирования данного приложения видеть, где сейчас находится ребёнок, в какое время он был на той или иной точке. Данные приложения снижают вероятность пропажи ребёнка, и устанавливают родительский контроль.

Так же благодаря цифровизации родители могут видеть расходы и переводы денежных средств иным лицам. Это обеспечивается установлением специализированных программ для отслеживания мошеннических операций. Все перечисленные меры являются предметом самозащиты, человек в связи с ходом времени, приспосабливается и находит пути и методы защиты своих прав и законных интересов, не подозревая тем самым, что они прибегают к не юрисдикционному способу защиты-самозащиты. Таким образом, родители с целью защиты прав своих несовершеннолетних детей могут применить, посредством информационных технологий, функцию «родительский контроль».

Следовательно, самозащита в семейном праве в условиях цифровизации, представлена, как способ защиты семейных прав, который может быть обеспечен с применением технических средств и иных цифровых методов, и средств [10].

С целью реализации способа защиты семейных прав в форме «самозащита» в условиях цифровизации семейного права, следует разработать более эффективные механизмы [9], обеспечивающие охрану семейных прав и законных интересов человека и гражданина. К таким механизмам можно отнести, например, открытие онлайн-школ правовой самозащиты; создание интернет-форумов, деятельность которых будет направлена на защиту прав граждан, в том числе и семейных прав; развитие онлайн-медиаций. Кроме этого, для оформления юридических документов, для подачи жалоб, для общения должны необходимо создавать специальные сайты и порталы.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека" (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Гарант: офиц. сайт. — URL: <https://base.garant.ru/10135532/>(дата обращения: 20.02.2025). — Текст: электронный.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (ред. 23.11.2024 г.) / "Российская газета", N 17, 27.01.1996.
3. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. N 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния"(ред.05.02.2025 г.) // Гарант: офиц. сайт. —

URL: <https://base.garant.ru/173972/> (дата обращения: 20.02.2025). — Текст: электронный.

4. Бондарева, В. А. Способы защиты семейных прав: теоретические и практические проблемы / В. А. Бондарева // Вестник Института деловой карьеры. - 2023. - № 2(42). - С. 11-14
5. Григоров А. А. Способы самозащиты в семейном праве // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2016. - № 3. - С. 237-240
6. Каймакова Е.В. Самозащита прав несовершеннолетних граждан в семейном законодательстве: актуальные вопросы теории и практики// Известия Юго-Западного государственного университета. Серия история и право. – 2017. - Т 7. - №3 (24). - С.48-53.
7. Лозовская С. О. Семейное право. Учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2019. - С. 134.
8. Семейное право: учебник и практикум для вузов / Л. М. Пчелинцева - Москва: Издательство Юрайт, 2023. - 208 с.
9. Уздимаева Н.И. Инновационные механизмы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации права: современное состояние и перспективы / Общетеоретические и исторические проблемы юридических инноваций / [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-mehanizmy-realizatsii-prava-na-samozaschitu-v-usloviyah-tsifrovizatsii-prava-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.
10. Хисамова Р.В. Цифровая (само) защита права на примере защиты прав ребенка / [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/Виктория/Downloads/444-968-1-SM.pdf> (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.

Веревка Елизавета Андреевна
студентка магистратуры 2 курса,
Международного
юридического института,
г. Москва, Россия

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Verevka Elizaveta Andreevna
2nd year master's student,
International Law Institute,
Moscow, Russia

PROTECTION AND PROMOTION OF CULTURAL HERITAGE IN DIGITAL ENVIRONMENT

Аннотация. Статья рассматривает влияние цифровизации на сохранение и популяризацию культурного наследия России в контексте действующего законодательства. Анализируется применение 3D-сканирования, беспилотных аппаратов, онлайн-платформ и электронных баз данных. Выявлены как преимущества (доступность, эффективность мониторинга), так и вызовы (недостаточная оцифровка, правовые пробелы, риск утраты аутентичности). Предложены перспективы совершенствования законодательства.

Abstract. This article examines the impact of digitalization on the preservation and promotion of cultural heritage in Russia within the framework of current legislation. The application of 3D scanning, drones, online platforms, and electronic databases is analyzed. Both advantages (accessibility, monitoring efficiency) and challenges (insufficient digitization, legal gaps, risk of loss of authenticity) are identified. Prospects for improving legislation are proposed.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, цифровизация, сохранение культурного наследия, популяризация, охрана памятников, современные технологии, памятники истории, электронные базы данных, виртуальные экскурсии, образовательные программы, паспортизация памятников, цифровая трансформация.

Key words: cultural heritage sites, digitalization, preservation of cultural heritage, popularization, protection of monuments, modern technologies, historical

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института, Ягофарова Инна Андреевна

monuments, electronic databases, virtual excursions, educational programs, certification of monuments, digital transformation.

Сохранение культурного наследия – приоритетная задача государственной политики. Цифровизация предоставляет новые инструменты для решения этой задачи, позволяя не только документировать и мониторить объекты, но и популяризировать их среди широкой аудитории. В данной статье исследуется влияние цифровых технологий на процессы сохранения и популяризации культурного наследия в рамках российского законодательства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации правовой базы к быстро меняющимся технологическим реалиям и поиском баланса между использованием инноваций и сохранением аутентичности объектов. Новизна работы заключается в комплексном анализе взаимодействия цифровых технологий и правового регулирования в сфере охраны культурного наследия России с учетом последних изменений в законодательстве и практики применения цифровых инструментов.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и их внедрения во все сферы жизнедеятельности общества вопрос сохранения культурного наследия приобретает особую актуальность. Культурное наследие представляет собой не только историческую и художественную ценность, но и основу национальной идентичности и культурного многообразия. В то же время, традиционные методы его охраны сталкиваются с новыми вызовами, такими как изменения в климате, урбанизация и технологический прогресс. В этой связи цифровизация открывает новые возможности для сохранения и популяризации культурного наследия, предоставляя инструменты для его документирования, мониторинга и представления широкой аудитории. Введение цифровых инструментов в процесс охраны культурного наследия позволяет не только сохранять объекты в их текущем состоянии, но и создавать их цифровые копии, доступные для изучения и популяризации. Важность исследования законодательных аспектов сохранения культурного наследия обусловлена необходимостью создания правовой базы, способствующей интеграции цифровых технологий в эту сферу.

Целью настоящего исследования является анализ влияния цифровизации на процессы сохранения и популяризации культурного наследия в рамках законодательства Российской Федерации. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: изучение текущего состояния охраны культурного наследия, анализ применения цифровых технологий в данной сфере, рассмотрение законодательных инициатив и программ, а также оценка перспектив их развития.

Методологической основой исследования являются методы анализа и синтеза, сравнительный и системный подходы, а также использование данных об успешных примерах цифровизации культурного наследия. В работе будут

использованы как теоретические, так и эмпирические материалы, включая законодательные акты, международные соглашения, статистические данные и результаты научных исследований.

Культурное наследие является важнейшим элементом и показателем развития общества и государства – накопленные знания, опыт поколений, достижения, успехи. Всё это формируется в определённую структуру, на которую, в свою очередь, должно распространяться законодательство Российской Федерации, с целью бережного отношения, сохранения и популяризации объектов наследия. Для этого государством реализуется целый комплекс мер, направленный на выявление, учёт и сохранность объектов наследия. Памятники культуры играют огромную роль в социокультурном пространстве государства, являясь предметом науки, образования, просвещения, приобщения к культуре. Помимо прочего, обозначается и экономическая значимость – привлечение туристов, проведение праздников и мероприятий. Одной из приоритетных задач государственной политики на ближайшее будущее является сохранение и охрана объектов культурного наследия. В своём ежегодном послании Федеральному собранию от 29 февраля 2024 года, президент Российской Федерации В.В. Путин поручил создать долгосрочную программу сохранения объектов культурного наследия России, а также проанализировать нормативные правовые акты в области охраны и использования объектов культурного наследия [13].

Цифровые технологии занимают центральное место в современном мониторинге объектов культурного наследия, предлагая новые инструменты для оценки состояния и предотвращения разрушения памятников с высокой точностью. Развитие таких технологий, как 3D-сканирование, беспилотные летательные аппараты и системы искусственного интеллекта, позволяют не только фиксировать текущее состояние объектов, но и прогнозировать потенциальные проблемы. Это особенно актуально в условиях нарастающих экологических и антропогенных нагрузок на культурное наследие. Важно отметить, что «памятники — это историческое и культурное наследие России, их значимость и полезность обусловлены не столько экономическими критериями, сколько историко-культурным или историко-архитектурным, художественным или научным значением для истории и культуры России» [10, с.177]. Таким образом, применение цифровых технологий становится необходимым для сохранения этого наследия.

В России, например, был разработан и принят Приказ Росархива от 06.05.2022 N57 "Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2022 - 2024 годы", что дало толчок к созданию электронных баз данных культурного наследия. Это позволяет не только сохранить ценные исторические данные, но и сделать их доступными для широкого круга исследователей и общественности. Технологии играют ключевую роль в управлении и мониторинге состояния

объектов культурного наследия. Применение систем 3D-сканирования и лазерного анализа позволяет создавать точные цифровые копии памятников архитектуры и искусства, что особенно важно для их реставрации. Использование беспилотных летательных аппаратов и спутниковых систем мониторинга, началось в Москве с 2021 года, и с каждым годом набирает всё большую популярность, так как может обеспечивать эффективное отслеживание состояния исторических зданий, предотвращая их разрушение. Эти технологии способствуют более точному и оперативному реагированию на угрозы, связанные с физическим состоянием объектов. Анализ положений действующего законодательства Российской Федерации показывает, что управление в системе охраны объектов культурного и природного наследия имеет межведомственный характер [8, с.74]. Это подчеркивает необходимость интеграции различных технологий и методов для комплексного подхода к сохранению культурного наследия.

Цифровизация способствует вовлечению общества в процесс сохранения культурного наследия. Создание онлайн-платформ, таких как портал «Культура.РФ», делает информацию о культурных объектах доступной для широкой аудитории. Это не только повышает уровень осведомленности и интереса к вопросам охраны наследия, но и открывает возможности для более активного участия граждан в сохранении культурных ценностей. В рамках национального проекта «Культура», который реализовывался с 2019 по 2024 гг., акцентируется внимание на использовании цифровых технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям, включая реставрацию памятников, создание цифровых копий объектов и привлечение общественного внимания к вопросам культурного наследия [7, с.15]. Кроме того, цифровые технологии позволяют организовывать виртуальные экскурсии и образовательные программы, что особенно актуально в условиях ограничений на физическое посещение музеев и памятников. Это расширяет доступ к культурному наследию, делая его более доступным для различных слоев общества.

Несмотря на значительные преимущества, цифровизация в сфере охраны культурного наследия сталкивается с рядом вызовов. Одной из ключевых проблем является недостаточный уровень оцифровки объектов: по данным ЮНЕСКО, только 20% мирового культурного наследия оцифровано. Кроме того, использование цифровых технологий требует значительных финансовых и технических ресурсов, что создает барьеры для их внедрения в регионах с ограниченными возможностями. Также существует риск утраты аутентичности объектов, так как цифровые копии не могут полностью заменить оригиналы.

В России активно внедряются цифровые технологии для мониторинга культурного наследия. Например, в Москве функционирует система мониторинга памятников архитектуры, использующая беспилотные

летательные аппараты и лазерное сканирование для оценки состояния фасадов зданий. В Санкт-Петербурге была разработана система цифровой паспортизации памятников, которая включает геолокационные данные и визуальные материалы. Эти инициативы подчеркивают важность цифровых технологий в обеспечении сохранности культурных объектов и их документирования.

Одним из ключевых преимуществ цифровизации в мониторинге культурного наследия является значительное сокращение времени и ресурсов, необходимых для оценки состояния объектов. Согласно данным ЮНЕСКО, использование цифровых технологий позволяет уменьшить время на такие оценки на 30%. При этом цифровизация обеспечивает высокую точность данных, что крайне важно для планирования реставрационных работ и предотвращения разрушений. Технологии, такие как 3D-моделирование, позволяют создавать виртуальные копии объектов, которые могут быть использованы для их восстановления в случае повреждений. Некоторые исследователи отмечают, что «электронные копии позволяют уменьшить износ редких оригиналов и воссоздать их при необходимости» [6, с.168]. Но вместе с тем, погоня за сохранением памятников истории и культуры может привести к тому, что объект после реставрации полностью потеряет свою ценность и может быть исключен из всемирного наследия ЮНЕСКО. Именно так и произошло с восстановленным грузинским храмом Баграта в 2013 году. Привлеченные иностранные архитекторы допустили множество нарушений в ходе реставрации и добавили много современных деталей, в частности, стеклянную смотровую площадку. ЮНЕСКО посчитало, что в таком восстановленном виде храм Баграта не отвечает требованиям памятников мирового культурного наследия [12].

Несмотря на многочисленные преимущества, использование цифровых технологий в мониторинге культурного наследия сталкивается с рядом вызовов. Среди них можно выделить высокую стоимость оборудования и программного обеспечения, необходимого для работы с большими массивами данных. Также важным аспектом является обучение специалистов, которые будут работать с новыми технологиями. Организационные проблемы включают координацию между различными учреждениями, ответственными за охрану наследия, и необходимость создания единой базы данных, что требует значительных усилий и инвестиций. Ограниченный доступ к цифровым ресурсам в ряде регионов усиливает культурное неравенство, так как значительная часть населения остается вне зоны охвата новых технологий. Это не только затрудняет доступ к информации, но и может привести к утрате интереса к культурному наследию среди молодежи, привыкшей к интерактивным и динамичным формам досуга. Кроме того, чрезмерная зависимость от цифровых технологий может снизить ценность физических

посещений музеев и памятников, что изменяет традиционные формы взаимодействия с культурой.

Основными законодательными актами, регулирующими охрану культурного наследия в России, являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и ряд подзаконных актов, направленных на детализацию правовых норм. Конституция РФ закрепляет обязанность государства сохранять культурное наследие народов России. Федеральный закон № 73-ФЗ устанавливает основы правового регулирования в этой сфере, включая процедуры идентификации, регистрации и охраны объектов культурного наследия. Также важную роль играют региональные законы, которые учитывают специфику культурного наследия отдельных субъектов Российской Федерации.

Цифровизация оказывает значительное влияние на развитие законодательства в сфере охраны культурного наследия. С 2018 года, когда был представлен проект «Цифровая культура» (действие проекта с 2019 по 2024 гг.) началась активная интеграция цифровых технологий в эту область. В 2020 году была запущена платформа «Культура.РФ», предоставляющая доступ к цифровым копиям более 10 000 объектов культурного наследия. Эти инициативы требуют обновления законодательства для обеспечения правовой защиты цифровых данных о культурных объектах и регулирования их использования. Благодаря проекту «Цифровая культура» было создано: виртуальные концертные залы, Проведены онлайн-трансляции мероприятий, размещаемых на портале "Культура.РФ", Созданы мультимедиа-гиды по экспозициям и выставочным проектам, при посещении которых возможно получение информации о произведениях с использованием технологии дополненной реальности, оцифрованы и включены в Национальную электронную библиотеку книжные памятники (48000 единиц) [15]. В апреле 2024 года сообщалось, что в 2025–2030 годах на реставрацию объектов культурного наследия планируют выделить 51 млрд рублей. По поручению президента РФ Владимира Путина, на эти деньги в удовлетворительное состояние должны быть приведены не менее тысячи объектов. В ноябре 2024 года стало известно, что правительство запускает программу льготного кредитования проектов по сохранению объектов культурного наследия. До 2030 года на её реализацию планируют выделить более 50 млрд рублей.

В 2018 году в Государственной Думе прошли парламентские слушания на тему «Цифровизация в сфере культуры. Законодательство и правоприменительная практика», что подчеркивает важность законодательных инициатив в этой области [4, с.45]. Были определены основные направления в этой области, в том числе: формирование единого российского электронного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных

фондов, вовлечение в сферу культуры нового поколения ориентированного в основном на цифровой формат восприятия информации.

В контексте цифровизации сохраняются значительные правовые пробелы, несмотря на усилия по модернизации законодательства. Одной из ключевых проблем является недостаточная правовая защита цифровых копий культурных объектов, что может привести к их незаконному использованию. Кроме того, отсутствует единая методика оценки состояния цифровых данных о культурных объектах, что затрудняет контроль и управление ими. Эти вызовы требуют разработки новых законодательных норм, учитывающих специфику цифрового пространства и обеспечивающих надёжную защиту культурного наследия в современных условиях. Насущный вопрос касается и проблемы товарного знака и авторского права. Совсем недавно завершился суд, в результате которого музей Сталинградской битвы лишился права на товарный знак изображения скульптуры "Родина-мать" и передал права на использование изображения монумента «Родина-мать зовёт!» внуку скульптора Евгения Вучетича Вучетичу Е.В. Судом не учтены обстоятельства произведения, выполненные в порядке служебного задания, что архитектор Евгений Вучетич, являлся членом и вице-президентом Академии художеств СССР и получал заработную плату за свой труд. Таким образом, внуку перешли исключительные авторские права на все произведения, созданные Вучетичем Е.В. в порядке наследования, и он теперь является правообладателем всех объектов архитектуры, созданных его дедом. Такое решение суда создаёт прецедент, который может привести к оспариванию права на большое количество произведений, созданных в период существования Советского Союза [14].

Проведенное исследование показало, что цифровизация существенно влияет на процессы сохранения и популяризации культурного наследия в России. Применение цифровых технологий, таких как 3D-сканирование, беспилотные аппараты, онлайн-платформы и электронные базы данных, повышает эффективность мониторинга состояния объектов, обеспечивает доступность информации для широкой аудитории и способствует развитию образовательных программ. Вместе с тем, выявлены и проблемы цифровизации: недостаточный уровень оцифровки объектов, необходимость значительных финансовых и технических ресурсов, правовые пробелы в сфере защиты цифровых копий, риск утраты аутентичности объектов.

Перспективы совершенствования законодательства в сфере охраны культурного наследия напрямую связаны с дальнейшей интеграцией цифровых технологий. Это может включать разработку новых правовых механизмов для защиты цифровых копий объектов культурного наследия, создание единой платформы для управления данными о таких объектах и внедрение международных стандартов. Цифровизация охватывает все сферы

нашей жизни и становится неотъемлемой частью современного общества. Несмотря на это, мы редко задумываемся о том, как цифровые технологии могут способствовать сохранению и переосмыслению фольклорных традиций, как отмечает Гарнов А.П. - важно, чтобы законодательство не только отвечало вызовам времени, но и способствовало популяризации культурного наследия среди широких слоёв населения, что возможно благодаря внедрению цифровых технологий [4, с.147]. Перспективы развития связаны с дальнейшей интеграцией цифровых технологий, совершенствованием законодательства, разработкой единых стандартов оцифровки и повышением квалификации специалистов. Необходимо усилить правовую защиту цифровых копий объектов культурного наследия, разработать механизмы контроля за их использованием и обеспечить баланс между применением инноваций и сохранением аутентичности культурных ценностей.

Будущее охраны культурного наследия в условиях цифровизации зависит от интеграции новых технологий, совершенствования законодательной базы и активного сотрудничества между государственными и частными структурами. Важным направлением является развитие образовательных инициатив, которые повысят осведомлённость общества о значимости культурного наследия и его сохранения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., № 1-ФКЗ) Текст] // Рос.газета. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2020. – № 11, ст. 1416.
2. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. №73 (с изм. и доп. от 20.10.2022 N 407-ФЗ) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. –2002. - № 26, ст. 2519; 2022. - № 43, ст. 7270.
3. Приказ Росархива от 06.05.2022 N57 "Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2022 - 2024 годы"
4. Гарнов А.П. Логистическая составляющая цифровой экономики услуг культуры// Логистика. – 2018. – № 12 (133). – С. 44-47
5. Гуцаленко О.В. Цифровизация: современная культурологическая мысль о сохранении и переосмыслении фольклора // Культура и цивилизация. - 2023. - Т. 13.- № 9А. -С. 144-153.
6. Несговорова Г. П. Организация историко-культурного пространства в интернете с использованием информационных технологий //Методы и инструменты конструирования программ.-2014.- С.163-173.

7. Никифорова А.А. Музейные учреждения как элемент цифрового пространства // Электронный научный журнал «Дневник науки». — 2022. — № 8. — С. 12-22.
8. Новосельская В.В. Охрана культурного и природного наследия в Республике Крым: современное состояние и перспективы // Культура и цивилизация. -2021. - Т. 11. -№ 2А. -С. 74-87.
9. Современные условия взаимодействия науки и техники: сборник статей Международной научно-практической конференции (11 ноября 2018 г, г. Пермь) / в 3 ч. Ч.3. — Уфа: ОМЕГА, 2018. — 175 с.
10. Томчин Г.А. Нет памятников — нет России: проблемы оценки объектов культурного наследия // Экономические стратегии. - 2009. - № 2. -С. 176–177.
11. Цифровая трансформация как вектор устойчивого развития: материалы VI Международной научно-практической конференции (Казань, 26 апреля 2024 г.) / Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова. — Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. — 242 с.
12. Восстановленный грузинский храм Баграта решением ЮНЕСКО исключен из памятников культурного наследия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sedmitza.ru/text/3817733.html> (дата обращения 5.02.2025 г.)
13. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения 06.02.2025 г.)
14. Ревизонский В. «Родина мать зовет!» Товарный знак и авторское право [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2025/2/10/rodina_mat_zovet_tovarnyj_znak_i_avtorskoe_pravo (дата обращения 11.02.2025 г.)
15. Федеральный проект «Цифровая культура» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения 5.02.2025 г.)

Денисова Алина Алексеевна
студентка 1 курса магистратуры
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Смоленский государственный университет»
г. Смоленск, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСТАВКИ ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ ТОВАРОВ¹

Denisova Alina Alekseevna
1st year graduate student of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University»
Smolensk, Russia

CURRENT WAYS TO LEGALLY ENSURE THE SUPPLY OF HIGH-QUALITY GOODS

Аннотация. Статья посвящена анализу договоров поставки в контексте их места в системе гражданского права, с акцентом на их роль в законодательстве Российской Федерации. В данной работе внимание сосредоточено на изучении того, как условия и выполнение договоров поставки способствуют защите прав потребителей и обеспечению циркуляции качественных товаров. Также проведено рассмотрение нормативных актов, касающихся регулирования торговых операций и технических стандартов, с особым вниманием к последствиям невыполнения установленных требований в процессе поставки качественных товаров.

Abstract. The article is devoted to the analysis of supply contracts in the context of their place in the system of civil law, with an emphasis on their role in the legislation of the Russian Federation. In this paper, attention is focused on studying how the terms and execution of supply contracts contribute to consumer protection and ensuring the circulation of high-quality goods. Regulatory acts related to the regulation of trade operations and technical standards were also reviewed, with special attention to the consequences of non-compliance with established requirements in the process of supplying high-quality goods.

Ключевые слова: договор поставки, защита прав потребителей, техническое регулирование, поставщики, качество товара.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско - правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Сенкевич Виктория Валерьевна

Key words: supply agreement, consumer protection, technical regulation, suppliers, product quality.

В современном мире предпринимательства невозможно обойтись без установления контрактных отношений. Среди них, договор поставки занимает ведущую позицию, служа связующим элементом между различными экономическими субъектами. Этот инструмент играет ключевую роль в обеспечении бизнес-процессов, включая производство, коммерцию, предоставление услуг и выполнение специфических задач. В сфере бизнеса, договор о поставке играет ключевую роль, обеспечивая основу для множества последующих взаимоотношений, что способствует поддержанию цивилизованных коммерческих операций [5, с. 5].

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее также – ГК РФ), а именно положениям статьи 506 ГК РФ, договор поставки принимается за вариацию сделки купли-продажи. Хотя существуют недостатки в регулировании сферы данных правоотношений, согласно мнению большинства экспертов юриспруденции, он выделяется в качестве разновидности договора о купле-продаже.

Некоторые эксперты указывают на то, что, несмотря на отсутствие конкретных разновидностей договора поставки товаров в его стандартной формулировке, существует практика выделения поставок товаров для государственных и муниципальных нужд как особой категории в этом контексте [5, с. 55].

В последнее время эксперты обращают внимание на усиливающуюся тенденцию, которая подчёркивает важность договорных соглашений в качестве ключевых элементов для структурирования гражданско-правовых отношений. Прежде всего, это обусловлено системной ролью договоров в обеспечении регуляции отношений на рынке.

Специфический контекст российского Закона от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» (далее также – Закон «О защите прав потребителей») охватывает взаимодействие продавцов и покупателей в правовом поле, обязывая обе стороны соблюдать установленные нормы. Благодаря этому закону, любой потребитель в Российской Федерации обладает правом предъявлять претензии как к продавцам, так и к производителям, дополнительно имея возможность обращения за поддержкой к официальным государственным структурам. Таким образом, эта система предусмотрена для обеспечения защиты прав потребителей, что может в определённых случаях приводить к обязательным финансовым компенсациям за нарушения. Закон «О защите прав потребителей», определяет рамки взаимодействия между пользователями услуг или покупателями продукции и теми, кто производит товары, предоставляет услуги, занимается импортом, торговлей или управляет платформами, собирающими информацию, в контексте покупки изделий,

выполнения определенных работ или предложения сервиса [2]. Целью данного законодательного акта является гарантирование защиты для покупателей против нечестных методов бизнеса и установление ясных норм, которые обязаны соблюдать предприятия в процессе реализации товаров и предоставления услуг. Этот закон касается всех типов коммерческих операций, вне зависимости от их места осуществления - будь то онлайн площадки, традиционные магазины или любые другие методы совершения покупок [7, с. 108].

Обеспечение качества и безопасности поставляемого товара является ключевым аспектом, который регулируется договором. Это требование критично для обеспечения эффективности производственных процессов, гарантируя успешный выпуск и последующее применение продукции в соответствии с её предполагаемым назначением и требованиями к качеству и безопасности [6].

В качестве одного из примеров условия, включенные в соглашение о поставках, могут обязывать производителя внедрять специфические системы безопасности на своих производственных линиях. Это, в свою очередь, дает возможность заказчику осуществлять проверки по безопасности и качеству продукции, что является одним из аспектов контролируемых поставок. Дополнительно, в такое соглашение может быть включен пункт о необходимости проведения обеими сторонами регулярных встреч, нацеленных на обсуждение вопросов качества и безопасности товаров. Однако, следует учитывать, что объектом всестороннего аудита и контроля являются не все аспекты качества продукции, а лишь те, которые считаются критически важными на различных этапах её создания.

Важно подчеркнуть, что изложение о стандартах безопасности и качества продукции в контексте существенных факторов договоренности не находит отражения в действующих нормах ГК РФ, как уточняется в абзаце 2 статьи 469 ГК РФ. Однако, закон предусматривает, что характеристики качества продукта должны быть определены и согласованы в рамках обсуждения предмета договора. В случае невыполнения этого условия, соглашение может быть признано неустановленным из-за отсутствия взаимного согласия сторон. Мнение экспертов в области законодательства склоняется к мысли о важности включения стандартов качества в число ключевых условий при заключении договоров [3]. Можно считать, что в наше время, отмеченное недостаточной дисциплиной в производстве и не всегда высоким уровнем качества продуктов, поддерживать такую точку зрения весьма важно. Однако мнения исследователей расходятся: некоторые полагают, что внести критерии качества товара в число ключевых условий будет сложно. Несмотря на это, проблема требует решения. В этой связи, предложено расширить в ГК РФ, а именно в статье 469 ГК РФ, перечень определений, касающихся качества товара, устанавливаемых в договорах.

Так, качество и безопасность поставляемого товара может определяться:

- 1) по образцу;
- 2) посредством указания на Госстандарт (далее – ГОСТ);
- 3) посредством указания на Технические условия (далее – ТУ);
- 4) посредством указания на другой документ, устанавливающий качественное описание товара, и представляющий собой приложение к договору.

Под образцом следует понимать образец продукции (товара), утвержденный приемочной комиссией в определенном порядке, на стадии опытных образцов. Главная функция этого образца заключается в обеспечении стандарта для сравнения качества продукции, которая будет производиться и поставляться в будущем. Прописаны также детали касательно способов его сохранности, перемещения, выделяют уникальные свойства, например, быстрая порча или уязвимость к повреждениям, и условия для хранения, включая необходимые температурные режимы.

Преимущества упоминания ГОСТ в документации включают в себя ясность в определении характеристик продукта и его стандартов. Также это позволяет упростить документ посредством ссылки на конкретный номер ГОСТ и дату его введения. Это способствует предотвращению путаницы при трактовке условий соглашения как участниками сделки, так и третьими лицами. Кроме того, важно включать текст ГОСТ как приложение к основному документу. А.С. Панова акцентирует внимание на значимости отражения возможности верификации качества и безопасности продукции через ссылку на ГОСТ в статье 469 ГК РФ. [9].

Обращение к ГОСТ в контексте договорной поставки влечет за собой установление обязательных требований к качеству и безопасности продукции несмотря на то, что принципиально ГОСТ представляет собой стандарт добровольного использования. Это обусловлено тем, что его обязательность зафиксирована только в тех случаях, когда это прямо предписывает соответствующий федеральный закон. Таким образом, включение ссылки на ГОСТ в текст договора автоматически подразумевает необходимость соблюдения данных стандартов в процессе исполнения поставки, гарантируя тем самым заданный уровень качества и безопасности продукции [4].

Один из методов для гарантирования качества и безопасности продукции, оговоренной в договоре на поставку, включает в себя ссылку на технические условия. Это влечёт за собой необходимость включения в содержание контракта данных о технических условиях (с указанием их индекса и даты) и приложения к контракту, содержащего текст технических условий.

Определить стандарты безопасности и качества предоставляемых товаров можно через включение ссылок на технические регламенты в текст договора о поставке. Следует учесть, что технические регламенты являются обязательными для соблюдения и их включение в договор не меняет их

сущности. Основной задачей технического регламента является установление минимально допустимых стандартов по качеству и безопасности продукции, от которых стороны не могут отступать. Таким образом, важность государственного вмешательства в правовой оборот несомненна, особенно когда речь идет о необходимости защиты интересов населения и общественных благ. В рамках соглашений между сторонами есть возможность договариваться о производстве и поставке продукции более высокого качества. Обычно, такие условия, предусматривающие строгие требования к качеству и безопасности товара, характерны для долгосрочных коммерческих партнерств [10, с. 144].

Таким образом, качество товаров, определяемое при заключении договора поставки, ставит перед собой задачу соответствия определенным критериям, которые контрактанты устанавливают на основе договорных обязательств. Также существует возможность, что по отношению к некоторым видам товаров или продукции предъявляются законные требования качества. В этом контексте, хотя непосредственно качество не выступает ключевым элементом договора поставки, оно задает стандарты для предмета соглашения, гарантируя, что поставляемые товары не должны быть хуже, чем это предусмотрено договорными или законодательными нормами. Определение качества продукции возможно не только через спецификации, содержащиеся в контракте, но также с учётом технических данных, стандартов ГОСТ, технических условий или соответствия утверждённому образцу. К тому же, законодательство в области защиты прав потребителей не предусматривает ясных указаний о необходимости соответствия товаров техническим регламентам, когда это требуется по обязательным условиям, указывая на пробелы в законодательстве, требующие дополнительных правил.

Важность договора поставки в контексте обеспечения качества и безопасности продукции проявляется через его роль как обязательного элемента, который обеспечивает введение товаров на рынок с гарантией их соответствия стандартам качества, достигаемым до момента их получения конечным пользователем. Таким образом, наличие договора поставки напрямую содействует удовлетворению требований и ожиданий покупателей через высокое качество продукта, что, в свою очередь, положительно отражается на доходности бизнеса. Так, договор поставки выступает ключевым инструментом в рамках правовых мер по гарантированию качества товара.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть вторая (ред. от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – ст. 410.

2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (ред. от 28 декабря 2024 г. № 546-ФЗ) // «Российская газета», №80, 07.04.1992.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – №5.
4. Письмо Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 9 ноября 2018 г. № 18958-ИК/03 «О добровольной и обязательной основе применения ГОСТ 12.0.004-2015» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72001562/> (19.02.2025).
5. Боглай Я.В. Договор поставки как средство обеспечения качества товаров / Я.В. Боглай // Интернаука. – 2023. – № 12-4(282). – С. 5-7.
6. Зарипова Э.Г. Договор как регулятор общественных отношений / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017034877>"><https://scienceforum.ru/2017/article/2017034877> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Ким В.И. Договор поставки товара в торговые сети как механизм защиты прав потребителей // Современные технологии - 2024: сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2024. – С. 107-110.
8. Лысенко К.А. Многообразие подходов к понятию договора поставки товаров и его виды / К.А. Лысенко // Исследования молодых ученых: материалы ХСIII Международной научной конференции. – 2024. – С. 54-61.
9. Панова А.С. Роль договора поставки в правовом обеспечении качества и безопасности товаров / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conf.siblu.ru/dogovor-postavki-kak-sredstvo-obespecheniya-kachestva-tovarov> (дата обращения: 19.02.2025).
10. Тихонова Д.И. Условия и содержание договора поставки товаров для государственных нужд / Д.И. Тихонова // Студент и наука: актуальные вопросы современных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 143-145.

Жоголев Евгений Александрович
магистрант 1 курса,
Смоленский государственный
университет,
г. Смоленск, Россия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Zhogolev Yevgeniy Alexandrovich
1st year master's student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

LAW REGULATION OF THE RUSSIAN NONPROFIT SECTOR IN THE MODERN DIGITAL AREA

Аннотация. С учетом вектора развития российской экономики, некоммерческие организации (НКО) активно осваивают ведение экономической деятельности в цифровом формате. В статье рассматривается малоизученный вопрос о достаточности частноправовых средств, регулирующих статус НКО как субъекта благотворительной деятельности, осуществляемой в онлайн пространстве. Результаты исследования показывают, что имеющиеся правовые средства, в первую очередь, нацелены на регулирование гражданско-правового положения традиционных форм благотворительности, с учетом чего, использование НКО онлайн фандрайзинга и краудсорсинга в ряде случаев создает правовые риски для участников гражданских правоотношений. Полученные выводы могут использоваться для адаптации норм гражданского законодательства РФ к содержанию благотворительной деятельности некоммерческого сектора в цифровом поле.

Abstract. Taking into account the vector of development of the Russian economy, non-profit organizations (NPOs) are actively learning how to conduct economic activities in digital format. The article examines the little-studied issue of the sufficiency of private law tools regulating the status of NGOs as subjects of charitable activities carried out in the online space. The results of the study show that

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сергеев Петр Владимирович

the available legal means are primarily aimed at regulating the civil status of traditional forms of charity, with this in mind, the use of online fundraising and crowdsourcing by NGOs in some cases creates legal risks for participants in civil law relations. The findings can be used to adapt the norms of the civil legislation of the Russian Federation to the content of charitable activities of the non-profit sector in the digital field.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровое пространство, некоммерческие организации, экономическая деятельность, фандрайзинг, краудсорсинг, благотворительная организация.

Key words: law regulation, digital area, nonprofit organizations, economic activity, fundraising, crowdsourcing, charitable organization.

Некоммерческие организации в нашей стране рассматриваются как важный участник гражданско-правовых отношений, учитывая их вклад в решение социально значимых задач. Экономическая деятельность некоммерческого сектора приобретает новые формы и содержание, что обуславливает рост количества некоммерческих организаций, в т.ч. социально ориентированных [13, с. 97]. В экономической плоскости результат их деятельности выражается в общем вкладе в ВВП страны (в 2023 г. - оценивался в 1,5 процента), сопоставимом с общим финансированием ряда направлений в социальной сфере [23]. Для сравнения, в 2018 году эта цифра составляла всего 0,6 процентов [19].

Деятельность исследуемого сегмента российского негосударственного сектора осуществляется в разных сферах общественных отношений. При этом некоммерческие организации институализируются в качестве полноправных субъектов рыночных отношений, основным отличительным маркером которых является неприбыльный характер экономической деятельности [18, с. 24].

Проблемам частноправового регулирования деятельности НКО посвящены работы известных ученых, таких как Амбросимова Е.А., Дерюгина Т.В., Сойфер Т.В., Сергеев П.В. и др.

Известно, что единый правовой статус НКО, равно как и базовые нормы, регулирующие их деятельность, закреплены в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ). Там же изложен исчерпывающий перечень организационно-правовых форм НКО.

Вместе с тем, ряд авторов полагают, что правовое регулирование уставной деятельности НКО по-прежнему в значительной степени определяется специальными федеральными законами [9, с.289], а основная деятельность НКО осуществляется вообще за пределами гражданско-правового регулирования [18, с. 24]. Актуальными остаются вопросы разграничения отдельных видов экономической деятельности НКО, в частности, приносящей доход и предпринимательской деятельности [10, с. 12],

а также проблемы участия в коммерческом обороте отдельных форм НКО [17, с. 4]. В связи с этим заслуживает внимания позиция о необходимости для развития экономики страны разработать концепцию некоммерческой организации как юридического лица [5, с. 9].

Представляется, что при разработке обозначенной концепции необходимо учитывать и такой фактор, влияющий на положение НКО в рамках частного права, как общий тренд на цифровизацию экономической деятельности. Некоммерческие организации, как и большинство субъектов гражданско-правового регулирования, уже давно являются активными пользователями современных информационных технологий, которые позволяют улучшить как инфраструктуру самой организации, так и качество оказываемых услуг. Цифровая трансформация некоммерческого сектора может рассматриваться в качестве одного из факторов, определяющих необходимость корректировки правового регулирования деятельности исследуемого субъекта гражданско-правовых отношений [8, с. 153]. Непосредственно на эффективность деятельности НКО в новых условиях будет влиять положительная динамика, связанная с учётом законодателем особенностей использования НКО инновационных технологий.

Следует отметить, что научное сообщество в значительной степени ориентировано на определение параметров экономической деятельности НКО [16, с. 552], в то время как исследования непосредственно в сфере цифровизации некоммерческого сектора преимущественно нацелены на изучение проблем, возникающих у некоммерческих организаций при внедрении телекоммуникационных технологий [6, с. 44].

В данном контексте вопросы регулирования гражданско-правовых отношений благотворительной деятельности в цифровом пространстве, одной из участников которой является НКО, затрагиваются исследователями незаслуженно редко.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена не только недостатком внимания со стороны учёных, но и объективными процессами перехода экономики России в цифровое пространство. Цифровая инфраструктура, используемая участниками экономических отношений, развивается крайне динамично, что может предопределять необходимость корректировки механизмов гражданско-правового регулирования положения ее субъектов. Вовлеченность в онлайн пространство некоммерческих организаций не подлежит сомнению, что обусловлено необходимостью постоянно расширять ресурсную базу для ведения ими их основной деятельности. Соответственно, используемые некоммерческим сектором инновационные формы экономической деятельности в цифровом формате как средство для привлечения ресурсов должны эффективно регулироваться гражданским правом.

Практической задачей исследования является анализ достаточности и эффективности средств гражданско-правового регулирования, которые могут использоваться для оптимизации деятельности НКО, осуществляемой с использованием современных цифровых технологий.

Научная новизна заключается в обосновании необходимости корректировки ряда норм, регулирующих гражданско-правовое положение НКО в онлайн пространстве, с целью обеспечения определенности в общественных отношениях, в которые помимо самих организаций, в качестве участников вовлечены потребители оказываемых ими услуг.

В данной связи наиболее активными формами участия НКО в экономической деятельности в цифровом формате в настоящее время являются фандрайзинг [8, с.152] и краудсорсинг, родственный по самой своей природе основной деятельности НКО, поскольку также способствует консолидации и активизации гражданского общества [14, с.38]. Данные виды деятельности осуществляются с целью сбора финансовых средств или ресурсов. Применительно к некоммерческому сектору соответствующие формы экономических отношений могут рассматриваться как эффективные способы ведения приносящей доход деятельности.

С экономической точки зрения фандрайзинг можно определить как процесс привлечения ресурсов (например, денежных средств) для решения социально-значимых задач, в более узком смысле - как сбор пожертвований. Наиболее динамично на современном этапе НКО используют онлайн-фандрайзинг, который в нашей стране находится в активной фазе развития [11, с.60]. Один из примеров его реализации – деятельность российского благотворительного фонда «Гольфстрим», который осуществляет сбор пожертвований на базе цифровой платформы «Planeta.ru» для оказания адресной помощи людям с ограниченными возможностями [26].

Краудсорсинг (краудфандинг как его разновидность) представляет собой коллективное сотрудничество, направленное на решение профессиональных, деловых и иных вопросов с привлечением неограниченного количества лиц на базе цифровых платформ или социальных сетей. К некоммерческому сектору наиболее применим социально-общественный вид краудсорсинга, который предполагает реализацию благотворительных проектов [7, с. 207]. Частный случай указанной деятельности представлен краудсорсинговой платформой «Betterplatform», которая используется для аккумуляции проектов социальной направленности с целью их последующей реализации силами НКО [24]. Другим примером совместной деятельности краудсорсинговых ресурсов и социально ориентированных НКО служит сервис сбора пожертвований «VK Добро», который объединяет более 300 некоммерческих организаций, оказывающих помощь социально незащищенным слоям населения на собранные средства [27].

В отличие от экономической науки в действующем законодательстве фактически отсутствует легальное определение фандрайзинга, который в отдельных ведомственных актах определяется как деятельность по поиску и привлечению пожертвований в виде денежных средств или иного имущества, привлечение иных ресурсов на социальные, образовательные, культурные проекты [4].

В рамках гражданского оборота фандрайзинг можно рассматривать с позиций норм ст. 582 ГК РФ, ст.ст. 1, 5 и 15 ФЗ «О благотворительной деятельности» [3], ст. 26 ФЗ «О некоммерческих организациях» [2], регулирующих отношения, связанные с пожертвованиями.

Вместе с тем, онлайн-фандрайзинг порождает определённые проблемы, как в частноправовой, так и в публичной сферах. Так, цифровое пространство не всегда даёт благотворителю объективную возможность по идентификации благополучателя и благотворительной организации как субъектов гражданско-правовых отношений. Кроме того, электронный формат создает предпосылки для нарушения условий и порядка осуществления деятельности благотворительной организации, которая регламентируется ст.ст. 9 и 16.1 ФЗ «О благотворительной деятельности», а также затрудняет контроль за ее осуществлением со стороны регулятора (ст. 19 того же ФЗ) [3]. Во многом это обусловлено многообразием форм онлайн фандрайзинга. Так, ряд электронных платформ (MIXPLAT, Givr и др.) предлагают некоммерческому сектору различные инструменты по сбору денежных средств: терминал для приема пожертвований с банковских карт и посредством системы быстрых платежей, а также возможности по управлению платежными терминалами на одной электронной площадке [21, 25]. На базе онлайн ресурса «Благо.ру» сбор средств на реализацию социально значимых проектов силами некоммерческого сектора осуществляется с помощью вкладки «Корзина пожертвований» [20].

Предлагаемые цифровые решения можно рассматривать как электронный аналог ящика для пожертвований, право на использование которого предоставлено НКО со статусом благотворительной организации (ст. 16.1 ФЗ «О благотворительной деятельности»).

Для приведения гражданского законодательства в сфере благотворительной деятельности в соответствие с новыми экономическими условиями представляется возможным дополнить федеральный закон «О благотворительной деятельности» понятием и способами использования электронного ящика для пожертвований.

Поскольку краудсорсинг в общем виде можно определить как передачу отдельных производственных функций неопределенному кругу лиц на основании публичной оферты [22], в правовом отношении указанная деятельность может рассматриваться в рамках гражданско-правового

договора, в котором сторонами являются заказчик, исполнитель и агрегатор (как правило, лицо, предоставляющее онлайн-платформу).

Наиболее близко к краудфандинговым отношениям на законодательном уровне в настоящее время определяется деятельность по привлечению инвестиций [1], а используемыми при осуществлении соответствующей деятельности правовыми средствами являются договоры на оказание услуг по привлечению инвестиций и на оказание услуг по содействию в инвестировании [12, с.480].

Представляется, что следующим этапом в развитии гражданско-правового положения фандрайзинга и краудсорсинга может стать разработка нового вида договора, который позволит уменьшить риски заказчика и исполнителя, обусловленные использованием цифровой площадки.

С учетом изложенного, одним из вызовов, с которым может столкнуться цивилистика в ближайшей перспективе, станет адаптация гражданско-правового регулирования к инновационной экономической деятельности НКО, осуществляемой в цифровом формате. Так, в рамках гражданско-правового регулирования деятельности благотворительной организации на электронных площадках представляется оправданным внести дополнения в ФЗ «О благотворительной деятельности», определив понятие и порядок использования электронного ящика для сбора пожертвований, который размещается на цифровой платформе (по аналогии со ст. 16.1 указанного ФЗ). Другим следствием планомерного перехода НКО на экономические формы деятельности в онлайн пространстве может стать необходимость разработки особого вида гражданско-правового договора, опосредующего отношения краудсорсинга и фандрайзинга.

Список литературы

1. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»: офиц. сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/7f8e78f3581_b25bef1a503aa_5b29f4369cdb9d19/ (дата обращения: 01.02.2025). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СПС «Консультант Плюс»: офиц. сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 22.01.2025). — Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СПС «Консультант Плюс»: офиц. сайт. — URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 22.01.2025). – Текст: электронный.

4. Распоряжение Минобрнауки России от 13.11.2023 № 400-р «Об утверждении Концепции развития фондов целевого капитала образовательных организаций высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, на 2023 - 2035 годы» // СПС «Консультант Плюс»: офиц. сайт. — URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minobrnauki-rossii-ot-13112023-n-400-r-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 22.01.2025). – Текст: электронный.
5. Абросимова Е.А. Некоммерческие организации в экономике: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. - 2016. - № 1. - С. 9-13.
6. Афанасьева Ю.С. Деятельность некоммерческих организаций в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы // Вестник института мировых цивилизаций. – 2022. - № 1(34). - Том 13. – с. 42-46.
7. Безуглый Э.А. Краудсорсинг – современный способ решения социально значимых задач / Э.А. Безуглый, Н.Б. Кутергин, Н.А. Алексеев, Е.Г. Ковалева, В.Ю. Радоуцкий // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. – 2016. - № 2. – С. 206-208.
8. Вишнева К.В. Цифровая трансформация некоммерческих организаций: проблемы и направления развития // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. - № 4 (106). – С. 152-155.
9. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Проспект. - 2020. – Т.1. - 1040 с.
10. Дерюгина Т.В. Предпринимательская или приносящая доход деятельность некоммерческих организаций: проблемы гражданско-правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. - 2018. - № 3. – Т. 4. – С.12-14.
11. Корнеева И.Е. Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы / И.Е. Корнеева, А.С. Брюхно // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2019. - № 5. - С. 58—81.
12. Кузнецова О.А. Экономико-социальная природа и правовая форма краудфандинговых отношений // Пермский юридический альманах. – 2019. – С. 473-483.
13. Мандрыкина В.Ю. Проблемы толкования понятия социально ориентированных некоммерческих организаций и пути их решения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. - №1 (144). - С. 96-102.

14. Мирошниченко И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - 2011. - №6. – Т. 4. – С. 31-39.
15. Папаскуа Г.Т. Краудфандинг: понятие, виды и риски // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 7 (128). - Т. 16. - С. 77-85.
16. Семенова Н.В. Теоретические аспекты оценки экономической деятельности некоммерческих организаций // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2012. – № 163. - с. 552-563.
17. Сергеев П.В. Гражданско-правовой статус религиозной организации в коммерческом обороте: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.03. - М. - 2021. - 218 с.
18. Сойфер Т.В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. – 2016. - № 1. - С. 22-30.
19. Вклад благотворительного сектора и НКО в экономику РФ растет // Экономика и жизнь: офиц. сайт. - URL: <https://www.eg-online.ru/news/468189/> (дата обращения: 21.01.2025). – Текст: электронный.
20. Главная страница - Благо.ру: сайт в поддержку проверенных благотворительных фондов // Blago.ru: офиц. сайт. - URL: <https://www.blago.ru/> (дата обращения: 13.02.2025). – Текст: электронный.
21. Платежный сервис Миксплат (MIXPLAT.ru) // Mixplat.ru: офиц. сайт. - URL: <https://mixplat.ru/> (дата обращения: 13.02.2025). – Текст: электронный.
22. Словарь цифровой экономики // Legalacademy.ru: офиц. сайт. — URL: <https://legalacademy.ru/components/tpl/lfa2/docs/Словарь%20цифровой%20экономики.pdf> (дата обращения: 31.01.2025). – Текст: электронный.
23. Татьяна Илюшникова: В 2023 году вклад НКО в экономику страны составил 2 триллиона рублей // Министерство экономического развития РФ: офиц. сайт. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_v_2023_godu_vklad_nko_v_ekonomiku_strany_sostavil_2_trilliona_rublej.html/ (дата обращения: 21.01.2025). – Текст: электронный.
24. Better by ОККАМ // Betterplatform.Ru: офиц. сайт. - URL: <https://betterplatform.ru/> (дата обращения: 13.02.2025). – Текст: электронный.

25. Givr.ru - простой и стабильный сервис для приема пожертвований в НКО // Givr.ru: офиц. сайт. - URL: <https://givr.ru/> (дата обращения: 13.02.2025). – Текст: электронный.
26. Planeta.ru: российская краудфандинговая платформа // Planeta.ru: офиц. сайт. - URL: <https://planeta.ru/> (дата обращения: 13.02.2025). – Текст: электронный.
27. VK Добро – благотворительность в России - сервис добрых дел // Dobro.mail.ru: офиц. сайт. - URL: <https://dobro.mail.ru/> (дата обращения: 13.02.2025). – Текст: электронный.

Камышенкова Вера Сергеевна

магистрант 1 курса,

Смоленский государственный университет,

Секретарь судебного заседания Отдела обеспечения гражданского
судопроизводства Промышленного районного суда г. Смоленска,

г. Смоленск, Россия

ПОНЯТИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ¹

Kamyshevkova Vera Sergeevna

1st year Master's student,

Smolensk State University,

Secretary of the Court session of the Department of Civil Security proceedings of
the Industrial District Court of Smolensk,

Smolensk, Russia

THE CONCEPT OF ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация. Вопросы злоупотребления правом в настоящее время занимают особое место и становятся все более актуальными. Безусловно для того, чтобы понимать, какие меры и рычаги воздействия применять с целью минимизации последствий злоупотребления правом, необходимо разобраться в понятийном аппарате с выявлением сущности данного процесса и правовой категории в целом. Процессуальные права являются важнейшей категорией,

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Сенкевич Виктория Валерьевна

которая должна защищаться со стороны закона в части злоупотребления с минимизацией последствий. В связи с чем, в статье будут проанализированы и раскрыты проблематические вопросы оценки злоупотребления правом, с выявлением основных рычагов минимизации последствий и предотвращения их совершения.

Abstract. The issues of abuse of law currently occupy a special place and are becoming increasingly relevant. Of course, in order to understand what measures and levers of influence to apply in order to minimize the consequences of abuse of law, it is necessary to understand the conceptual framework with the identification of the essence of this process and the legal category as a whole. Procedural rights are the most important category that must be protected by the law in terms of abuse while minimizing the consequences. In this regard, the article will analyze and disclose problematic issues of assessing abuse of law, identifying the main levers of minimizing consequences and preventing their commission.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестность поведения, рычаги правового регулирования, ответственность сторон, последствия злоупотребления правом.

Key words: abuse of law, good faith, conduct, levers of legal regulation, responsibility of the parties, consequences of abuse of law.

Вопросы злоупотребления правом являются не просто значимыми и весомыми для современного гражданского процесса, но и самыми неоднозначными и дискуссионными, поскольку данную категорию неоднократно анализировали многие авторы. В том числе, особого внимания заслуживают примеры судебной практики, анализ которых указывает на неоднозначность правовой оценки и последствий правоприменения в случае выявления фактов злоупотребления. Унификация злоупотребления правом, единая составляющая доказательной базы в случае заявления о данном факте стороной, должно быть предметом законодательного закрепления. При этом отметим, что в отсутствие единого подхода, разъяснений Пленумов Верховного Суда РФ, оказывают существенное влияние на результативность при рассмотрении гражданских споров, в особенности в судах апелляционной инстанции.

Как нами было указано, единого мнения о том, что же под собой подразумевает злоупотребление правом, его сущности и основных характеризующих признаков, нет. Отсюда и дальнейшие дискуссии относительно вопросов классификации форм злоупотребления правом с выявлением правовых последствий и способов их минимизации. Вопросы правового регулирования злоупотреблением правом остаются противоречивыми также на практике, поскольку у судов нет единой позиции в данном вопросе.

Правовое регулирование злоупотреблением правом остается не до конца проанализированным и исследованным, поскольку данной правовой дефиниции посвящена только статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1].

Данная статья отражает формальное определение злоупотребления правом без каких-либо конкретных обстоятельств, которые подлежат установлению и исследованию в гражданском процессе. В том числе, отсутствуют какие-либо меры воздействия и возможные правовые последствия, выраженные в виде той самой ответственности за злоупотребление правом. В том числе, сразу можно отметить, что в ГК РФ, а также ГПК РФ не отражены формы и проявления, которые могут трактоваться как злоупотребление правом.

Отметим, что злоупотребление правом, как правовой институт, не является для Российской Федерации новым. Его изучению были посвящены многочисленные работы еще в советский период, когда под злоупотреблением понималось такое явление, которое выражалось в негативе со стороны противоправности действий одного лица, направленного на угрозу права другого лиц при реализации своих гражданских процессуальных прав. При этом вопрос необходимости закрепления на законодательном уровне понятия «злоупотребление правом» остается открытым и дискуссионным, поскольку многими авторами выражается позиция, согласно которой данной необходимости нет ввиду обширности данного понятия, его субъективности и невозможности оценки с позиции законодательного закрепления.

На наш взгляд данная позиция является не совсем верной, поскольку для понимания и правоприменения каких-либо понятий, затрагивающих правоотношения, в том числе и гражданско-процессуальные, должно быть указано в законе с указанием на базовые обстоятельства, которые должны быть не только проанализированы, но и учтены судом при вынесении того или иного решения. Мы придерживаемся мнения, что в данном случае, у судов будет больше полномочий в части применения последствий, которые также не отражены в законе.

Вопросы применения каких-либо мер в отношении недобросовестных участников процесса, злоупотребляющих своими правами, остаются открытыми. Нельзя не отметить, что злоупотребление именно процессуальными правами в рамках гражданского процесса влечет негативные последствия для третьих лиц в результате недобросовестного поведения конкретного лица, осознающего свои действия и предполагающего положительный для себя исход в результате указанного нарушения.

На наш взгляд, злоупотреблением будет являться той формой проявления недобросовестности поведения, при которой подверженные установлению обстоятельства целенаправленно скрываются и подвергаются какой-либо

коррекции. Данный факт, безусловно, подтверждает факт недобросовестности и неправомерности регулирования.

Мы также считаем, что судом, в случае непредоставления тех или иных доказательств, имеющих значение при рассмотрении дела, одной из сторон, данное поведение может быть расценено как злоупотребление в отсутствие действительно весомых обстоятельств, послуживших причиной затягивания судебного разбирательства.

Злоупотребление правом, как правовая категория имеет специфические характеристики, которые могут быть предметом оценки и обсуждения сторонам, в случае постановки такого вопроса.

Вопрос оценки объема выявленного так называемого «нарушения», выраженного в злоупотреблении, несет в себе посыл оценить и взвесить то последствие, которое так или иначе могло повернуть судебное решение в ту или иную сторону.

Необходимо отметить, что злоупотребление правом, в отличие от правонарушения, не подразумевает противоправность деяния, за которое предусмотрена какая-либо, установленная законом ответственность. Речь идет о том, что злоупотребление — это как таковое превышение своих имеющихся прав и полномочий для достижения процессуальной цели и реализации своих субъективных прав. При превышении своих процессуальных прав не будут применяться меры административной или, например, уголовной ответственности. Ни КоАП РФ, ни УК РФ не содержат нормы, предусматривающие ответственность за злоупотребление правом именно потому, что злоупотребление не является противоправным деянием.

Во-вторых, обратим внимание на то, что правонарушение по своей правовой природе имеет сложную структуру, которая включает объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону, чего не скажешь о злоупотреблении. В данном случае нами будет рассматриваться целенаправленное применение каких-либо рычагов для достижения конкретной цели в реализации своего субъективного права.

В-третьих, это мера юридической ответственности, которая подразумевает оценку правонарушения с позиции причиненного ущерба тому или иному лицу в части личного или имущественного права. При этом для злоупотребления правом характерны последствия именно в части процессуального разрешения спора. Например, отказ в удовлетворении заявленных исковых требований вследствие злоупотребления правом, когда лицо целенаправленно создало условия, при которых будет подан иск для извлечения выгоды в большем размере путем затягивания судебного разбирательства, не предоставления необходимых доказательств и т.п.

Отметим, что за счет общирности данного понятия, смешения в нем различных признаков, косвенно связанных с иными мерами ответственности и правовых последствий, в правовой литературе высказывалась позиция о том,

чтобы отнести злоупотребление правом к разновидности правонарушений, имеющих свои правовые последствия.

Мы не согласны с данной позицией, поскольку считаем, что в случае обнаружения злоупотребления правом, постановки вопроса в судебном заседании о его наличии, правовые последствия с точки зрения процессуального закона будут достигнуты в рамках рассмотрения гражданско-правового спора в части принятия решения не в пользу злоупотребившего правом[3, с. 24]. Тем самым, необходимость применения каких-либо иных мер ответственности в отношении злоупотребившего правом лица, отсутствует и не имеет под собой правового обоснования.

В том числе, обратим внимание на то, что действия при злоупотреблении правом, по своей правовой природе носят правомерный характер именно с позиции того, что лицо не нарушает закон, совершая противоправное деяние. Речь идет о преувеличении предоставленного субъективного права, его утрирование и использование с нарушением прав иного лица, участвующего в деле. Субъектами злоупотребления правом могут быть как физические, так и юридические лица, совершая или не совершая те или иные действия.

На наш взгляд, злоупотреблением правом можно считать обращение кредитора в суд с требованием о возврате заемных (кредитных) средств, а также взысканием процентов за пользование чужими денежными средствами и соответствующими неустойками по истечении длительного срока, в результате которого происходит увеличение истребуемых сумм.

На наш взгляд, законодателю необходимо предусмотреть временной порог относительно взыскания неустоек и процентов с должника, с учетом мер, предпринятых кредитором для возврата долга. В случае, если меры не предпринимались и будет установлено, что в адрес заемщика не были направлены заключительные требования о необходимости возврата денежных средств, а также разъяснение последствий невозврата долга в установленные сроки путем взыскания неустоек.

Безусловно, оценка поведения самого должника также имеет весомое значение и должно оцениваться в совокупности со всеми выявленными обстоятельствами. Ни чьи права не могут быть ущемлены или быть первоочередными относительно других. Оценка правового положения с учетом заявленного вопроса об оценке злоупотребления должна анализироваться в соответствии со всеми представленными в суд доказательствами.

Злоупотребление правом внешне выглядит как правомерное поведение, осуществляемое в рамках предусмотренных законов процессуальных прав и обязанностей. При этом, судами должен оцениваться умысел в совершении тех или иных действий, которые будут трактоваться как злоупотребление. Злоупотребление правом реализуется именно в практической форме, то есть

целенаправленно, совершая те или иные действия, которые в условиях правомерности совершения приведут к неправомерным последствиям.

Судам необходимо оценивать добросовестное отношение участников судебного разбирательства с позиции осуществления и реализации ими своих гражданско-процессуальных прав. Стороны должны придерживаться принципа, рассмотреть спор честно и открыто, представим все необходимые доказательства, как по собственной инициативе, так и по запросу суда. В том числе, стороны должны активно принимать участие в судебном разбирательстве для того, чтобы спор был рассмотрен в установленные законом сроки без надуманных причин отложения и истребования не нужных для рассмотрения конкретного спора доказательств.

Поводя итог, приходим к выводу, что злоупотребление правом, являясь категорией оценочной, находится в тесной взаимосвязи с такой правовой категорией как «усмотрение», поскольку суд по своему усмотрению будет оценивать поведение участников гражданского процесса с позиции правомерного или неправомерного осуществления ими своих прав в условиях возможного злоупотребления. Необходимо стараться достигать при рассмотрении каждого индивидуального спора, баланса интересов, в том числе, для максимального предотвращения создания тех самых условий, когда лицо сможет злоупотребить своими правами. Тем самым, рассмотренные нами в данной статье вопросы, являются актуальными для современного гражданско-процессуального права и требующего пристального внимания законодателя с позиции усовершенствования правового регулирования для более систематической и единой практики применения положений ГК РФ в отношении лиц, злоупотребляющих своими правами.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета от 6, 7, 8 февраля 1996 г. N 23, 24, 25.
2. Оганесян, С. М. Понятие и формы злоупотребления правом в гражданском праве / С. М. Оганесян, Д. В. Белевич // Актуальные проблемы науки и практики, 2024. – С. 175-180.
3. Софронова, С. А. Понятие и сущность правомерного злоупотребления субъективным правом / С. А. Софронова, А. С. Вологина // IusPublicumetPrivatum. – 2024. – № 3(27). – С. 23-29.

Кузнецова Елена Викторовна

К.Ю.Н., доцент,
зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРАДИЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОСУДИЯ

Kuznetsova Elena Viktorovna

candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE TRADITIONAL FOUNDATIONS OF JUSTICE

Аннотация. в статье анализируется существующая практика применения искусственного интеллекта в судопроизводстве, пределы и риски такого применения с учетом сохранения гуманистической сущности данного вида деятельности.

Abstract. The article analyzes the existing practice of using artificial intelligence, the limits and risks of such use, considering the preservation of the humanistic essence of legal proceedings.

Ключевые слова: новые технологии; принципы судопроизводства; прогностическое правосудие.

Key words: new technologies; principles of judicial procedure; predictive justice.

Нарастающее влияние информационных технологий все больше и больше проявляется во всех сферах человеческого бытия. Сегодня не просто не вызывает сомнений важность внедрения цифровых технологий в отечественный цивилистический процесс, а скорее уже можно вести речь о том, что такие технологии – это сложившаяся реальность. В этой связи стоит согласиться с мнением, высказанным членом Президиума Верховного Суда Российской Федерации, секретарем Пленума Верховного суда Российской Федерации В. В. Момотовым о том, что развитие судебной системы, повышение качества и эффективности правосудия, невозможны без использования передовых технологий [5].

Искусственный интеллект является одной из таких технологий, трансформирующих современное общество. Стратегическое развитие данной технологии в нашей стране определяется Указом президента Российской Федерации от 10 октября 2019г. (с последующими изменениями № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2], устанавливающий приоритеты государственной политики в указанной области и подчеркивающий необходимость применения подобной технологии в различных сферах отношений, в том числе и в правовых отношениях.

В 2021 г. в качестве пилотного проекта был запущен процесс использования искусственного интеллекта в Белгородской области: на трех судебных участках мировых судей нейросеть призвана помогать в обработке документов приказного производства по взысканию налогов с граждан [3].

Также в 2020 г. в российское процессуальное законодательство были внесены поправки, допускающие применение исследуемой технологии в исполнительное производство [1].

С мая прошлого года запущен благотворительный проект «Кассатор онлайн», благодаря которому нейросеть должна научиться самостоятельно подготавливать кассационные жалобы и прогнозировать решения судов. Также в конце прошлого года планировался и запуск официальный суперсервис «Правосудия онлайн», однако пока не подтверждена его готовность к запуску.

Для сравнения можно привести примеры применения информационных технологий в судебной деятельности других стран. Так, например, в Китае, обычной практикой является не только проведение судебных заседаний в онлайн формате, но и определенные споры разрешает умный алгоритм в WeChat. А в Колумбии провели процесс, в рамках которого в виртуальном зале суда присутствовали аватары участников.

При подобном сравнении напрашивается однозначный вывод о том, что судебная система Российской Федерации пока не делает слишком резких шагов по внедрению искусственного интеллекта. С признанием фактического расширения использования цифровых технологий в судопроизводстве, тем не менее существует необходимость изучения соотношения данной технологии с традиционными основами правосудия. Полная замена человека искусственным интеллектом в судебной деятельности или даже его дополнение, требуют тщательного анализа существующих основ российского правосудия, тех принципов и аксиом, на которых оно базируется.

Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что высказываются мнения, допускающие возможность трансформации существующей системы принципов осуществления правосудия, в связи с внедрением цифровых технологий в цивилистический процесс и появление так называемых специальных принципов электронного правосудия.

В этой связи, в первую очередь, стоит остановиться на самих категориях «искусственный интеллект», «основные начала правосудия», «принципы», «аксиомы», их содержательной составляющей. Понятие, как известно, всегда выражает сущность явления. Поэтому такого рода обращения всегда имеет важное значение для формирования правил, устанавливающих права и обязанности участников процессуальных отношений.

Согласно упоминаемому ранее Указу от 10 октября 2029 г. искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Даже при беглом знакомстве с таким определением, невольно оно воспринимается специалистами в области права, как неюридическое. Оно скорее естественнонаучное и является обозначением технических свойств предмета регулирования. Юристы и специалисты в области IT-технологий, что называется, говорят на разных языках. В литературе неоднократно говорилось о том, что юристы, как правило, не обладают способностью сформировать грамотное техническое задание на необходимую им информационную систему, а технические разработчики в свою очередь склонны полностью формализовывать, упрощать правовые процессы.

Однако, несмотря на проявленное внимание и со стороны ученых-правоведов к этой категории, к сожалению, приходится констатировать, что они также в большинстве случаев предлагают свои авторские определения, основанные на технических категориях и правилах. Либо встречается другая крайность и высказываются идеи о закреплении за искусственным интеллектом правосубъектности.

На наш взгляд заслуживает одобрения и поддержки мнение о том, что инкорпорация искусственного интеллекта как социокультурного явления в правовую действительность требует либо создания самостоятельного термина для его обозначения в плоскости права, либо наполнения понятия специфическим юридическим содержанием. Разработка понятийно-категориального аппарата именно по правилам и с учетом науки права есть необходимое условие для эффективного и корректного регулирования любой сферы [6, с.183].

В этой связи, видится правильным применение утилитарно-конструктивистского подхода к выявлению правовой сущности ИИ. Таким образом достаточно определиться со значимыми с точки зрения права

свойствами, присущими данной категории. В рамках обозначенного подхода становится не актуальным вопрос о наличии ментальных свойств у ИИ. К тому же в содержании процессуально-правовых отношений особое значение имеет поведение, действия. Исходя из этого искусственный интеллект должен рассматриваться как технология, способная к автономному рациональному действию – прогнозированию возможного решения, а его юридическое понятие должно исключать возможность приписывания ему признака субъектности.

Что касается основных начал правосудия в сфере гражданского судопроизводства, то традиционно они представлены совокупностью принципов и аксиом, характеризующих соответствующие процессуальные отношения

Несмотря на существование разных подходов к категории «принципы» в самой теории процессуального права, единство в их понимании может быть обеспечено обозначением существенных признаков, характеризующих данную категорию.

Прежде всего, каждый принцип — это всегда некое правило, совокупность суммарных идей, образующих содержание каждого принципа;

Во-вторых, - эта совокупность суммарных идей, образующих содержание каждого правила, всегда имеет нормативный характер. Принципы всегда имеют прямое (текстуальный способ закрепления) или косвенное закрепление (смысловой способ закрепления). При этом действие каждого принципа-нормы распространяется на другие взаимоотношения в пределах правовой отрасли и влияет на ее другие нормы.

В-третьих, принципы всегда индивидуализирующий признак, позволяющий определить специфику конкретной правовой отрасли среди прочих правовых отраслей.

В-четвертых, они пронизывают все институты и нормы процессуального права. Другими словами, каждый из принципов обладает свойством всеобщности в рамках гражданского процессуального права, влияет на все отраслевые институты и правила, а не на какую-то его отдельную часть.

Определяя содержательно категорию «аксиома» в гражданском процессуальном праве, следует согласиться с мнением, высказанным Ференс-Сороцким А.А., согласно которому аксиома представляет собой неизменное устойчивое по своему содержанию правило, выработанное общественно-исторической практикой [7, С.5.]. В свою очередь Фирсов Д.А. утверждает, что аксиомы задают не общий порядок рассмотрения судебных споров, а логику и обоснованное построение суждений [8, С.9], что также не может не найти поддержки. Таким образом аксиомы отражают социокультурную ценность гражданского процессуального права, способствуют обоснованному суждению по поводу содержания конкретных правовых норм в их взаимосвязи.

При всем различии в понимании аксиом и принципов, как основных начал гражданского и арбитражного судопроизводства, полагаем, что каждая из этих категорий воплощает представление общества о правосудии, как деятельности, целью которой является обеспечение эффективной защиты прав участников частноправовых отношений, формирование правовой стабильности и определенности.

Именно на правосудие всегда возлагаются надежды, как на наиболее действенный механизм обеспечения справедливости в процессе защиты прав и законных интересов.

Можно и нужно сколь угодно совершенствовать возможности, однако развитие нано-технологий и нано-машин на наш взгляд не должно заменять индивидуальное сознание и умалить значимость традиционных ценностей, в том числе определяющих основу правового регулирования отношений. Собственно, поэтому искусственный интеллект должен восприниматься как технология, инструмент, помогающий судье при совершении определенных действий, но не заменяющий судью полностью при разрешении дела. И конечно же правосудие не может осуществляться не субъектом права, а значит применение исследуемой технологии возможно и предпочтительно исключительно как средство анализа большого объема данных.

Неизменным правилом развития человеческой цивилизации всегда было, есть и должно оставаться то, что правосудие вершится для людей и только людьми. Оно является видом государственной деятельности, которая базируется на правовых и нравственных началах. Применение закона вопреки таким началам искажает саму сущность правосудия. Правосудию всегда присущ элемент публичности, гарантирующей объективное рассмотрение дел, а также реализацию иных задач, в том числе формирование уважительного отношения к закону и суду. Не отрицая значимости доступности правосудия, не стоит забывать о том, что доступность не равна упрощенчеству. Процессуальная экономия важна не сама по себе, а с учетом реализации тех цели и задач, которые характеризуют судебную деятельность в целом, и гражданское судопроизводство в частности. Все богатство, которого достигла человеческая цивилизация, невозможно упростить.

Справедливость и закон должны быть соединены с человечностью: оценивая доказательства и принимая решение по делу судья в силу закона руководствуется своим внутренним убеждением, которое должно быть основано на конкретных критериях - всесторонность, полнота, объективность и непосредственность в исследовании доказательств. Искусственный интеллект не знаком с нравственными понятиями, он не может дать оценку возможного злоупотребления правом, оценить поведение с точки зрения добросовестности.

Будучи основными началами соответствующей правовой отрасли принципы и аксиомы определяют стабильность правоотношений, что совсем

не означает возможности их модернизации. Представляется, что процессы цифровизации, в целом, и применение искусственного интеллекта, в частности, должны служить дополнительными гарантиями реализации принципов гражданского процессуального права. Факт использования информационных технологий, включая искусственный интеллект, не должен искажать сущности принципов гражданского процессуального права. В этой связи полагаем в очередной раз будет не лишним вспомнить слова еще стоявшего у истоков русского «духовного возрождения» Владимира Сергеевича Соловьева, который утверждал, что «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [4, С. 63].

Существующие принципы гражданского процессуального права в современных условиях, безусловно могут и должны иметь новые формы проявления. Характеризуя изначально искусственный интеллект, как исключительно вспомогательную технологию, должны быть определены границы его использования, позволяющие не растерять основные начала осуществления правосудия - публичность, справедливость, доступность, именно они характеризуют данную деятельность, как государственно-властную. Искусственный интеллект, как и прочие цифровые технологии должны лишь способствовать улучшению уже существующего порядка осуществления правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.12.2021 №417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» //Гарант: офиц. сайт. - URL: <https://base.garant.ru/403265354/>
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»//Гарант: офиц. сайт. - URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 27.12.2024). - Текст : электронный.
3. Белгородские суды начали использовать нейросети при подготовке судебных приказов [*Электронный ресурс*]. – Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6728050> (дата обращения: 11.11.2024).
4. Кузнецова Е.В. Нормативно-правовая интеграция традиционных ценностей в механизм правового регулирования семейных отношений//Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов: сборник научных статей/отв. ред. А.М.Капустин. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. 292 с.
5. Мамонов В.В, Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования [*Электронный ресурс*]. –

Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sudoproizvodstve-sostoyanie-perspektivy-ispolzovaniya/viewerc> (дата обращения: 11.12.2024).

6. Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства/Под ред. В.В. Яркова. – М: Статут, 2021. – 460 с.
7. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права. Автореф. дис. ..., канд. юрид. наук. Л., 1989.
8. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. Москва: Статут, 2009. – 78 с.

Каплина Алина Николаевна

Студентка 3 курса,
ФГБОУ ВО «Смоленский
государственный университет»,
г. Смоленск, Россия

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Alina Nikolaevna Kaplina

3rd year,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

CONSUMER PROTECTION IN THE DIGITAL AGE

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблема защиты прав потребителей в условиях цифровизации, когда все больше услуг и товаров предоставляется через онлайн-платформы. Цель работы — анализ законодательства, касающегося прав потребителей в цифровой среде, и выявление его недостатков. Методологическая основа исследования включает анализ нормативных актов, научных работ и исследований. Основные результаты показывают, что существующий правовой механизм не полностью защищает потребителей от новых рисков, связанных с цифровыми технологиями. Выводы подчеркивают необходимость адаптации

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна

законодательства к новым условиям для создания безопасной и прозрачной цифровой экономики.

Annotation. The article examines the current problem of consumer protection in the context of digitalization, when more and more services and goods are provided through online platforms. The purpose of the work is to analyze legislation related to consumer rights in the digital environment and identify its shortcomings. The methodological basis of the research includes an analysis of regulations, scientific papers and research. The main results show that the existing legal mechanism does not fully protect consumers from new risks associated with digital technologies. The conclusions emphasize the need to adapt legislation to the new conditions in order to create a safe and transparent digital economy.

Ключевые слова: некачественный товар, продавец, гарантийный срок, недостаток товара, РФ, Президиум ВС РФ, товар

Keywords: low-quality goods, seller, warranty period, lack of goods, Russian Federation, presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, goods

Пандемия COVID-19 кардинально изменила многие аспекты жизни практического каждого человека, включая и способы, которыми мы привычно осуществляли покупки и взаимодействовали с товарными и сервисными предложениями. В условиях глобальной изоляции и массовых ограничений, связанных с распространением вируса, наблюдался резкий рост так называемой цифровой торговли. Объем онлайн-продаж и число пользователей в интернет-магазинах значительно увеличилось в несколько раз, что радикально изменило динамику потребительского поведения. В то же время, с увеличением объемов электронной коммерции возникли и новые вызовы для обеспечения прав потребителей. «Цифровизация торговли открывает не только новые возможности, которые достаточно облегчают жизнь человека, но и создает значительные риски, такие как мошенничество, недостаточная информация о товаре или услуге, трудности с возвратом и обменов товаров». Эти аспекты говорят о важности наличия эффективной системы защиты прав потребителя в условиях динамично меняющейся и развивающейся цифровой среды.

В Российской Федерации важнейшими нормативными правовыми актами гражданско-правового регулирования отношений в сфере электронной торговли на цифровом рынке выступают – ГК РФ, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «Об электронной подписи».

Анализируя положения указанного выше закона, изложенные в статье 26.1, можно выделить ключевые аспекты, касающиеся дистанционной продажи:

1. Потребители имеют право на получение полной и достоверной информации о товарах и услугах, их характеристики, условиях продажи и возможности обмена (об адресе (месте нахождении) продавца, о месте изготовления товара, о полном фирменном наименовании продавца, о цене и об условиях приобретения товаров, его доставке, сроке службы, сроке годности и гарантийном сроке, о порядке оплаты товара, а также о сроке, в течение которого действует предложение о заключении договора).

2. Закон устанавливает требования к качеству и безопасности товаров, что особенно важно в контексте онлайн-покупок, когда потребитель не может физически оценить товар до его получения. Продавцы товаров и услуг несут ответственность за качество и безопасность своей продукции. В случае «выявления недостатков в товарах, потребитель имеет право на: возврат или обмен товара; устранение недостатков товара за счет продавца; возмещение убытков (в том числе, если возникшие убытки связаны с некачественным товаром)» [2].

3. Потребители имеют право отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи товара – в течение семи дней. При этом при отказе потребителя от товара продавец должен возвратить ему денежную сумму, уплаченную потребителем по договору, за исключением расходов продавца на доставку от потребителя возвращенного товара, не позднее чем через десять дней со дня предъявления потребителем соответствующего требования.

Обратимся к положению Единых правил в области защиты прав потребителей по следующим пунктам:

- Информация о товаре и продавце: «при предложении товаров дистанционным способом продавец обязан предоставить потребителю информацию, обеспечивающую возможность правильного выбора товара, до момента заключения договора розничной купли-продажи» [1].
- Право отказа от товара: «потребитель вправе отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи товара – в течение семи дней».
- Условия возврата товара надлежащего качества: «возврат товара надлежащего качества возможен в случае, если сохранены его товарный вид, потребительские свойства, упаковка, ярлыки, документы, подтверждающие факт и условия покупки указанного товара». При отказе потребителя от товара, продавец должен возвратить ему денежную сумму, уплаченную потребителем по договору, не позднее чем через десять календарный дней.

С учетом роста интернет-торговли в сфере защиты прав потребителей особое внимание стоит обратить на некоторые проблемы [3, с.52-52]:

1) недостаток информации: в условиях онлайн-торговли потребители часто сталкиваются с нехваткой или неполнотой информации о товарах и

услугах. В отличие от традиционной торговли, где покупатель может физически оценить продукт, в интернете информация, предоставляемая продавцом, может быть неполной или недостоверной. Важно установить обязательные требования к информированию потребителей, включая детальные технические характеристики и правдивые отзывы, а также ввести ответственность продавцов за предоставление ложной или неполной информации.

2) качество товаров и услуг на онлайн-рынке. Продавцы должны быть обязаны соблюдать установленные законом стандарты качества для товаров и услуг, предлагаемых в интернет-магазинах. В России существует ГОСТ Р 57498-2017, который устанавливает принципы добросовестной практики в дистанционной продаже. Однако данный стандарт пока носит рекомендательный характер, и его положения следует пересмотреть, чтобы сделать их обязательными для всех продавцов и покупателей.

3) повышение уровня кибербезопасности: учитывая высокий риск кабератак и развития мошеннических схем, государство должно разработать меры по созданию безопасной цифровой среды для пользователей Интернет. Это включает в себя внедрение эффективных стандартов защиты персональных данных каждого участника дистанционной продажи товаров и услуг.

Тем самым, для эффективной защиты прав потребителей в условиях интернет-торговли необходимо комплексное решение, включающее улучшение информирования, контроль качества и обеспечения кибербезопасности.

В заключении необходимо подчеркнуть, что в сфере правового регулирования интернет-продаж существуют определенные недостатки в законодательстве, что создает проблемы для защиты прав потребителей. В этой связи важно обратить внимание на ключевые направления, «которые могут способствовать улучшению законодательства и решению правовых вопросов, возникающих в области дистанционной торговли» [4, с.86-87].

К основным мерам, направленным на защиту прав потребителей в киберпространстве, следует отнести следующие:

- во-первых, требуется систематизация законодательства, касающегося онлайн-продаж. Необходимо разработать закон, который будет регулировать деятельность агрегаторов – веб-сервисов или приложений, собирающих и предоставляющих пользователям актуальную информацию о товарах. Такой закон должен содержать полные данные о продавцах и их взаимодействии с агрегаторами, а также упростить доступ к достоверной информации о товарах и услугах. Агрегаторы обязаны предоставлять информацию о продуктах без искажения, а продавцы несут ответственность за полноту и точность предоставляемых данных.

- во-вторых, активное участие общества в процессе электронной коммерции поможет сократить количество жалоб от потребителей и будет способствовать развитию онлайн-торговли. Следует создать союзы и объединения, которые смогут проводить независимую экспертизу качества и безопасности товаров, а также проверять соответствие потребительских характеристик информации, представленной продавцами.

В связи с увеличением объема-торговли необходимо создать единый онлайн-ресурс, аналогичный реестру недобросовестных поставщиков в сфере государственных закупок, который поможет потребителям выявлять недобросовестных продавцов товаров и услуг. Это подчеркивает важность комплексного регулирования всех аспектов деятельности в цифровом пространстве для обеспечения защиты прав потребителей.

Список литературы

1. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства №6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (принят в г. Минске 06.12.2024)// Консультант: официальный сайт. / [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496218/ef7c9639a6304b945a45e805f29f5adb7563213e/ (дата обращения: 24.01.2025). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 07.02.1992 №2300-1 (ред. От 08.08.2024) «О защите прав потребителей»// «Российская газета», №15, 07.04.1992.
3. Королева А.Н. Защита прав потребителей в условиях формирования цифрового товарного рынка// Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т.3 №3. – С. 50-56.
4. Сафонова С.А. Проблемы защиты прав потребителей в эпоху цифровизации экономики и способы их решения со стороны государства и общества // CHRONOS: мультидисциплинарные науки. –2022. - Т.6 №8. – С. 85-87.

Модина Карина Дмитриевна
магистрант 1 курса заочной формы обучения
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
г. Смоленск, Россия

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ¹

Modina Karina Dmitrievna
1 st year master's student, correspondence course
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education «Smolensk State University»
Smolensk, Russia

PROCEDURAL PROBLEMS OF APPLICATION OF ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация. в статье автором рассматриваются и анализируются методы сбора, хранения и предоставления электронных доказательств. В условиях стремительного увеличения объема цифровых данных участники гражданского процесса сталкиваются с необходимостью их частого использования в рамках разрешения спора для подтверждения своей правовой позиции. Правильное обращение с подобным родом доказательств имеет важнейшее значение для поддержания стабильности при оценке доказательств, в том числе справедливости и эффективного функционирования гражданского судопроизводства как целостной системы. Однако автором также были выявлены не только преимущества электронных доказательств, но и существующие противоречия, раскрыта проблематика, связанная с предоставлением и последующем исследовании электронных доказательств. Цель данной работы заключается в исследовании существующих систем и процедур, а также методов, способствующих более эффективному применению электронных доказательств в обоснование правовой позиции в гражданском судопроизводстве.

Abstract. In the article, the author examines and analyzes the methods of collecting, storing and presenting electronic evidence. In the context of a rapid increase in the volume of digital data, participants in civil proceedings are faced with

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых наук ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» Сенкевич Виктория Валерьевна.

the need to use them frequently in the framework of dispute resolution to confirm their legal position. Proper handling of this type of evidence is essential to maintain stability in the evaluation of evidence, including the fairness and effective functioning of civil proceedings as an integrated system. However, the author also identified not only the advantages of electronic evidence, but also existing contradictions, revealed the problems associated with the provision and subsequent study of electronic evidence. The purpose of this work is to study existing systems and procedures, as well as methods that contribute to a more effective use of electronic evidence to substantiate the legal position in civil society.

Ключевые слова: электронные доказательства, допустимость доказательств, оценка доказательств в гражданском процессе, способы подтверждения достоверности электронного доказательства, правовое регулирование.

Key words: electronic evidence, admissibility of evidence, evaluation of evidence in civil proceedings. methods of confirming the reliability of electronic evidence, legal regulation.

Стремительное развитие информационных технологий, глобализация, а также цифровизация всех сфер развития общества стало толчком к изменению методов фиксации и передачи информации. В результате чего, в современной действительности новейшие информационные технологии оказывают значительное влияние на современное судопроизводство, а именно всё активнее внедряются электронные доказательства, полученные с помощью технических средств. Сфера гражданского судебного производства не стала исключением, вследствие чего все большее распространение в гражданском процессе получили электронные доказательства.

С 2017 года электронные документы были упомянуты в качестве письменных доказательств, которые в свою очередь, являются по статистике одними из самых распространенных. В связи с тем фактом, что электронные документы в качестве доказательств появились относительно недавно, возникают проблемы собирания и предоставления такого вида доказательств в суд, а значит и в последующем установления их процессуального статуса, а также исследования электронных доказательств, полученных с помощью технических средств.

Обращаясь к части 1 ст.71 ГПК РФ, необходимо отметить, что законодатель приравнивает письменные и электронные доказательства, но не конкретизирует форму и механизм предоставления электронных доказательств в судебном процессе [1].

На основе анализа правоприменительной практики, нормативно-правовых актов многие ученые делают вывод о том, что российское законодательство не в достаточной мере раскрывает понятие «электронные доказательства», эта дефиниция отсутствует в системе законодательства. Так,

например, в диссертации Н.И. Борискиной рассматриваются различные аспекты понятия «электронные доказательства». Она подчеркивает, что понятие должно соответствовать определенным критериям и оно является «собирательным и объединяет электронные документы, скриншоты, сообщения, переданные посредством электронной почты, аудио- и видеозаписи в цифровом формате, общим признаком которых является электронная форма [5, с.57]. В работе Д.А. Ананьева под электронными доказательствами следует понимать «сведения, зафиксированные на материальном носителе и воспроизводимые с помощью какого-либо специализированного посредника (карты памяти, USB флеш-накопители, жесткие диски, оптические диски)» [4, с.803].

В приведенных примерах видно, что ученые, правоведы, обучающиеся образовательных учреждений, могут по-разному трактовать и подходить к определению понятия «электронные доказательства». Н.И. Борискина рассматривает это понятие как обширное, объединяя в него широкий спектр цифровых форматов, таких как электронные документы, сообщения и мультимедийные записи. Она акцентирует внимание на электронной форме как общем признаке.

В то же время Д.А. Ананьев предлагает более узкое определение, сосредоточенное на материальном носителе информации. Он акцентирует внимание на физическом аспекте, подчеркивая, что электронные доказательства должны иметь свойства воспроизведения и храниться на определенных, т.е. конкретных устройствах, таких как USB-накопители или жесткие диски. Таким образом, различия в трактовке понятия «электронные доказательства» подчеркивают его многогранность и сложность. Это может привести к трудностям в правоприменении и интерпретации электронных доказательств в судебной практике.

Для принятия судом электронных доказательств и признании их допустимыми, исследовании при вынесении решения по конкретному спору о праве, суду необходимо учитывать их признаки. Отсюда возникает вопрос, какими способами необходимо удостоверить и подтвердить подлинность данных доказательств в суд. Спецификой электронных доказательств выступает их непосредственная форма и предоставление на электронных носителях, таких как флеш-карта или диск. Таким образом, файл, являясь основной формой электронного документа, подчеркивает материальные начала и при этом учитывает его нематериальные свойства, к которым можно отнести его перемещение по каналам связи. Законодатель прямо не устанавливает, в каких именно формах должны быть представлены электронные доказательства, их перечень является открытым.

Важно отметить различие между понятиями электронных доказательств и понятиями «электронный документ», «сведения, полученные из электронных источников». Спецификой электронного документа выступает его

непосредственная форма и процесс предоставления последнего на электронных носителях. Понятие электронного документа закреплено в Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а именно п.11.1 ст.2 которой гласит «электронный документ» – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [2].

Доктринально установлено, что к электронным доказательствам относятся электронные документы, электронные отчеты поисковых систем, позволяющие отразить информацию с интернет-ресурсов публичных органов власти и организаций, размещенных в открытом доступе, электронные сообщения, смс и ммс-сообщения с детализацией телефонных звонков, цифровые аудио и видеозаписи, фотоизображения, цифровой отпечаток сайта или фингерпринт.

Выделяя преимущества электронных доказательств, можно отметить, что последние позволяют упростить процедуру предоставления документов в суд, поскольку на небольшом по физическому объему носителе представляется возможным хранить большой объем информации, что позволяет сокращать затраты и издержки на печать, перемещение и хранение приобщённых материалов. В случае потери электронных документов, находящихся на электронных носителях, возможно их восстановление с помощью специализированных компьютерных программ, а также создание необходимого количества резервных копий, хранящихся на электронном облаке в целях сохранности от уничтожения электронных материалов.

Также следует отметить, что немаловажным достоинством выступает скорость обработки электронных доказательств, которые, как правило, быстрее предоставляются в суд, что упрощает доступ к ним как для сторон процесса, которым необходимо заранее подготовить правовую позицию, а также для судей, что способствует более своевременной подготовке к судебному заседанию, а равнозначно своевременному рассмотрению гражданских дел. На данный момент огромное количество материалов предоставляется в суды общей юрисдикции посредством направления их через государственную автоматизированную систему «Правосудие», которая позволяет предоставлять документы и доказательства в электронном виде из любого региона страны. Создание и последующее применение указанной системы позволяет оптимизировать процессы судебного производства в силу повышения уровня доступности и качества правосудия посредством сохранения и учета регистрируемых судом материалов и документов.

Так, например, 6 февраля 2024 года прошла встреча президента России Владимира Путина и бывшим Председателем Верховного Суда Вячеславом

Лебедевым, где обсуждались вопросы использования Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Основное внимание в интервью уделяется внедрению цифровых технологий в судебную систему, что подразумевает использование ГАС «Правосудие» как важного инструмента для повышения доступности и эффективности судебных процессов. По имеющимся данным, система направлена на оптимизацию процессов работы судов, улучшение обмена информацией между судебными инстанциями и упрощение взаимодействия граждан с судебной системой. Согласно статистическим исследованиям, оглашенным в ходе интервью, за 2023 год зарегистрировано около 11 миллиардов обращений пользователей в суд посредством использования государственной автоматизированной системы – ГАС «Правосудие» [6].

В качестве следующего немаловажного преимущества можно выделить то, что электронные доказательства, представленные на цифровом носителе, способны более понятно и эффективно отражать содержимое доказательства, поскольку цифровая информация на электронном источнике характеризуется большей степенью наглядности, скоростью передачи и фиксации, поэтому доказательства могут быть более наглядными для суда, когда представлены в электронном виде. Стороны также часто прибегают к возможности доказывания своей правовой позиции при помощи использования аудио или видеозаписей, записи телефонных переговоров, видеозаписей с камер видеонаблюдения и видеорегистраторов. Однако, Верховный суд Российской Федерации определил, что аудио- и видеозаписи отнесены ГПК РФ к самостоятельным средствам доказывания. Анализируя судебную практику, можно отметить, что в случае предоставления в суд исчерпывающих сведения о том, когда, кем, с какого устройства были осуществлены аудиозаписи, а вторая сторона не оспаривала их достоверность и подтвердила факт телефонных переговоров, суд принимает данное доказательство как допустимое. В целях уяснения содержащихся в аудиозаписи и видеозаписи сведений судом также может быть назначена судебная фоноскопическая экспертиза, являющаяся одним из эффективных средств для проверки достоверности фонограмм. При этом, методики проявления признаков монтажа, перезаписи, следов оцифровки фонограмм и других диагностических значимых признаков записи постоянно совершенствуются.

Характеризуя же правовую природу проблем применения электронных доказательств, стоит, в первую очередь, отметить недостаточность нормативно-правовой базы, регулирующей использование электронных доказательств, поскольку отсутствуют специальные нормы оценки допустимости и достоверности электронных доказательств.

Важным аспектом является сложность сбора и последующей аутентификации предоставляемых в суд доказательств, более того определенная процессуальная сложность в установлении подлинности

электронных документов и данных без проведения по делу судебной экспертизы, ввиду того, что существуют программы, позволяющие видоизменять и редактировать электронные документы, фотоизображения, электронные сообщения и телеграммы, голосовые сообщения, что грозит подделыванием электронных доказательств, установление подлинности которых без применения специальных знаний окажется невозможным. Однако, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 в случае направления в суд электронных образов доказательств суд после возбуждения производства по делу может потребовать представления подлинников данных доказательств [3]. В связи с чем, у стороны, ссылающейся на данные доказательства, может возникнуть необходимость приобщения к материалам дела электронного носителя, например, телефона, видеорегистратора, которые будут являться первоисточником создания аудио или видеозаписи. При предоставлении такого рода доказательств в качестве обоснования своих требований или возражений одной из участников судебного разбирательства, вторая сторона процесса может оспаривать достоверность таких доказательств, ходатайствовать о проведении по делу судебной экспертизы, ссылаясь на возможность их изменения или подделки, особенно в случаях отсутствия специализированных методов удостоверения электронных доказательств, например, цифровых подписей, сертификатов, которые позволяют облегчить процесс проверки подлинности электронных доказательств, что затягивает судебное разбирательство и, как правило, нарушает разумные сроки рассмотрения гражданских дел.

В настоящее время, для обеспечения достоверности электронных документов и электронной переписки используется практика удостоверения их нотариусом. Нотариальное заверение подразумевает, что нотариус удостоверяет, что документ действительно существует и был создан в определенное время. Это дает дополнительную уверенность в том, что представленные доказательства не были подделаны или изменены. Когда нотариус удостоверяет электронные материалы, они становятся юридически значимыми документами, которые могут быть представлены в суд на бумажном носителе и использоваться в дальнейшем в качестве допустимых доказательств по делу.

Одной из немаловажных рассматриваемых проблем является недостаточность оборудования залов судебного заседания судов общей юрисдикции техническими средствами для обозревания предоставленных электронных доказательств, а также ограниченность в технических средствах аппарата суда для извлечения, хранения и анализа электронных доказательств, более того устаревание технологий и форматирования данных может создать трудности в доступе к доказательствам в будущем. Однако, сейчас все чаще используются электронные носители для предоставления информации не

только участниками процесса, но и в порядке осуществления межведомственного взаимодействия при предоставлении запрашиваемой судом информации.

Перечисленные проблемы и открытые вопросы при изучении проблематики аспекта применения электронных доказательств требуют внимания со стороны законодателей, судей и практикующих юристов, способных сформировать правила доказывания в отношении цифровых доказательств, которые будут закреплять и регламентировать процессы собирания, исследования и оценки электронных доказательств.

Существует откровенная разница в подходах разных судов к вопросам допустимости и оценки значения электронных доказательств. Некоторые проблемы возникают при подаче в суд смс-сообщений, представленных в виде скриншотов переписки, а также сообщений, направляемых с помощью различных существующих мессенджеров, которые достаточно давно стали неотъемлемой частью повседневной жизни граждан.

Анализ судебной практики по данному вопросу показывает, что она имеет неоднозначный характер. В качестве примера можно рассмотреть решение Останкинского районного суда города Москвы от 14 апреля 2023 года по делу N 2-264/2023, в тексте которого усматривается, что в качестве доказательств сторона истцов предоставила переписку в мессенджере WhatsApp между истцом Д.Н. и ответчиками, из которой стало очевидно, что ответчики не проживают в указанной квартире, а истцы не препятствуют им в пользовании этим жилым помещением. Суд, проанализировав все собранные доказательства в совокупности, пришел к выводу о том, что ответчики на протяжении длительного времени не используют спорное жилое помещение, не испытывают в нём необходимости, не предпринимали попыток вселения, не осуществляли оплату жилищно-коммунальных услуг и не принимали участия в содержании и ремонте квартиры [7]. Таким образом, можно отметить, как судебные органы могут основывать свои доводы на изучении электронных доказательств, принимать решения, изучая обстоятельства дела. Важно отметить, что судебные решения основываются и подчеркивают необходимость тщательного, подробного анализа всех материалов и доказательств, представленных сторонами, в том числе в электронном виде в совокупности для определения законного решения.

Решение Промышленного районного суда города Смоленска от 15 августа 2023 года по делу N 2-2824/2023 освещает противоположный подход к рассмотрению и оценке электронных доказательств со стороны участников процесса. В данном деле истец предъявила иск к ответчику о взыскании денежных средств, ссылаясь на условия, установленные при передаче ему кредитной карты. Между сторонами был установлен устный договор, согласно которому ответчик получал право пользоваться кредитной картой с обязательством по погашению долга и процентов. В обоснование своих

возражений ответчик К. в материалы дела приобщил фрагменты переписки, однако судом определено, что они не могут быть приняты в качестве допустимых доказательств по делу, поскольку не содержат сведений об источнике данных, не указывают на принадлежность сообщений тому или иному лицу, не отображают номера телефонов, не содержат каких-либо идентифицирующих признаков. В результате, суд пришёл к выводу о наличии задолженности со стороны ответчика и его ответственности за неисполнение обязательств, что и послужило основой для удовлетворения иска истца [8].

Таким образом, с развитием компьютерных технологий и информатизации общества, электронные документы являются неотъемлемой частью нашей жизни. Изучив судебную практику, можно сделать вывод, что суды все чаще сталкиваются с проблемой принятия и исследования электронных доказательств. Отсутствие четких правовых норм, регулирующих порядок обращения с электронными доказательствами, приводит к неопределенности и затрудняет процесс их исследования. Главная проблема заключается в отсутствии единых критериев допустимости электронных доказательств. Суды часто сталкиваются с вопросами аутентичности, целостности и достоверности электронных доказательств и доказательств, полученных с помощью технических средств, что приводит к сложившейся противоречивой судебной практике.

Для возможности надлежащего применения электронного доказательства в гражданском процессе и исключения неоднородности толкования необходимо устранить существующие пробелы в праве. Решение сформировавшейся проблемы требует комплексного подхода путём внесения изменений в законодательство, повышения уровня профессиональной подготовки специалистов судебной системы, закрепления, урегулирования и определения критериев допустимости электронных доказательств со стороны законодателя, в силу необходимости принятия новых и совершенствования существующих норм, регулирующих применение данного вида доказательств.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002, N 46, ст. 453.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов

общей юрисдикции и арбитражных судов»/ СПС Консультант Плюс (дата обращения: 01.02.2025).

4. Ананьев, Д. А. Соотношение понятий «электронное доказательство» и «сведения, полученные из электронных источников» / Д. А. Ананьев // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 17–18 ноября 2022 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2022. – С. 800-805.
5. Борискина Н.И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук. М., 2020. 178 с.
6. Встреча с Председателем Верховного Суда Вячеславом Лебедевым [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73390> (дата обращения: 15.02.2025).
7. Решение Останкинского районного суда города Москвы от 14 апреля 2023 года по делу N 2-264/2023 - [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/cases/docs/content/bf1d2d60-f925-11ed-8798-1f26e0719aca>.
8. Решение Промышленного районного суда города Смоленска от 15 августа 2023 года по делу N 2-2824/2023 – официальный сайт: Промышленный районный суд г. Смоленска [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://prom--sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=196106569&case_uid=2d21395f-1321-411e-a260-8b56780eb65b&delo_id=1540005 (дата обращения: 14.02.2025).

Поспелов Александр Алексеевич
студент 2 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

Федоров Дмитрий Сергеевич
студент 2 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ И ИХ ПРАВОВОЙ СТАТУС В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ¹

Pospelov Alexander Alekseevich,
2nd year student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia
Fedorov Dmitry Sergeevich
2nd year student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

DIGITAL ASSETS AND THEIR LEGAL STATUS IN CIVIL LAW

Аннотация. В данной научной работе рассматриваются цифровые активы и их правовой статус в контексте гражданского права. С учетом стремительного развития технологий и роста популярности криптовалют, токенов и других цифровых активов, возникает необходимость в четком правовом регулировании этих объектов. Работа анализирует существующие подходы к определению цифровых активов, их классификации и правовым режимам, а также исследует проблемы, связанные с их оборотом и защитой прав владельцев.

Abstract. This scientific paper examines digital assets and their legal status in the context of civil law. Given the rapid development of technology and the growing popularity of cryptocurrencies, toxins and other digital assets, there is a need for clear legal regulation of these facilities. The work analyzes existing approaches to the

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна

definition of digital assets, their classification and legal regime, as well as explores the problems associated with their turnover and the protection of the rights of owners.

Ключевые слова: Цифровой актив (ЦА), криптовалюта, токены, NFT (невзаимозаменяемые токены), цифровые финансовые активы (ЦФА), блокчейн, регулирование, гражданское право, анонимность, судебная практика.

Key words: Digital asset (DA), cryptocurrency, tokens, NFT (non-fungible tokens), digital financial assets (DFA), blockchain, regulation, civil law, anonymity, judicial practice.

«Цифровой актив (далее по тексту – ЦА) — это виртуальный объект гражданского оборота, обладающий реальной финансовой стоимостью и обращающийся в распределенном реестре в виде уникального идентификатора» [7]. Цифровой актив, как и иная форма собственности в гражданском праве обладает рядом ключевых признаков: цифровая форма (существование данных на электронных носителях), уникальность (возможность идентификации актива (например, через хэш или цифровой код)), оборотоспособность, отсутствие единого центра управления или контроля и наличие экономической или иной полезности для ее владельца.

Цифровые активы могут проявляться в различных формах.

Криптовалюта (Bitcoin, Ethereum) – цифровые активы, используемые в качестве средства платежа или накопления;

Токены – цифровые единицы, выполняющие ряд функций: утилитарные, инвестиционные, стейблкоины;

NFT (невзаимозаменяемые токены) – уникальные цифровые активы, которые используются для подтверждения права на владение цифровыми объектами (искусство, коллекционные предметы, виртуальная недвижимость и др.);

Цифровые финансовые активы (ЦФА) – цифровые права, включающие обязательства и иные требования.

В отличие от классических объектов гражданских правоотношений цифровые активы являются новым явлением в гражданском праве и обладают рядом особенностей. Во-первых, цифровые активы существуют исключительно в электронной форме и не имеют физического воплощения, их передача и хранение осуществляется через цифровые платформы и сети, в то время как традиционные объекты гражданского права имеют материальную форму или документарное выражение. Во-вторых, большинство ЦА исключают необходимость участия централизованных органов или посредников. В-третьих, ЦА не привязаны к юрисдикции конкретного государства, а также позволяют участникам оборота сохранять анонимность или использовать псевдонимы. В свою очередь, классические объекты гражданского оборота регулируются, централизованными институтами, что

обеспечивает стабильность, но ограничивает свободу участников. В-четвертых, ЦА подвержены значительным колебаниям стоимости, создавая риски для участников, а традиционные объекты, наоборот, более стабильны, особенно если подкреплены государственными гарантиями или материальными активами. В-пятых, цифровые активы не всегда легко классифицировать в рамках существующих категорий гражданских прав. В-шестых, ввиду отсутствия централизованного реестра владельцев таких активов, а равно и их утраты создают риски для защиты прав собственности. Традиционные же, в свою очередь, имеют четкий правовой статус и защищаются законодательством. В-седьмых, особенности оборота цифровых активов требуют разработки специальных подходов к их налогообложению и бухгалтерскому учету.

Вопросы регулирования цифровых активов в разных странах относятся к ведению национальных законов, подзаконных актов и международных стандартов. В Российской Федерации регулирование ЦА затрагивает статья 128 ГК РФ, согласно которой цифровые права признаются объектами гражданского права. Статья 141.1 ГК РФ дает определение цифровым правам и трактует порядок их обращения [1]. Центральный банк России непосредственно влияет на деятельность операторов цифровых платформ, устанавливает требования к AML (противодействие отмыванию денег) и KYC (идентификация клиентов). При совершении операций с криптовалютой необходимо соблюдать AML-правила, о чем говорится в ФЗ №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3]. Также, не менее важную роль в регулировании ЦА выполняет ФЗ №259-ФЗ «О цифровых и финансовых активах, цифровой валюте» (вступил в силу 1 января 2021 года). Закон определяет цифровые финансовые активы и цифровую валюту, устанавливает правила выпуска, обращения и учета ЦА и запрещает использование криптовалют как средства платежа на территории РФ [4].

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то можно заметить, что подходы в регулировании цифровых активов варьируются от строгого регулирования до полного запрета. Так, ЦА в США контролируются рядом нормативных актов: закон о ценных бумагах 1933 г., закон о биржах 1934 г., закон о банковской тайне, руководство SEC (Комиссия по ценным бумагам и биржам), руководство CFTC (Комиссия по торговле товарными фьючерсами). А в Китае, наоборот, цифровые активы в виде криптовалют, включая майнинг и торговлю, запрещены законом с 2021 года. Однако под надзором Народного банка Китая развивается цифровой юань, который можно использовать как законное средство платежа.

Правовое регулирование ЦА в гражданском праве имеет свою уникальную природу, технологическую сложность и отсутствие единого международного подхода, в связи с чем, сталкивается с рядом проблем. Одна

из таких заключается в том, что при взаимодействии с цифровыми активами имеют место вопросы по защите персональных данных, обработка которых требует соблюдения законодательства об их защите. Вторая проблема заключается в отсутствии единого международного регулирования и, тем самым, затрудняется осуществление трансграничных операций. Третья проблема – это вопросы защиты прав владельцев ЦА. В случаях взлома или мошеннических атак восстановление утраченных активов составляет определенные трудности из-за анонимности и отсутствия контроля. Четвертая – заключение сделок с ЦА требует применения специальных технологий, что не всегда совместимо с классическими нормами гражданского права. Еще одной, не менее важной проблемой является наследование цифровых активов. ЦА хранятся на криптокошельках, но они могут быть утеряны в случае смерти владельца, если у наследников будет отсутствовать доступ к приватным ключам. Также ЦА не всегда, а иногда и вовсе не классифицируются в законодательстве. Это обусловливается способностью цифровых активов выполнять различные функции, например: платежное средство, инвестиционный инструмент или утилитарный токен. В некоторых странах они могут быть отнесены к ценным бумагам, имуществу, товарам или средствам платежа.

В условиях нормативной неопределенности ключевую роль играет судебная практика, которая становится главным источником к формированию правовых основ по регулированию цифровых активов. Так, впервые, в 2018 году Девятый арбитражный апелляционный суд признал цифровую валюту имуществом, которое не может быть исключено из конкурсной массы должника при банкротстве. В 2023 году Верховный суд Российской Федерации признал, что перевод криптовалюты, заработанной преступным путем, в рубли можно приравнять к отмыванию денежных средств, что карается по статье 174 УК РФ [5], [2].

В 2020 году было рассмотрено дело, связанное с возвратом токенов истцу – товариществу «Краудвиз». В ходе разбирательства суд постановил, что ответчик не обязан возвращать криптовалюту истцу, так как он (истец) не смог доказать факт незаконного удержания цифрового актива, а именно: не предоставил первичных документов, подтверждающих его право на активы. Требование о возврате криптовалюты на цифровые кошельки контрибьюторов не предусмотрено законодательством РФ и не является законным способом защиты права (статья 12 ГК РФ) [1]. Также суд обратил внимание на то, что в законодательстве РФ нет определения понятию «криптовалюта», но тем не менее апелляционный суд квалифицировал криптовалюту как иное имущество в соответствии со статьей 128 ГК РФ [1], [6].

На основании приведенных выше примеров можно сделать вывод о том, что в законодательстве Российской Федерации нет четкой правовой регламентации ЦА, что требует развития гражданского законодательства в

этом направлении. Поэтому для создания устойчивой правовой базы необходимо внести ряд изменений и нововведений в регулирование сферы цифровых активов. Такая законотворческая деятельность будет способствовать прогрессу в разрешении проблем по вопросам криптовалюты и прочих ЦА, а также защиты прав участников правоотношений. Для этого необходимо:

Дать конкретное определение и классификацию всем видам цифровых активов как объектам гражданских прав, введя эти положения в ГК и иные НПА;

Ввести обязательное лицензирование криптобирж и платформ-обменников цифровых активов;

Установить требования для операторов платформ по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма;

Создать стандарты для отчетности по операциям с ЦА, включая автоматизированное взаимодействие с криптобиржами и кошельками;

Определить стандарты по энергозатратам и экологической безопасности для майнинговых ферм, ввести обязательную регистрацию и уплату налогов;

Учредить специализированный орган на базе правительства для контроля за рынком правовых активов;

Ввести обучающие курсы и семинары по блокчейну и цифровым активам в образовательные программы высших учебных заведений.

Цифровые активы, включая такие элементы, как криптовалюты, токены и NFT, приобрели значимую роль в современной цифровой экономике. Их стремительное развитие и широкое применение в различных сферах жизни выявили серьезные недостатки в правовом регулировании, что создает преграды как для участников рынка, так и для правоприменителей. В ходе исследования были выделены ключевые проблемы, которые касаются определения правового статуса цифровых активов, их классификации, вопросов налогообложения, защиты интересов инвесторов и регулирования транзакций с использованием блокчейн-технологий.

В ходе анализа уже действующего законодательства и судебной практики, отчетливо видно, что в настоящее время цифровые активы конкретно выраженного правового статуса в гражданском праве не имеют. Данный аспект сводится к неоднозначности в квалификации активов, трудностям по защите прав владельцев и отсутствию единого подхода к регулированию их оборота. На данный момент суды вынуждены самостоятельно определять правовую природу цифровых активов, что зачастую приводит к противоречивым решениям.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.01.2006) // СЗ РФ. – 1994. – №32. – ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – ст. 2954.
3. Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. – 2001. – №33 (часть I). – ст. 3418.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – №31 (часть I). – ст. 5018.
5. Верховный суд впервые признал перевод биткоинов в рубли отмыванием средств // RGRU. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2023/06/28/verhovnyj-sud-vpervye-priznal-perevod-bitkoinov-v-rubli-otmyvaniem-redstv.html?ysclid=m7arnh3ly243994470>. (дата обращения:20.02.2025) — Текст : электронный.
6. Постановление суда от 4 февраля 2020 г. по делу № А40-164942/2019 / [Электронный ресурс]. - Режим доступа Sudact. – <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEeAUUpDR1666/?ysclid=m7av5yhoh2152972201>. (Дата обращения. 23.02.2025) — Текст: электронный.
7. Навальный, А. А. Понятие и виды цифровых активов / А. А. Навальный, Е. В. Алексеева. — Текст
8. : непосредственный // Новый юридический вестник. – 2021. – № 4 (28). – С. 10-12.

Петрова Полина Игоревна
магистрант 1 курса заочной формы обучения,
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
г. Смоленск, Россия

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ БЕЗ СОГЛАСИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА¹

Petrova Polina Igorevna,
1st year Master's student correspondence course
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Smolensk State University»,
Smolensk, Russia

CHALLENGING TRANSACTIONS MADE WITHOUT CONSENT: THEORY AND PRACTICE

Аннотация. В данной статье анализируются правовые аспекты оспаривания сделок, совершенных без согласия. Особое внимание уделяется нормативно-правовым актам, регулирующим данную сферу правоотношений, а также судебной практике, в которой выявлены ключевые проблемы и вероятные пути их решения. Основная цель исследования заключается в анализе условий, при которых сделка может быть признана недействительной, а также в изучении последствий для сторон, участвующих в сделке.

Abstract. This article analyzes the legal aspects of challenging transactions made without consent. Special attention is paid to regulatory legal acts regulating this area of legal relations, as well as judicial practice, which identifies key problems and possible solutions. The main purpose of the study is to analyze the conditions under which a transaction can be declared invalid, as well as to study the consequences for the parties involved in the transaction.

Ключевые слова: оспаривание сделок, недействительные сделки, согласие супруга, согласие органа юридического лица, крупные сделки, сделки с заинтересованностью.

Key words: contesting transactions, invalid transactions, consent of the spouse, consent of the body of the legal entity, major transactions, related party transactions.

Согласие в гражданском праве играет ключевую роль в процессе заключения сделок. Оно призвано защитить права и законные интересы

¹Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Сирик Наталия Валерьевна.

третьих лиц, органов юридического лица или государственных органов либо органов местного самоуправления. Судебная практика по гражданско-правовым спорам изобилует ситуациями, когда заинтересованные лица оспаривают такие сделки, что делает изучение данного вопроса теоретически значимым и практически востребованным.

Выбранная тема актуальна в современных реалиях, поскольку обусловлена распространенностью случаев заключения сделок без соблюдения обязательных законодательных требований о согласии, возникающими конфликтами вокруг таких сделок и отсутствием единой судебной практики. Анализ указанной проблемы позволяет обеспечить правовую определенность и стабильность в гражданских правоотношениях. Несмотря на наличие нормативной базы, регламентирующей порядок получения согласия, судебная практика демонстрирует разнообразие позиций судов относительно последствий нарушения указанных правил.

Главная задача настоящей статьи - систематизация и обобщение существующих подходов, направленных на выявление критериев оценки действительности сделок, совершённых без обязательного предварительного одобрения. Цель данного исследования заключается в определении критериев законности таких сделок и в предложении потенциальных путей устранения противоречий в толковании законодательства.

В соответствии со статьей 173.1 Гражданского Кодекса РФ, «сделка, совершенная без обязательного согласия, предусмотренного законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она недействительна или не влечет правовых последствий для лица, уполномоченного давать согласие, при отсутствии такового» [1]. Лица, являющиеся сторонами в сделке, с точки зрения принадлежащих им прав имеют возможность заключить соглашение с третьими лицами, чье согласие является обязательным для осуществления данной сделки. В этом соглашении могут быть прописаны даже последствия, которые наступят в будущем в случае отсутствия такого согласия, что позволяет заранее установить ясные условия и избежать возможных споров в будущем.

Кроме того, согласно положениям, четко сформулированным в Гражданском кодексе – сделка, обладающая признаками фиктивности, т.е. подлежащая признанию судом оспоримой должна быть признана недействительной в случае, если будет установлено, что одна из сторон либо знала о недостатке согласия, либо должна была знать об этом в силу сложившихся обстоятельств.

Сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица, государственного органа или органа местного самоуправления, признается недействительной по иску такого лица либо иных лиц, установленных законом. Следует рассмотреть каждый вид согласия и выявить их проблематику.

При государственной регистрации сделки одной из основных проблем является отсутствие согласия супруга на осуществление сделки в правоприменительной практике. Тут важно отметить, что именно письменная форма согласия признается допустимой, воля, выраженная в устной форме, считается не соответствующей нормам законодательства. Согласно статье 35 Семейного Кодекса РФ, «при распоряжении общим имуществом одним из супругов предполагается наличие согласия другого супруга [2]». Такое согласие должно быть нотариально удостоверено, если права на имущество подлежат государственной регистрации или же сама сделка требует соблюдения нотариальной формы. В случае если согласие не было получено, супруг вправе признать сделку недействительной в судебном порядке в течение одного года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки.

Раздел совместно нажитого имущества после развода – процесс, часто сопровождаемый сложностями и спорами. Одним из наиболее острых вопросов является необходимость получения согласия бывшего супруга на отчуждение этого имущества. Законодательство здесь неоднозначно, что порождает множество судебных разбирательств и конфликтов. Статья 35 Семейного Кодекса РФ регламентирует режим совместной собственности супругов, но не определяет порядок распоряжения этим имуществом после расторжения брака. Отсюда и возникает распространенное заблуждение, что согласие бывшего супруга не требуется. После развода правовой режим совместно нажитого имущества переходит в сферу регулирования гражданского законодательства, а именно статьи 253 Гражданского кодекса РФ, из содержания которой следует, что отчуждение доли в имуществе без согласия другого сособственника невозможно. Следуя положениям Определения Верховного суда от 2 июня 2015 г. № 5-КГ15-47, необходимо отметить, что «режим совместной собственности после расторжения брака не изменяется, а потому в случае отчуждения совместно нажитого имущества бывший супруг, который не давал согласие на заключение соответствующей сделки, вправе получить денежную компенсацию равную его доле в отчужденном имуществе, что предполагается надлежащим способом защиты его права в случае оспаривания сделки» [3].

Еще одним важным нюансом при заключении сделок является получение согласия органа опеки и попечительства на распоряжение имуществом несовершеннолетнего. Органы опеки и попечительства играют ключевую роль в системе защиты прав и законных интересов несовершеннолетних граждан в России. Эти государственные структуры, действующие на уровне субъектов Российской Федерации или местного самоуправления, созданы для обеспечения контроля за соблюдением прав и интересов детей. Одной из главных задач органов опеки является контроль за сделками, касающимися имущества несовершеннолетних. Это включает в себя продажи, дарения,

аренду и другие виды отчуждения. Органы должны удостовериться, что такие сделки не ущемляют интересы детей и совершаются с соблюдением всех необходимых юридических процедур. Нарушение установленного законом механизма контроля за сделками с имуществом несовершеннолетних может иметь серьезные последствия.

Продажа, дарение или иные сделки с недвижимостью, принадлежащей несовершеннолетнему, сопряжены с рядом юридических нюансов. Ключевое требование – получение предварительного согласия органов опеки и попечительства. Несоблюдение этого условия может привести к признанию сделки недействительной и повлечь за собой серьезные последствия. Письмо Министерства Юстиции РФ от 1 ноября 2023 г. № 09/128988-ЕА однозначно указывает: «сделка, заключенная без согласия органов опеки и попечительства, может быть оспорена в судебном порядке на основании статьи 173.1 Гражданского Кодекса РФ» [4]. Важно подчеркнуть, что данная статья является специальной нормой, превалирующей над общими положениями статьи 168 ГК РФ. Это подтверждается не только письмом Минюста, но и письмом Министерства просвещения России от 9 ноября 2020 г. № ДГ-2035/07, в котором «регламентируется признание сделки, совершенной без согласия органов опеки и попечительства, недействительной согласно специальным основаниям ст. 173.1 ГК РФ» [5]. Однако, простое наличие согласия органов опеки не гарантирует безусловной законности сделки.

Судебная практика показывает, что органы опеки чаще всего одобряют сделки с жильем несовершеннолетних, если, например, взамен приобретается равноценное жилье или средства, вырученные с продажи имущества, направляются на специальный счет ребенка. Критерии оценки «равнозначности» недвижимости нередко становятся предметом судебного разбирательства, требующего экспертной оценки. В некоторых случаях согласие может быть выдано при условии приобретения нового жилья позже, что позволяет избежать временного отсутствия жилья у несовершеннолетнего. Средства от продажи важно хранить на отдельном счету с четкими условиями целевого расходования (например, на обучение или медицинские нужды).

Важно отметить, что приостановление государственной регистрации права собственности в отсутствие согласия органов опеки не является гарантией защиты прав несовершеннолетнего. Это лишь временная мера, которая не исключает возможности заключения сделки в обход установленного порядка и последующего оспаривания сделки в суде. Сделки с недвижимостью несовершеннолетних требуют предельной осторожности и строгого соблюдения всех юридических формальностей. Получение согласия органов опеки – это лишь первый шаг. Важно понимать условия, при которых такое согласие выдается, а также обеспечить их выполнение, что в противном случае может повлечь признание сделки недействительной.

Также стоит рассмотреть оспаривание сделок, требующих согласия органа юридического лица. Статья 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» устанавливает строгие правила совершения крупных сделок.

Крупные сделки обществ с ограниченной ответственностью, превышающие 25% активов, подлежат предварительному согласию компетентного органа юридического лица (например, совета директоров, общего собрания участников). Процедура согласования строго регламентирована законом и внутренними документами организации. По своим масштабам такие сделки могут быть связаны со значительными финансовыми рисками и влиять на юридическое положение фирмы. Несоблюдение процедур согласования ведет к возможности их оспаривания в суде. Основанием для оспаривания являются нарушения процедуры получения согласия, убытки обществу, притворность или злоупотребления руководством своими полномочиями.

В случае оспаривания крупной сделки, совершенной с нарушением порядка получения согласия на ее совершение, имеются свои нюансы. Так, например, согласно абзацу 6 пункта 4 статьи 79 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «Об акционерных обществах» «решение о согласии на совершение крупной сделки может содержать срок, в течение которого такое решение действительно» [6]. Однако, если срок не указан, то согласие считается действующим в течение одного года с даты его принятия, за исключением случаев, когда иной срок не вытекает из условий самой сделки, либо имели место определенные обстоятельства, в которых давалось согласие.

Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2020 г. по делу № А40-9303/2019 суд признал крупную сделку недействительной ввиду отсутствия согласия на ее совершение[8]. Срок действия согласия акционеров истек, статус сделки не был подтвержден продавцом, а покупателем, в свою очередь, не была запрошена балансовая стоимость передаваемого имущества. Осуществляя свои действия с необходимой осмотрительностью, как это требует добросовестное поведение в гражданском обороте, покупатель должен был усомниться в законности сделки, так как аналогичный договор уже имел место ранее, и по указанному вопросу существовало соответствующее решение, одобряющее сделку.

Пункт 1 статьи 45 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» регламентирует понятие сделок с заинтересованностью, то есть совершенных с личным интересом члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа общества или лица, являющегося контролирующим

лицом общества, либо лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания.

Согласно пункту 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», «в решении об одобрении сделки должны быть конкретизированы лица, являющиеся сторонами сделки, выгодоприобретателями, а также существенные условия сделки, имеющие существенное значения для принятия решения об одобрении, например, срок, цена, предмет» [9]. Точное исполнение установленных законодательных норм и учет всех деталей при подготовке решений об одобрении позволяют снизить юридические риски и защитить интересы всех участников сделки.

Так, например, в Постановлении Арбитражного Суда Московского округа от 9 августа 2017 года по делу № А40-182838/2016 суд признал сделку с заинтересованностью недействительной из-за фальсификации протокола общего собрания участников, представленного ответчиком [10]. Согласно материалам дела, которые приобщил и исследовал суд, а также пояснениям данным в судебном заседании сторонами, выяснилось, что протокол общего собрания содержал недостоверные сведения, кроме того, на сшивке данного протокола были обнаружены только две подписи: генерального директора и одного из участников общества, тогда как требовалась также подпись лица, председательствовавшего на данном собрании. Все вышеуказанные обстоятельства в совокупности и выявленные в ходе процесса недочеты явились основанием для принятия судом решения о признании сделки недействительной.

Следует отметить, что сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, не всегда требует обязательного предварительного согласия на ее совершение. Положения статьи 45 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» не применяются, например, к сделкам, совершаемым в рамках обычной хозяйственной деятельности общества, если обществом неоднократно в течение длительного времени заключались аналогичные сделки. Кроме того, данная норма не распространяется на отношения, возникающие при передаче обществу доли или части доли в его уставном капитале, а также на общества, где единственный участник одновременно является единоличным исполнительным органом.

Анализ условий оспаривания сделок, совершенных без надлежаще полученного согласия компетентного органа юридического лица, раскрывает необходимость защиты прав и законных интересов не только самого юридического лица, но и третьих лиц.

Когда сделка совершается без необходимого согласия, это создает возможные юридические последствия, возникают сложности, например, у

акционеров, заинтересованных сторон в связи с нестабильностью и законностью данной процедуры.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что оспаривание сделок по своей природе представляет собой правовой процесс, который позволяет выявить и устранить нарушения, связанные с недобросовестными действиями или нарушениями закона. Также были выявлены критерии оценки законности сделок, совершенных без согласия. Например, вид и форма согласия, характер и соответствие заключенной сделки нормам действующего законодательства. Представляется возможным классифицировать указанные критерии для уточнения ситуаций, когда согласие является обязательным элементом состава сделки, и когда такое согласие влечет лишь дополнительные правовые последствия, но не влияет на действительность сделки. В целях устранения противоречий в толковании законодательства возможна разработка отдельной концепции, согласно которой каждый случай должен быть рассмотрен с учетом характера объекта сделки, субъектов правоотношения, а также отдельных норм, регламентирующих получение согласия третьего лица, органа юридического лица, государственного органа или органа местного самоуправления.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г., № 32, ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 1, ст. 16.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.1998, № 7, ст. 785.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «Об акционерных обществах» // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 1.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // «Российская газета», N 145, 06.07.2018.
6. Определение Верховного суда от 2 июня 2015 г. № 5-КГ15-47 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», 2016, № 2.
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2020 г. по делу № А40-9303/2019– СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1821067#KNsFFdU6ZGwytnN7> (дата обращения: 17.02.2025).

8. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 09 августа 2017 г. по делу №А40-182838/2016– СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=274291#szLGFdUyGTRKpQdN1> (дата обращения: 17.02.2025).
9. Письмо Минпросвещения России от 9 ноября 2020 г. № ДГ-2035/07– СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398929/(дата обращения: 15.02.2025).
10. «Письмо» Росреестра от 10.06.2024 № 14-5286-ТГ/24По вопросу о последствиях непредставления для государственной регистрации прав предусмотренного п. 4 ст. 292 ГК РФ согласия органа опеки и попечительства» (вместе с «Письмом» Минюста России от 01.11.2023 N 09/128988-ЕА, «Письмом» Минпросвещения России от 27.10.2023 № АБ-4389/07 «О направлении информации»,
11. «Письмом» Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка от 13.03.2024 № А60-17-249)– СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]:URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479677/1c2de3088bf2a779c058e4196ddb9c3460f12067/(дата обращения: 15.02.2025).

Пузанова Дарья Алексеевна
магистрант 1 курса заочной формы обучения
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
г. Смоленск, Россия

АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ МНИМОСТИ И ПРИТВОРНОСТИ СДЕЛОК В РАМКАХ СУДЕБНЫХ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ¹

Puzanova Darya Alekseevna
1 st year master's student, correspondence course
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education «Smolensk State University»
Smolensk, Russia

ASPECTS OF IDENTIFYING THE SIGNS OF SHAM AND SHAM TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY COURT CASES: THEORY AND PRACTICE

Аннотация. в статье автором исследуются ключевые аспекты, связанные с выявлением в рамках дел о банкротстве, признаков фиктивности сделок должника. Особое внимание уделяется роли посредника в процедуре разрешения спора между сторонами – арбитражного управляющего как центральной и немаловажной фигуры в этом процессе. Автором выстраивается алгоритм и последовательность анализа сделок на предмет их фиктивности (мнимости и притворности). Актуальность темы исследования прослеживается в том, что на современном этапе выявления оспоримых сделок существует целый ряд негативных последствий, возникающих из-за укрытия действительного имущества и активов должника в рамках процедуры несостоятельности (банкротства).

Abstract. In the article, the author examines key aspects related to the identification of signs of fictitious debtor transactions in bankruptcy cases. Special attention is paid to the role of the mediator in the dispute resolution procedure between the parties – the arbitration administrator as a central and important figure in this process. The author builds an algorithm and sequence of analysis of transactions for their fictitiousness (imaginary and pretense). The relevance of the

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых наук, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Сирик Наталия Валерьевна

research topic can be traced to the fact that at the present stage of identifying disputed transactions, there are a number of negative consequences arising from the concealment of the debtor's real property and assets as part of the insolvency (bankruptcy) procedure.

Ключевые слова: оспаривание сделок, несостоятельность, мнимая сделка, притворная сделка, фиктивность сделок

Key words: contesting transactions, insolvency, imaginary transaction, fake transaction, fictitious transactions

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что с увеличением количества дел, связанных с введением в отношении физического лица одной из процедур, предусмотренных законодательством о несостоятельности «банкротстве», наблюдается и увеличение количества споров, касающихся оспаривания сделок, осуществляемых должниками в период предбанкротного состояния.

В первую очередь динамика, отраженная в статистическом отчете ЕФРСБ, свидетельствует о возросшей потребности в эффективном правовом регулировании вопросов признания сделок недействительными в рамках процедур несостоятельности. В данном случае, анализу представляется количество уведомлений об инициировании судом процедур в отношении физических лиц, включая признание гражданина банкротом и реализацию принадлежащего ему имущества. Данные показатели существенно увеличились с 278059 в 2022 году до 350788 в 2023 году [9]. Региональная статистика свидетельствует также о росте показателей в этой области. Например, в Смоленской области данный показатель составил 5,4% по отношению 2024 года к 2023 (2167 и 2283 соответственно в числовом показателе) [10].

Во-вторых, в контексте радикальной трансформации экономических отношений отечественное законодательство длительное время характеризовалось существенными ограничениями в механизмах оспаривания сделок, связанных с незаконным отчуждением имущества должником в преддверии вхождения в процедуру. Судебная практика создавала значительные препятствия для оспаривания сделок по «выводу активов», т.е. передачи имущества третьим лицам, поскольку определенные юридические действия не квалифицировались в качестве сделок. Более того, правоприменительная практика демонстрировала дефицит оснований для оспаривания убыточных для должника операций, особенно сделок с неэквивалентным встречным исполнением. Как следствие, многие дела о банкротстве завершались фактическим отсутствием удовлетворения требований кредиторов при одновременных существенных затратах на процедуру.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что несмотря на то, что государственная политика в сфере банкротства демонстрирует устойчивую тенденцию к последовательной модернизации нормативно-правовой базы с целью оптимизации механизмов защиты прав кредиторов и создания более прозрачных процедур несостоятельности, практика свидетельствует, что такие категории сделок как мнимые и притворные представляют наибольшую сложность в процессе судебного разбирательства. Необходима в данном случае возможность разработки общих рекомендаций для судей и арбитражных управляющих о том, как действовать «добросовестно и разумно» в интересах должника и кредитора, как правильнее подходить к анализу сделок и определению их законности.

Обозначенные аспекты обуславливают необходимость проведения комплексного научного исследования, направленного на изучение оспаривания сделок должника по мнимости и притворности.

Следует начать с того, что оспаривание подлежит анализу как по общим основаниям Гражданского кодекса РФ, так и по специальным основаниям и самыми распространенными типами сделок являются мнимые и притворные, которые имеют признаки фиктивности. Арбитражный управляющий, проводя тщательное исследование правовых сделок, совершенных должником до начала процедуры банкротства, должен подготовить обоснованное заключение о наличии или отсутствии оснований для оспаривания сделок (признаков фиктивности), что указано в «пункте 2 статьи 67 Федерального закона Российской Федерации от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) [2]».

Для того чтобы сформировать четкое представление об оспаривании сделок в процедуре банкротства, необходимо сначала детально разобраться, в сущности, ключевых понятий, таких как мнимая сделка и притворная сделка, совершенная должником. Как отмечает, Захарова О.Е., «Институт мнимых и притворных сделок основан на том, что у таких сделок отсутствует основание, поскольку стороны вовсе не стремятся к достижению того правового результата, который должен возникнуть в реальной действительности из данной сделки» [7, 164].

Обратимся к законодательному закреплению данных понятий.

Мнимая сделка, согласно пункту 1 статьи 170 Гражданского Кодекса Российской Федерации, представляет собой «сделку, где стороны формально, заблаговременно с определенным замыслом совершают действие без намерения потом осуществить предусмотренные законом правовые последствия [1]». Мнимую сделку часто совершают, чтобы на имущество должника не обратили взыскание, увести имущество из раздела. Мнимые сделки применяются для: сокрытия имущества от последующего взыскания; создания должником фиктивной задолженности для того, чтобы в будущем

перераспределить имущество; незаконного снижения задолженности перед ФНС, т.е. бремени по уплате налогов, пени.

Начало формы

Как правило регистрируется переход права собственности на недвижимость от продавца к покупателю. В большинстве своем регистрация формальна, поскольку «продавец продолжает контролировать проданное имущество» (п. 86 постановления Пленума Верховного суда от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса» [6].

При раскрытии признаков мнимых и притворных сделок Михайленко Е.М., отмечал следующее: «в зависимости от того, какой из элементов сделки оказался дефектным, недействительные сделки можно подразделить на четыре вида: с пороком воли, с пороком содержания, с пороком субъектного состава, с пороком формы» [8].

На основе этого положения представляется интересным рассмотреть точку зрения и последовательность действий финансового управляющего в ходе доказывания мнимой сделки, совершенной должником с пороком воли [5]. Так в ходе проведения мероприятий по розыску имущества должника, финансовым управляющим был направлен запрос в Управление ГИБДД УМВД России по Смоленской области о предоставлении актуальной информации об автотранспортных средствах, зарегистрированных на имя должника, а также о действиях, предпринятых в целях его распоряжения в дальнейшем с 2019 г., т.е. за три года до процедуры банкротства. Из полученного ответа финансовому управляющему стало известно, что с 2010 года по 2022 г. за супругом должника было зарегистрировано транспортное средство. Регистрация автомобиля за новым собственником произведена в марте 2022 г. на основании Договора купли-продажи.

В данном случае можно говорить о первом этапе в процессе выявления мнимости сделки – анализе соответствия сделки правовым характеристикам договора. Арбитражный управляющий осуществляет исследование первичных документов, предоставляемых должником в суд в процессе подачи искового заявления, а также инициирует запрос необходимых данных у государственных органов. Так, например, «финансовому управляющему нельзя отказать в информации о счетах и недвижимости супруги или бывшей супруги должника. Такие данные могут потребоваться для розыска активов должника. При этом права бывших супругов не будут нарушены, так как управляющий не может разглашать полученные им сведения [3]».

Этап 2 - важно установить, были ли сделки заключены в период, предшествующий обращению в суд, и как они соотносятся с данными о финансовом состоянии должника. Этот анализ поможет понять, каким образом воздействовали рассматриваемые сделки на платежеспособность и достаточность имущества.

В данном случае финансовым управляющим было установлено, что по состоянию на день совершения действия по отчуждению имущества у Должника имелись неисполненные и возникшие ранее обязательства перед кредиторами в размере более 200 тысяч рублей.

Этап 3 – это изучение арбитражным управляющим предпосылок заключения сделки, что включает в себя совокупность из нескольких действий: прослеживание связи между действиями должника, носящими формально-правовой характер, их необходимостью в условиях его неплатежеспособности, а также фактической возможностью выполнения сделки. В рамках данного этапа оспаривания производится оценка экономической целесообразности перехода права на имущество должника третьему лицу, реальной необходимости заключения сделки, а также исследуются истинные намерения сторон и цель, стоящая за договором. Ключевым аспектом при анализе становится установление факта – были ли удовлетворены интересы участников сделки, или она имела исключительно формальный характер, без реального исполнения обязательств?

Из доказательств, представленных в материалы дела следует, что согласно проверке, новый владелец автомобиля оформил страховой полис ОСАГО с ограничением. У финансового управляющего появились основания полагать, что действия по отчуждению вышеназванного автомобиля, совершены с целью вывода имущества и на самом деле должник продолжает пользоваться автомобилем. Был направлен запрос о предоставлении информации о наличии страхового полиса ОСАГО, КАСКО.

На указанный запрос поступил ответ, согласно которому в полис вписаны новый собственник, а также супруг должника. Таким образом, супруг должника фактически сохранил контроль над имуществом и продолжает пользоваться им. С учетом изложенного, финансовый управляющий должника посчитал, что договор купли-продажи, заключенный между супругом должника и ФИО является мнимым и соответственно ничтожным. Здесь можно говорить о причинно-следственном анализе фиктивных сделок на уровень платежеспособности должника. Финансовый управляющий четко сформулировал правовую позицию, которую он представит на обозрение суду, т.е. это исследование того, как такие сделки могут повлиять на финансовое состояние должника и почему должны быть оспорены.

Таким образом, можно выделить ключевые признаки, характерные для выявления мнимых сделок: отсутствие воли сторон (порок), что подразумевает неисполнение обязательств контрагентами; недобросовестность действий, где подписант и другая сторона соглашению преследуют неправомерные цели сделки, вопреки интересам кредиторов; формальное исполнение договора (в нашем случае договора купли-продажи транспортного средства). Внешне такая сделка выглядит законно, однако фактически обязательства не

исполняются, а условия не реализуются; отсутствие реальных правоотношений.

В свою очередь согласно п. 2 ст. 170 ГК РФ для притворной сделки арбитражный управляющий должен установить несколько фактов. Во-первых, важным аспектом является цель, а именно сокрытие другой сделки. Должник, осознавая свою неплатежеспособность или возможный риск неуплаты по кредитным обязательствам в будущем, может прибегать к различным схемам для маскировки своего реального финансового положения. Эти схемы нередко заключаются по поводу имущества, в которых фактическое намерение сторон не совпадает с заявленными ими в подписываемых документах условиями. Таким образом, сделка совершается на прочих условиях, с иным субъективным составом.

Во-вторых, сделка может быть признана судом недействительной из-за фиктивности (притворности) только в том случае, если стороны подразумевают наступление иных правовых последствий и скрывают истинные намерения. Обычно должники, стремящиеся вывести активы для не пополнения конкурсной массы, совершают ряд связанных между собой сделок. Это означает, что после совершения сделки и подписания договора могла быть совершена еще одна сделка и изъять имущество у конечного его покупателя (приобретателя) становится довольно сложно.

Какие обстоятельства исследует суд при рассмотрении требований?

1. Аффилированность. В первую очередь об этом свидетельствуют нетипичные условия заключаемого договора. Во-вторых, важно обратить внимание на поведение сторон, которые ввиду доверительных отношений могут искажать истинные мотивы своего поведения для того, чтобы скрыть и прикрываемую сделки.

2. Умысел, согласованная цель. Как правило между сделками проходит короткий промежуток, что свидетельствует о заинтересованности лиц и осведомленности стороны о финансовом положении должника.

3. Экономические мотивы сделки по продаже имущества. Часто в подобных соглашениях, стоимость имущества не соответствует рыночной, оно продано по заниженной цене, либо должником не приведены доводы быстрого отчуждения такого имущества.

Рассмотрим на примере аспекты выявления притворной сделки:

Так, например, в Определении Арбитражного суда Смоленской области от 31.01.2025 г. [4]. Основным предметом анализа финансового управляющего Потапова М.А. является определение законности и действительности цепочки при совершении нескольких сделок, касающихся продажи: земельного участка и находящегося на нем жилого дома, осуществленной должником. В данном случае перед судом ставился вопрос о признании данных сделок недействительными как притворных, с целью устранения последствий вывода ликвидного имущества из конкурсной массы должника.

Так, сделка, совершенная сторонами, основанная на цене 10 000 000, 00 рублей, подчеркивает наличие явной намеренности сторон, заключивших так называемые «промежуточные» сделки, в том, что они были призваны лишь создать видимость процесса. В данном случае применялся метод анализа, в частности, метод изолирования фактора – логический прием, призванный помочь в исключении ряда факторов для подчеркивания значимости одного или нескольких других. То есть, например, финансовый управляющий подготовил независимое положение о порядке реализации имущества должника, решение об оценке – альтернативные данные отчета о предполагаемой сумме расчета по требованиям кредитора исходя из пополнения конкурсной массы гражданина-должника без учета сомнительной сделки. В данном Определении доводы финансового управляющего помогли наглядно сравнить платёжеспособность должника при совершении фиктивной сделки.

Следовательно, совершая сделку гражданину необходимо тщательно удостовериться в законности действий лица, находящегося в предбанкротном состоянии, поскольку массовое оспаривание сделок должника создает значительную неуверенность у потенциальных контрагентов относительно целесообразности заключения с такими лицами каких-либо сделок.

Правовая природа института оспаривания сделок традиционно находилась в эпицентре научного дискурса. Несмотря на значительный исследовательский интерес и существующие теоретические разработки, практическая реализация механизмов оспаривания сделок должника в современных социально-экономических условиях сталкивается с комплексом нерешенных проблем и противоречий, которые негативно влияют на стабильность экономического оборота.

В первую очередь, это необходимость установления в процессе оценки и анализа имущества порочности воли должника: для квалификации сделки судом как ничтожной необходимо подтвердить незаинтересованность. Поскольку воля является внутренним состоянием субъекта, объективное установление ее характера представляет значительные сложности. Также важно доказать фиктивность правовой формы, ведь часто именно мнимая сделка имитирует законную деятельность, создавая иллюзию действительности заключенного соглашения. Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что законодательство не устанавливает четких критериев, позволяющих точно определить границы между допустимыми действиями и злоупотреблениями правом.

Таким образом, необходимо, по нашему мнению, включение наиболее четких критериев для процесса доказывания, установление более ясных и конкретных условий для оценки, предоставляемых сторонами в суд доказательств, в процессе оспаривания сделок должника. Разработка методических рекомендаций по сбору и представлению доказательств в суд.

Рассмотрев понятия сделок, в ходе исследования было установлено, что мнимая сделка отражает такое положение сторон, когда они не имеют истинного намерения выполнять принятые на себя обязательства, а притворная сделка – это ситуация, когда должник и третье лицо заключают определенную сделку, но на самом деле предполагается иная, не находящаяся с ней в системной взаимосвязи. В контексте участия арбитражного управляющего в процессе оспаривания сделок должника следует отметить, что его задача не только проверить документацию на предмет наличия мнимых и притворных сделок, но и восстановить справедливость в процессе распределения денежных средств конкурсной массы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ от 1994 г., № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
3. «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г.» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 6, июнь, 2023.
4. Определение Арбитражного суда Смоленской области от 31 января 2025 года по делу № А62-127/2023 – официальный сайт: «Картотека арбитражных дел» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9065cc9d-9244-4651-8bf5-42cc52d2f965> (дата обращения: 15.02.2025).
5. Определение Арбитражного суда Смоленской области от 11.04.2024 года по делу № А62-6385-5/2022– официальный сайт: «Картотека арбитражных дел» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/001c6aa3-e0e7-49d9-ba61-de9e33f2c52e/06322675-58e8-40a2-b8e3-263ff29f2288/A62-6385-2022_20240411_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.06.2025).
6. Постановление Пленума Верховного суда от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса» // «Российская газета», № 140, 30.06.2015.
7. Захарова, О. Е. «Обход закона», мнимые и притворные сделки: взаимосвязь и отличительные особенности / О. Е. Захарова // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 163-166.

8. Михайленко Е.М. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для среднего профессионального образования - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2023. 390 с.
9. Банкротство в России: статистические показатели за 2023 год – официальный сайт: «Федресурс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cse> (дата обращения: 01.06.2025).
10. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024 – официальный сайт: «Федресурс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185> (дата обращения: 01.06.2025).

Романенкова Лидия Владимировна
магистрант, 2 курс,
Смоленский государственный
университет, г. Смоленск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА НОУ-ХАУ¹

Romanenkova Lydia Vladimirovna
2nd years graduate student,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

SPECIFICITY OF CONTRACTUAL DISPOSAL OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO KNOW-HOW

Аннотация. В данной статье исследуется распоряжение исключительным правом на ноу-хау в порядке заключения соответствующих договоров. Проводится анализ законодательной и научной базы, а также судебной практики, на основе чего выделяются и рассматриваются общие специфичные черты распоряжения указанным правом в рамках договорных правоотношений, вызванные особенностью содержания ноу-хау. Выделяются

¹ Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Сирик Наталия Валериевна

возможные проблемные ситуации и определяются пути их разрешения, в том числе с учётом зарубежного опыта.

Abstract. This article examines the disposal of the exclusive right to know-how by way of conclusion of corresponding contracts. The analysis of the legislative and scientific base, as well as judicial practice, is carried out, on the basis of which the general specific features of the disposal of the exclusive right within the scope of contractual legal relations caused by the peculiarity of the know-how content are identified and considered. Possible problematic situations are highlighted and ways to resolve them are determined, including considering foreign experience.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, секрет производства, ноу-хау, исключительное право, распоряжение исключительным правом, защита конфиденциальной информации.

Key words: intellectual property, trade secret, know-how, exclusive right, disposal of exclusive right, protection of confidential information.

В рамках существующего экономического и правового развития общества ноу-хау, являясь средством обеспечения устойчивого конкурентного преимущества, экономической выгоды и развития инновационных технологий, стали неотъемлемой частью современного процесса производства. Согласно официальной статистике, представляемой Роспатентом, к 2023 году использование ноу-хау российскими юридическими лицами увеличилось в полтора раза (по сравнению с 2019 годом), а суммарное количество используемых ноу-хау в сравнении с другими результатами интеллектуальной деятельности (далее также – РИД) уступает лишь изобретениям и программам для ЭВМ [12, с.5-6]. Договорное распоряжение исключительным правом на ноу-хау, в свою очередь, приобретает особую значимость в условиях современной цифровой экономики.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью в российской цивилистике вопросов, связанных с особенностями распоряжения секретами производства в рамках договорных правоотношений. Несмотря на наличие общих норм в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), на практике договоры о предоставлении (передаче) исключительного права на ноу-хау сталкиваются с рядом трудностей.

Целью настоящего исследования являются комплексный анализ специфики договорного распоряжения исключительным правом на ноу-хау, выявление возникающих на её основе проблемных аспектов и определение возможных способов их разрешения. В рамках указанной цели ставятся задачи: проанализировать действующее гражданское законодательство и существующую практику арбитражных судов в разрезе вопроса распоряжения исключительным правом на ноу-хау; выявить особенности договоров, трудности в распоряжении, вытекающие из специфики самих ноу-хау; изучить

существующий в рамках рассматриваемого вопроса зарубежный опыт; обозначить возможные пути преодоления указанных трудностей, в том числе с помощью иностранных практик.

В основу методологии исследования положены формально-юридический, сравнительно-правовой методы.

Прежде всего, необходимо указать, что данное исследование не оспаривает факт законодательного закрепления в рамках действующего правового регулирования секрета производства – ноу-хау – в качестве РИД (статья 1465 ГК РФ) [2] и исходит из этого факта.

На ноу-хау, как и на любые другие РИД и приравненные к ним средства индивидуализации, действует исключительное, иначе говоря, имущественное, право. Однако ноу-хау является институтом специфичным, выделенным в отдельную 75 главу части IV ГК РФ. Некоторые особенности предметного содержания рассматриваемого института обуславливают и определённую специфику исключительного права. Это, в свою очередь, сказывается на распоряжении этим самым имущественным правом.

Из общих норм об исключительном праве известно, что исключительное право есть не что иное, как использование объекта интеллектуальных прав «любым непротиворечащим законом способом» [2]. Также любым «непротиворечащим закону и существу этого права способом» этим правом можно распоряжаться [2]. В настоящем исследовании ограничимся отчуждением или предоставлением (то есть, передачей) исключительного права на ноу-хау в рамках соответствующих договорных правоотношений.

При буквальном толковании главы 75 ГК РФ можно увидеть только два прямо названных видов договоров: договоры лицензионный и об отчуждении исключительного права [2]. При этом ограничиваться только этими двумя договорами будет в корне неправильно, ведь, как верно отмечает А.А. Серебряков, «данный подход не учитывает не только общих положений о распоряжении исключительными правами, но и положений об отдельных видах обязательств, а также иные нормы гражданского законодательства» [10, с.145]. Конечно, исключительное право, как право имущественное, может и стать предметом залога, и быть внесено в качестве вклада в уставной капитал юридического лица, и наследоваться.

По своей сути, распоряжение исключительным правом связано с его передачей от правообладателя к приобретателю либо в полном объёме (в частности, договор об отчуждении исключительного права), либо в пределах того объёма, который указан в договоре (например, исключительная или неисключительная лицензия, договор коммерческой концессии).

Независимо от того, на основании какого по своему правовому содержанию виде договора осуществляется передача исключительного права, в любом договоре, исходя из общих положений о заключении договора (статья 432 ГК РФ), существенным условием является его предмет [1]. В частности,

обратимся к положениям о лицензионном договоре в статье 1235 ГК РФ, которые определяют в качестве предмета такового «указания на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, право использования которых предоставляется по договору» [2].

При этом важно понимать, что РИД, хоть и являются объектами гражданского права нематериальными, «невещными», по своей сути обладают некой характеристикой, свойственной индивидуально-определённым вещам. Это, в свою очередь означает, что по договору о передаче исключительного права передаются права не на неопределённую группу абстрактных образов, а на конкретный, обладающий определёнными признаками РИД. На это обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, отмечая, что предмет такого рода договоров «должен быть индивидуализирован таким образом, чтобы позволять определить конкретный результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, в отношении права, на которые договор заключается» [4].

Проанализировав судебную практику различных судебных инстанций, можно увидеть, что нередким фактором возникновения споров из договоров о передаче ноу-хау является различные мнения сторон договора относительно того, обладают ли сведения, права на которые передаются, признаками охраноспособности в качестве ноу-хау.

Прежде всего, обратимся к законодательству. Согласно статье 1465 ГК РФ «секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путём введения режима коммерческой тайны» [2].

Из указанного в норме-дефиниции можно выделить, помимо самих сведений научно-технического или профессионального характера, ключевые признаки ноу-хау: во-первых, это конфиденциальность информации, а во-вторых, возможность получения потенциальной или реальной коммерческой выгоды, которая обусловлена этой конфиденциальностью.

Говоря о содержательности сведений, сразу следует отметить, что на практике при разрешении споров для судебных органов научный или организационный характер сведений обычно не имеет определяющего значения: как правило, судами признаются в качестве ноу-хау те сведения, которые стороны сами определили в качестве таковых (например, постановлением от 23 июня 2022 года по делу № А65-7428/2021 Суд по

интеллектуальным правам признал в качестве ноу-хау, в числе прочих, скрипты продаж, базу страховщиков, доступ к настроенной CRM-системе) [5].

Контрагенту важно разумно понимать и оценивать ноу-хау ввиду того, что его ценность может быть потенциальной. Коммерческая ценность ноу-хау вызывает интерес у лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, которая, ввиду её легального закрепления, является деятельностью рискованной. В связи с этим у приобретателя исключительного права в процессе осуществления предпринимательской деятельности может сложиться впечатление, что сведения, права на которые приобретены, не представляют собой секрет производства в принципе. При этом их личная оценка сведений как несоответствующих признакам ноу-хау не означает, что они таковыми не являются, особенно если в процессе заключения договора и в досудебном порядке не предъявлялись требования к качеству сведений.

Например, в деле № А65-11261/2024 истец требовал возврата паушального взноса по лицензионному договору, так как считал, что предоставленные сведения не являются ноу-хау ввиду того, что они не принесли ожидаемой выгоды, на что суд отметил, что после ознакомления с ноу-хау и рекомендациями по его использованию «истец каких-либо возражений или претензий относительно их содержания не заявил» [7].

Нередки ситуации обращения к экспертам с целью оценки сведений на их соответствие признакам секрета производства, что в суде приобретателем зачастую приводится в качестве доказательства неисполнения ответчиком (правообладателем) своих обязанностей по договору. Однако нельзя не согласиться со словами Р.Б. Ситдикова о том, «что в отношении ноу-хау спорящие стороны не всегда верно понимают, какие именно специальные знания необходимы для судебной экспертизы в отношении ноу-хау, что порой приводит к тому, что поставленные перед экспертом вопросы оказываются вопросами права» [11, с.38]. В качестве примера можно привести постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2025 по делу № А40-15527/2024, в котором суд не принимает экспертное заключение в качестве доказательства, «поскольку составленный в нем вопрос о соответствии/несоответствии переданных сведений признакам ноу-хау является правовым и не может быть поставлен на разрешение эксперта» [8].

Возвращаясь к самому договору, отметим, что ноу-хау обычно излагается путём его описания в самом договоре или приложении к нему. Сведения могут быть облачены в чертежи, технологические карты, схемы, расчёты, инструкции и рекомендации и так далее и передаваться любым обеспечивающим их конфиденциальность способом.

Определение предмета договора о передаче исключительных прав на ноу-хау наиболее конкретным образом крайне важно для благоприятного, добросовестного сотрудничества. Однако, как ранее уже отмечалось, одним из определяющих признаков тех сведений, которые составляют ноу-хау, является

их конфиденциальность. Конфиденциальность согласно федеральному законодательству – это «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определённой информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя» [3].

Вопрос сохранения конфиденциальности ноу-хау является крайне важным для правообладателя, поскольку разглашение конфиденциальной информации влечёт прекращение действия исключительного права на ноу-хау, исчезновение ноу-хау как такового. Следовательно, сохранение секрета производства «в секрете» является основой, на которой строятся договорные отношения вокруг ноу-хау, как на стадии заключения договора, так и на стадии его надлежащего исполнения.

В связи с этим при заключении договора – на этапе согласования его предмета – может возникнуть проблема некоего столкновения интересов правообладателя и приобретателя. Приобретатель исключительного права стремится максимально подробно изучить ноу-хау, чтобы идентифицировать его и оценить целесообразность вступления по поводу него в правоотношения. В то же время правообладатель, естественным образом, заинтересован в сохранении конфиденциальности информации, с учётом того, что договор в итоге может так и не быть заключён вовсе.

Какими видятся возможные разрешения этой проблемы?

Н.В. Нестерова предлагает пойти по пути описания ноу-хау в приложении к договору, возможность ознакомиться с которым возникнет у приобретателя только во время непосредственного подписания договора [9, с.63].

Данная позиция не видится верной. Во-первых, правообладатель по-прежнему не может гарантировать того, что, в конечном счёте, контрагент подпишет договор. Во-вторых, в таком случае для приобретателя может возникнуть ситуация приобретения «кота в мешке». Например, в деле А65-38390/2023 истец утверждал, что «был введён в заблуждение ответчиком относительно предмета спорного лицензионного договора, поскольку получил данные для ознакомления только после подписания актов приёма-передачи» [6].

Наиболее благоприятным подходом в данной ситуации представляются варианты заключения предварительного договора или договора о конфиденциальности – так называемого NDA (Non-disclosure agreement). Соглашение NDA является достаточно популярной и наработанной в западных странах практикой; в России же к ней по-прежнему относятся с некоторой долей критицизма, несмотря на наличие положительного опыта в судебных разбирательствах. Представляется, что подобная правовая конструкция нуждается в законодательной регламентации.

При этом более любопытной видится активно используемая в Китайской Народной Республике практика соглашений NNN, являющихся более строгой, усиленной и усовершенствованной версией договоров NDA, содержательно

состоящих из трёх «N»: «не раскрывать» (non-disclosure), «не использовать» (non-use) и «не обходить» (non-circumvention) [14]. Данные соглашения, применяемые в торговых и производственных процессах, при должном оформлении показывают себя как эффективный способ защиты конфиденциальности при распоряжении технологиями и инновациями.

Также крайне интересным подходом представляется применяемый за рубежом в отношении РИД эскроу. В Российской Федерации договор условного депонирования (эскроу) используется в отношении имущества, в то время как, например, в США подобная правовая конструкция применяется и в праве интеллектуальной собственности (в частности, в связи с охраной программ для ЭВМ) [13]. Так, наличие эскроу-агента – независимого и незаинтересованного посредника, которому можно доверить конфиденциальные сведения – может стать гарантией как для правообладателя, так и для приобретателя исключительного права. Представляется, что российскому законодателю следует рассмотреть вопрос применения условного депонирования (эскроу) не только в отношении объектов вещных прав, но и в отношении РИД.

В рамках правоотношений, возникающих по поводу ноу-хау, как правообладатель, так и приобретатель обязаны соблюдать конфиденциальность сведений, в связи с чем на соответствующие обязанности следует обратить внимание и в договоре.

При этом важно отметить следующее. С 2014 года введение в отношении ноу-хау режима коммерческой тайны не является обязательным. Если режим коммерческой тайны в отношении секрета производства не установлен, то стороны могут и обязаны использовать иные разумные меры сохранения конфиденциальности. Показательным примером может стать, в частности, дело № А65-11261/2024, в котором доступ к сведениям, составляющим ноу-хау, осуществлялся через CRM-систему (файлохранилище), доступ к которой осуществлялся по переданному истцу логину и паролю. Истец указывал, что ответчиком не обеспечен режим коммерческой тайны, в ответ на что в своём постановлении Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд справедливо отмечает, что «введение режима коммерческой тайны является лишь одним из способов соблюдения конфиденциальности сведений, входящих в состав ноу-хау, выбор такого способа принадлежит ответчику. <...> Оснований полагать принятые ответчиком меры неразумными не установлено» [7].

Ещё одним проблемным аспектом в договорах о ноу-хау может стать их оценка. Как отмечалось ранее, особенно тяжело оценить потенциальную коммерческую стоимость секрета производства. Однако ценность ноу-хау может непосредственно повлиять на цену договора, то есть вознаграждение, которое уплачивается приобретателем правообладателю. Вознаграждение может быть установлено в форме единовременной твёрдой суммы выплаты

(паушальный платёж), в форме периодических платежей (роялти) или в любой другой форме.

Для сторон договора определение вознаграждения целесообразно или даже критически важно. Согласно статье 424 ГК РФ «в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги» [1]. Однако ноу-хау по понятным причинам не может быть «аналогичным товаром» ввиду его уникальности и неизвестности третьим лицам, следовательно, ни о каких сравнительных обстоятельствах не может идти речи.

Расчёт периодических платежей может осуществляться, например, на основе суммы дохода, полученного от реализации товаров или услуг, произведённых или оказываемых с помощью полученного секрета производства, – путём установления определённого процента от такой суммы. В этой же связи можно вернуться к рассмотренному ранее вопросу о привлечении эксроу-агента, который мог бы осуществлять независимую оценку передаваемого ему на депонирование ноу-хау.

Риски с оценкой ценности ноу-хау могут возникнуть и в договоре лицензионного типа, которым предусматривается внесение ноу-хау в качестве вклада в уставной капитал юридической лица. Уставной капитал есть не что иное, как мера обеспечения интересов кредиторов. Однако сам по себе секрет производства не гарантирует обязательный положительный экономический эффект, а это в свою очередь влечёт риск того, что уставной капитал *de facto* окажется ниже установленного действующим законодательством минимального размера уставного капитала, что лишает кредиторов их гарантий.

Подводя итог всему вышесказанному отметим, что договоры, связанные с распоряжением исключительными правами на ноу-хау, обладают совокупностью отличительных черт, обусловленных спецификой самого объекта интеллектуальной собственности. Главная особенность заключается в том, что ноу-хау, в отличие от многих других объектов интеллектуальных прав, получает свою правовую охрану не через государственную регистрацию, а благодаря сохранению информации в тайне. Это обстоятельство существенно влияет на содержание и исполнение соответствующих договоров, как-то: специфика при определении предмета договора, необходимость усмотрения в рамках договорных отношений мер обеспечения конфиденциальности, трудности со справедливой и экономически обоснованной оценкой стоимости секрета производства. На основании этого в рамках исследования были предложены некоторые возможные пути защиты конфиденциальности, стоимостной оценки ноу-хау, показывающие необходимость совершенствования российского законодательства.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 22.07.2024) // «Российская газета», № 289, 22.12.2006.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 23.11.2024) // «Российская газета», № 165, 29.07.2006.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 96, 06.05.2019.
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам № C01-351/2022 от 23 июня 2022 года по делу № А65-7428/2021 / [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=95577#pqdozcUOeqL6leF6> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст : электронный.
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам №C01-1712/2024 от 25 сентября 2024 года по делу № А65-38390/2023 / [Электронный ресурс] URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/cc2a8ec7-bd7f-43f1-b484-ef92fcbdd359/ea27bf9d-0012-4770-8228-664eba12b5bd/A65-38390-2023_20240925.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.02.2025). – Текст : электронный.
7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда № 11АП-17227/2024 от 17 декабря 2024 года по делу № А65-11261/2024 / [Электронный ресурс] URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/c4e94607-726d-4cc1-b2f5-c3021729e48e/f4e616e1-bc94-4f7e-849d-2ff533562059/A65-11261-2024_20241217.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.02.2025). – Текст : электронный.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-77416/2024 от 17 января 2025 года по делу № А40-15527/2024 / [Электронный ресурс] URL: <https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/6533a979-a28c-4837-aae5-a563d4eace4d/6866a2df-89c4-4d55-97c0->

[472cedbb1b04/A40-15527-](#)

[2024_20250117.pdf?isAddStamp=True](#) (дата обращения: 10.02.2025). – Текст : электронный.

9. Нестерова Н.В. Особенности правового режима ноу-хау на примере российского, зарубежного и международного опыт : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Нестерова Надежда Владимировна; ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности». – М., 2018. – 163 с.
10. Серебряков А.А. Система способов распоряжения исключительным правом на секрет производства (ноу-хау) // Известия АлтГУ. – 2014. – №2 (82). – С. 144-147.
11. Ситдилов Р.Б. Специальные знания и судебная экспертиза как процессуальная гарантия защиты интеллектуальных прав // Lex Russica. – 2023. – №12 (205). – С. 32-40.
12. Ульяшина С.Ю., Александрова А.В., Молодкин А.В., Бабилова О.И. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2023: использование результатов интеллектуальной деятельности в регионах Российской Федерации – М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2024. – 62 с.
13. How Does a Software Escrow Agreement Work? A Detailed Exploration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bluenotary.us/software-escrow-agreement-a-detailed-exploration/> (дата обращения 15.02.2025).
14. NNN Agreements? The Basics for Transactions in China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.intellectualstrategies.com/blog/nnn-agreements-in-china> (дата обращения: 15.02.2025).

Сирик Наталия Валериевна
доцент кафедры гражданского права
и процесса Смоленского филиала
Международного юридического института;
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин ФГБОУ ВО «Смоленский государственный
университет», кандидат юридических наук.
г. Смоленск, Россия

Каплина Алина Николаевна
студентка факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
г. Смоленск, Россия

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК НОВЫЙ ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Natalia Valeryevna Sirik
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the
Smolensk branch International Law Institute; Associate Professor of the
Department of Civil Law Disciplines, Smolensk State University,
Candidate of Law. Smolensk, Russia
Kaplina Alina Nikolaevna
student of the Faculty of History
and Law of the Smolensk State University
Smolensk, Russia

THE DIGITAL RUBLE AS A NEW PROMISING OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Аннотация. В статье анализируются перспективы принятия цифрового рубля как нового законного средства платежа в России, определено его соотношение с наличными и безналичными денежными средствами, проведен сравнительный анализ использования национальных валют в зарубежных странах. Делается вывод о том, что для внедрения цифрового рубля необходима его правовая регламентация, которая позволит определить его место в системе российского права. Использование наработанного опыта зарубежных стран в сфере внедрения национальных цифровых валют поможет нашей стране стать одной из первых, в которых цифровые валюты получат широкое применение

Annotation: The article analyzes the prospects for the adoption of the digital ruble as a new legal means of payment in Russia, determines its ratio with cash and

non-cash funds, and conducts a comparative analysis of the use of national currencies in foreign countries. It is concluded that the introduction of the digital ruble requires its legal regulation, which will determine its place in the system of Russian law. Using the accumulated experience foreign countries in the field of the introduction of national digital currencies will help our country become one of the first in which digital currencies will be widely used.

Ключевые слова: цифровой рубль, деньги, история, обмен, петровские деньги, ассигнации, безналичные деньги, банковские карты, цифровые валюты, национальная валюта, SWIFT, операционность расчётов, безопасность, блокчейн, эмиссия, смарт-контракты, международное регулирование, законодательство, инновации, цифровизация, финтех, безналичный оборот, криптовалюты, финансы, экономика, Россия

Keywords: digital ruble, money, history, exchange, Petrovsky money, banknotes, non-cash money, bank cards, digital currencies, national currency, SWIFT, operational payments, security, blockchain, issue, smart contracts, international regulation, legislation, innovation, digitalization, fintech, non-cash turnover, cryptocurrencies, finance, economics, Russia

Свою историю деньги ведут еще с древних времен, когда процесс обмена товара или услуги за плату производился различными способами – камешками, палочками, драгоценностями и всеми подобными вещами, которые только могли быть под рукой у людей. Первые деньги в Российском государстве появились в начале XVIII века при Петре I – это были серебряные монеты, а чуть позже уже в годы правления Екатерины II в оборот были выпущены первые бумажные деньги – ассигнации. Безусловно, прошло уже много столетий, и если проводить сравнительный анализ тех, выпущенных денежных средств, и нынешние деньги – это будут две абсолютно разные вещи, которые прошли долгий путь в своем развитии и становлении, чтобы сейчас предстать перед нами именно в том виде, в котором вы привыкли видеть в современности. В начале XX века же постепенно начинается новый этап в развитии денежных средств – это разработка и внедрение уже безналичных денег, которые нашли свое отражение на банковском счете клиента, то есть с появления банковских карт. Мир не стоит на месте и развитие также продолжается, поэтому в начале XXI века – века цифровизации начинают получать широкое признание цифровые валюты – заявленная третья форма национальной валюты страны. Внедрение такой формы денежной валюты предполагает пред собой совершенствование общества и упрощение жизни людей, находящихся в нем, через разработку новых технологических и информационных программ. Цифровой рубль предполагает под собой целый ряд преимуществ по сравнению с традиционными формами денежной валюты страны. Внедрение цифрового рубля сократит барьеры при расчетах в сети

Интернет, а также других цифровых платформах; откроет доступ к банковским услугам тем гражданам, у которых нет доступа к интернету.

Введение цифрового рубля связывают с 2020 годом, когда его создание стало предметом активных дискуссий. Необходимость введения данной формы национальной валюты связана с динамикой финансовых и экономических процессов.

Внедрение новой формы национальной валюты предполагает увеличение оперативности расчётов, сокращение расходов на расчётно-кассовое обслуживание, а также возможность стать независимым от системы SWIFT в международных расчётах. Цифровой рубль, который планируется выпустить как дополнительный формат денег, объединяет преимущества обеих существующих форм (наличных и безналичных): широкое принятие и использование в обществе, а также удобство расчётов, отсутствие физического носителя и возможность использования в дистанционном режиме. В современности большинство людей имеют доступ к интернету, однако все-таки еще существуют регионы, в которых интернет-соединение ограниченное или вовсе отсутствует, что усложняет в целом вообще обращение с данными двумя формами валюты. Если говорить о цифровом рубле, то предполагается внедрение и использование этой формы и без доступа к сети. К достоинствам цифрового рубля также следует отнести беспрепятственный перевод наличных и безналичных денег, снижение комиссий за обслуживание платежей, удобство международных расчетов, прозрачность расчетов, надежность (хранение осуществляется на платформе ЦБ).

К недостаткам цифрового рубля следует отнести его потенциальную уязвимость для хакеров и киберпреступников. Хакеры постоянно ищут уязвимости в системах электронных платежей и могут попытаться злоупотребить доверием и безопасностью цифрового рубля. Это может привести к потере денег и конфиденциальной информации граждан и юридических лиц.

Введение цифрового рубля также потребует значительных финансовых и технических ресурсов. Необходимо будет разработать и внедрить новые системы и инфраструктуру для поддержки цифровой валюты. Это может оказаться дорогостоящим и требовать значительных усилий.

Для внедрения цифрового рубля был внесены изменения в Гражданский кодекс РФ в 2021 году – в частности, цифровые рубли были отнесены к безналичным денежным средствам. Также были внесены изменения в законодательство, регулирующее деятельность Банка России – теперь он выступает в качестве оператора платформы цифрового рубля. Центральный Банк организывает и обеспечивает функционирование этой платформы, а также имеет особенности взыскания цифровых рублей, учитываемых на счете цифрового рубля должника.

По мнению Ситника А.А., Дургарян К.В. Гурова А.А. «цифровой рубль, эмитируемый Банком России, станет третьей формой российской валюты вместе с наличными и безналичными средствами» [2;33]. Заметим, что не все соглашаются с этим выводом и полагают, «что позиционирование цифрового рубля как третьей формы денег в качестве основной или дополнительной по отношению к наличной или безналичной формам не находит абсолютной поддержки ни в среде экономистов, ни в среде юристов, ни в действующем законодательстве»[3].

Отметим, что цифровой рубль является средством платежа, а не накопления - цифровые вклады, цифровые кредиты и цифровые проценты не предусмотрены. Для осуществления платежа предполагается прямая передача цифровых рублей через беспроводные интерфейсы, такие как Bluetooth или NFS, или через QR код с последующей синхронизацией записей при первом выходе в сеть интернет.

Если сравнивать наличные, безналичные деньги и цифровой рубль, то основные отличия видятся в следующем: возможность он-лайн и оф-лайн расчетов; персонализированный характер; эмиссия исключительно Центробанком; обращается в рамках платформы цифрового рубля; не начисляются проценты; в нем не могут быть выданы кредиты

Таким образом, основные отличия цифрового рубля будут заключаться в особенностях эмиссии и контроля, т.е. «децентрализованная сеть цифрового рубля будет управляться назначенными государством, а не свободно подключившимися к сети участниками. Для успешного функционирования цифрового рубля необходимо будет законодательно определить порядок блокировки счетов-адресов, ограничения на размеры транзакций, привязку счетов-адресов к юридическим и физическим лицам» [4].

Большинство развитых стран в настоящее время пытаются внедрить национальные цифровые валюты, при этом имеются как положительный, так и отрицательный опыт их внедрения. Представляется, что анализ опыта разных стран при решении сходных проблем может привести к построению оптимальной модели цифрового рубля в нашей стране.

В Китае, как и в РФ, цифровая валюта базируется на блокчейн-технологиях. Эта «денежная форма позволяет проводить транзакции между физическими и юридическими лицами без участия посредников(банков). Оперативность расчетов достигается благодаря использованию высокоскоростной сети и мгновенной проверки, а также подтверждения транзакций с помощью блокчейна»[5;32]. Китайский закон «О национальной валюте» определяет цифровую валюту как «электронный платеж, доступный для граждан и организаций, который выполняет функции обмена, сохранения и расчета, исключительно основанный на технологии распределительного реестра, криптографии и других смежных технологиях» [6].

На базе блокчейна также были проведены пилотные проекты в США и Сингапуре для мгновенных расчетов между банками и финансовыми организациями.

Как уже было отмечено для осуществления операций с цифровым рублем ЦБ планирует создать платформу, на которой будут храниться кошельки с цифровыми рублями для физических и юридических лиц, а также для федерального казначейства. «В Китае популярна цифровая платежная система AliPay, позволяющая пользователям оплачивать покупки и услуги через мобильные устройства без необходимости наличия денег или банковских карт. Это упрощает процесс оплаты и снижает затраты на обслуживание кассовых аппаратов. Также популярной в Китае является система WeChat, позволяющая оплачивать товары и услуги через мессенджер с помощью специального штрих-кода»[1;23].

В настоящее время в оборот введены цифровые валюты в ряде стран: Нигерии, в странах Восточно-Карибского союза. На Багамских островах, так называемая, фиатная валюта (цифровая валюта центрального банка (Sand Dollar), не обеспеченная ни золотом, ни драгоценными металлами, была внедрена в октябре 2020 года из-за низкого уровня доступности банковских услуг на отдельных островах. Пилотную программу по запуску цифровой валюты представила Бразилия. В программе данная валюта названа цифровой версией национальной валюты. Платеж будет обеспечиваться средствами на банковском счете клиента. Предусмотрена возможность обмена на токены и взятия кредитов. В то же время не во всех странах внедрение национальной валюты увенчалось успехом. Так, в 2014 году Эквадор, использующий в качестве официальной валюты доллар США, приступил к выпуску CBDC Dinero Electronico. Однако проект был свернут ввиду высоких затрат на содержание новой системы и низкого спроса- максимальное количество пользователей составило менее 3% населения. Любой житель Нигерии может получить доступ к цифровой государственной валюте, открыв виртуальный кошелек, воспользовались CBDC лишь 0,5% населения страны.

В РФ тестирование цифрового рубля осуществляется 13 банками (ВТБЮ Альфа-банк, Газпром и др.), 30 юридических лиц, 600 человек и 11 городов. На законодательном уровне рассматривается возможность использовать цифровой рубль для международных расчетов, ожидается что цифровыми рублями будут выплачиваться социальные выплаты для граждан, субсидии и финансирование инвестиционных проектов.

Конечно, процесс информатизации и цифровизации идет далеко вперед, поэтому в экономической и финансовой сферах его не остановить. Однако для внедрения цифрового рубля необходима его правовая регламентация, которая позволит определить его место в системе российского права.

Полагаем, что анализ опыта разных стран при решении сходных проблем может привести к построению оптимальной модели цифрового рубля в нашей стране.

Список литературы

1. Акимов О.М., Ларина О.И. Правовое регулирование эмиссии и обращения цифровых денег Томского государственного университета.-2019. - № 447.- С.23-28
2. Дургарян К.В. Перспективы применения цифрового рубля в бизнесе //Безопасность бизнеса. – 2023. - № 3. - С.32-35
3. Пшеничников В.В.. Цифровой рубль и его противоречивый статус в трактовках экономистов и юристов.//Cифра/Экономика.-2023.- №2(2). - С.7-10
4. Теткин М. Цифровой рубль. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rbc.ru/crypto/news/5fc20b289a794723fb622c1b?ysclid=lwnb2fy6vf77577065>(Дата обращения. 20.02.2025)
5. Шэнь Гуаньян, Катков Ю.Н. Цифровой юань как новый платежный инструмент в банковской системе Китая // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях.- 2022г.- С.32-38
6. Цзинвэнь Ван Цифровой юань - официальная валюта Китая: юридическая природа и тенденции развития//Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2022г.- № 1- С.73-76

Степанищева Оксана Анатольевна
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института
г. Москва, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Stepanishcheva Oksana Anatolyevna
Postgraduate student of the Department of Civil Law and
Procedure
International Law Institute
Moscow, Russia

CURRENT PROBLEMS OF CIVIL REGULATION OF TOURISM IN THE CONTEXT OF LEGAL REFORM

Аннотация. В представленной работе выделены актуальные проблемы гражданско-правового регулирования отношений в сфере туризма и предложены их пути решения на основании анализа административной и судебной практики. Авторы приходят к выводам о необходимости изменения предмета регулирования действующего законодательства о туризме через расширение системы правоотношений в сфере туризма и субъектного состава туристской индустрии.

Abstract. In the work topical problems of civil law regulation of relations in the field of tourism were highlighted and their solutions were proposed based on an analysis of administrative and judicial practice. The authors come to the conclusion that it is necessary to change the subject of regulation of the current legislation on tourism through the expansion of the system of legal relations in the field of tourism and the subject composition of the tourism industry.

Ключевые слова: договор о реализации туристского продукта; комплекс туристских услуг; таймшер; турагент; туристский продукт; турлидер; туроператор.

Key words: agreement on the sale of a tourist product; complex of tourist services; timeshare; travel agent; tourist product; a tour leader; tour operator.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых наук, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Сирик Наталия Валерьевна

Туризм стал одним из приоритетных направлений экономической и социальной политики государства, вовлекая в себя все большее количество туристов и становясь более массовым, что закономерно приводит к увеличению числа субъектов в сфере туризма, появлению новых видов туризма, увеличению количества конфликтов и спорных ситуаций между туристами и субъектами туристской индустрии.

Однако Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 132) значительно устарел и не отвечает современным реалиям правового регулирования российского туризма. На первый план выходит актуальность разработки и принятия нового Федерального закона «О туризме», попытки внесения которого предпринимались несколько раз на протяжении последних лет (Ростуризмом в 2021 г., Госдумой в 2023 г., Минэкономразвития РФ в 2024 г.). Н.В. Сирик и А.С.Кусков в своих трудах неоднократно поднимали вопрос об изменении предмета правового регулирования ФЗ № 132 и совершенствовании законодательства в этой сфере [4; 5; 7].

В настоящее время практика применения ФЗ № 132 в части идентификации правоотношений в сфере туризма и их участников не отличается единообразием и характеризуется значительным количеством коллизий и пробелов, устранить которые можно только путем диверсификации системы туристских правоотношений и расширения круга субъектов туристской индустрии.

Предмет регулирования ФЗ № 132 характеризуется значительной узостью, так как в него включены частноправовые и публично-правовые отношения, опосредованные только реализацией туристского продукта, а их субъектный состав, соответственно, образуют туроператоры, турагенты и субагенты. Такой подход создает на практике значительное количество проблем, связанных с деятельностью туристских организаций, формирующих и реализующих программы обслуживания в выездном и внутреннем туризме, не включающие услуги перевозки. Туристы в подобных случаях самостоятельно решают вопрос о том, как добраться до страны (места) начала туристского обслуживания. Если буквально толковать нормы ФЗ № 132, то такие правоотношения, очевидно, «выпадают» из сферы его регулирования, что, в свою очередь, лишает туристов, как минимум, права на возмещение реального ущерба за счет средств финансового обеспечения туроператора.

ФЗ № 132 не содержит законодательного регулирования отношений по предоставлению туристам комплексов туристских услуг, не образующих в совокупности туристский продукт. Актуализировалась данная проблема в связи с тем, что с 1 сентября 2024 года в России наступает обязанность по передаче сведений в ГИС «Электронная путевка» для туроператоров как выездного, так и внутреннего туризма. Туроператоры внутреннего туризма

не понимают совокупность каких услуг в сфере туризма является туристским продуктом, а какие сочетания услуг к нему не относятся. В каких случаях автобусная перевозка является частью туристского продукта, а в каких – трансфером? К сожалению, Минэкономразвития РФ как единственный регулятор отношений в сфере туризма не дает четкого ответа на эти вопросы.

Вопрос отнесения организатора туризма (субъекта туристской индустрии, формирующего и реализующего любые сочетания туристских услуг, не являющиеся туристским продуктом) к туроператору, формирующему туристский продукт, также имеет значение применительно к налоговым льготам, которые предоставляются только туроператорам, формирующим туристский продукт. Так, с 1 июля 2023 г. по 30 июня 2027 г. на основании Федерального закона от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ освобождается от обложения НДС реализация туроператорами туристских продуктов в сфере внутреннего и въездного туризма. Туроператоры, реализующие комплексные туры, включающие проживание в гостинице, перевозки пассажиров, смогут применять льготу, а не облагать всю стоимость туристского продукта по ставке 20%.

В связи с тем, что во внутреннем туризме в 75-80% случаях реализуются комплексы услуг, в совокупности не образующих туристский продукт, Президент РСТ Илья Уманский вышел с предложением к Минэкономразвития РФ об изменении дефиниции существующего понятия «туристский продукт» и признании туристским продуктом любого комплекса услуг, включающего услугу размещения в качестве обязательной и иные услуги (транспортные, экскурсионные и т. д.).

Здесь согласимся с мнением Вице-президента РСТ Юрия Барзыкина, который полагает, что при принятии такой законодательной новеллы на практике сложится ситуация, при которой любое средство размещения, к примеру, предлагающее услуги трансфера, досуговые услуги или услуги питания, будет считаться туроператором. Туроператорский статус придется получать, соответственно, таким средствам размещения и многим турагентам, что приведет к росту затрат и создаст нагрузку на регулятор, так как контролировать десятки тысяч компаний сложнее, чем те 4500, которые числятся сейчас в едином федеральном реестре туроператоров [6].

Неоднозначно решается вопрос и в судебной практике, анализ которой позволил выделить ряд судебных актов, не всегда однозначно разрешающих спорные ситуации, возникающие в связи с реализацией комплексов услуг, которые нельзя отнести к туристскому продукту:

1) суд кассационной инстанции [1], отменяя акты нижестоящих судов, указал, что суды пришли к неверным выводам о том, что предметом договора на оказание услуг размещения и питания в гостинице, названного договором о реализации туристского продукта, является туристский продукт, а ФЗ № 132 подлежит применению к возникшим между сторонами правоотношениям; в

процессе пересмотра судебных актов нижестоящих судов в иске было отказано, и указано, что ФЗ № 132 не применим к данным правоотношениям, регулирование которых осуществляется на основании гражданского законодательства.

Налицо наиболее типичная и распространенная ошибка судов, которые выносят решение лишь на основании оценки названия и содержания договора без учета фактически сложившихся между сторонами правоотношений. В приведенной ситуации потребителю по договору о реализации туристского продукта, в содержании которого активно использовались понятия «туроператор», «турагент», «туристский продукт», фактически реализован комплекс туристских услуг, состоящий из услуг размещения, питания и трансфера. Естественно, очевидным является вывод о том, что нормы ФЗ № 132 не применимы в такой ситуации, а применению подлежат нормы ГК РФ и Закона РФ «О защите прав потребителей» (в части оказания отдельных туристских услуг);

2) рассматривая аналогичное предыдущему делу, суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты нижестоящих судов, указал, что «из приведенного правового регулирования следует, что предметом договора о реализации туристского продукта является туристский продукт – комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену. Полагая, что правоотношения потребителя и турагента сложились по поводу реализации туристского продукта, суды не приняли во внимание, что по обстоятельствам настоящего дела предметом сделки, заключенной между потребителем и агентом, являлся не туристский продукт, а авиабилеты на международный рейс без услуг по размещению в стране пребывания. При таких обстоятельствах у судов отсутствовали основания для применения специальных норм о гражданско-правовой ответственности субъектов туризма. Кроме того, суды неверно установили характер правоотношений, сложившихся между турагентом и конечными исполнителями услуг [2];

3) Е. обратилась в суд с иском, указав, что заключила с ООО «А.» договор о праве пользования курортной жилой площадью. Ознакомившись с документами, истец поняла, что нарушено ее право на информацию, так как она приобрела не тур, а только право пользования курортной жилой площадью, с ней не были согласованы существенные условия договора, которым, как она предполагала, является договор о реализации турпродукта (страна, дата заезда, наименование отеля), в связи с чем, на основании ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» посчитала, что имеет право на расторжение договора. Суд квалифицировал договор, заключенный между сторонами, в качестве договора возмездного оказания услуг, и указал, что на него не распространяется действие ФЗ № 132, в связи с чем, доводы ответчика относительно несогласия с выводами суда о непредоставлении информации и неправильном определении вида договора во внимание приняты быть не могут [3].

Следует отметить, что в ст. 1 ФЗ № 132 туристская деятельность определяется как деятельность туроператоров и турагентов, а также иная деятельность по организации путешествий. И если туроператорская и турагентская деятельность определены в этой же статье, то, что образует содержание «иной деятельности по организации путешествий» остается загадкой и по сей день, вызывая, соответственно, жаркие споры в профессиональной среде и порождая значительные проблемы в квалификации таких правоотношений судебными и иными инстанциями.

С определенной долей условности к иной деятельности по организации путешествий можно отнести деятельность по предоставлению услуг таймшера (клубного отдыха, услуг «отпускное размещение» и т. д.). Именно названный вид деятельности интересен больше всего, так как по таймшерным спорам судебная практика крайне неоднозначная. Сложности возникают, чаще всего, при получении ответов на два вопроса: что такое таймшер и какие признаки характерны для подобных правоотношений; какова возможность применения норм ФЗ № 132 и Закона РФ «О защите прав потребителей» к таким правоотношениям?

Роспотребнадзор, допуская возможность иной деятельности по организации путешествий, указывает, что заключение договоров оказания отдельных туристских услуг по форме, отличной от установленной ФЗ № 132, не должно подменять фактических действий исполнителей по реализации туристского продукта. Иная деятельность по организации путешествий не должна подменять деятельность, связанную с формированием, продвижением и реализацией туристского продукта, в противном случае сделка может быть признана судом недействительной.

В настоящее время появляются новые виды туризма – сельский туризм, промышленный туризм, научно-популярный туризм и т. д., и очевидно, что их организацией уже занимаются не туроператоры и турагенты, а иные субъекты (сельхозтоваропроизводители, промышленные предприятия, особо охраняемые природные территории, экологические и краеведческие организации). Отдельного правового регулирования требует деятельность туристских маркетплейсов (владельцев агрегаторов информации о туристских услугах), а также физических лиц, разрабатывающих и предлагающих так называемые «авторские туры».

Сегодня часто, особенно в сфере самодеятельного туризма, встречаются ситуации, когда одно физическое лицо (турлидер) берет на себя обязанности по организации туристских поездок и походов для других физических лиц – коллег по работе, членов семьи, родственников, друзей, знакомых по интересам и т. д. Фактически турлидеры выполняют функции туроператоров – разрабатывают программы пребывания, формируют туристские группы, принимают денежные средства от их участников, осуществляют бронирование и оплату различных услуг (транспортных, гостиничных, экскурсионных и др.).

Более того, такие турлидеры размещают свои публичные предложения в интернете и социальных сетях, распространяют их путем переписок в мессенджерах.

Во многих случаях деятельность турлидеров не направлена на личное обогащение и не имеет признаков предпринимательской деятельности. То есть либо все получаемые турлидером денежные средства расходуются на оплату отдельных услуг, входящих в программу пребывания, либо все участники туристской группы оплачивают забронированные турлидером услуги самостоятельно и за свой собственный счет. Однако встречаются и случаи, когда турлидеры получают прибыль от своей деятельности, закладывая в денежную сумму, озвучиваемую участникам группы через публичное предложение или иными способами, свое вознаграждение в определенной сумме.

Такие турлидеры зачастую именуют себя индивидуальными турагентами (что, естественно, не соответствует реальности, так как турагентом может быть как минимум индивидуальный предприниматель, сведения о котором внесены в реестр турагентов), трэвел-блогерами (что, однако, не дает им право на осуществление деятельности по реализации и оказанию туристских услуг), организаторами туристских поездок, самозанятыми гражданами (по общему правилу самозанятые граждане не могут формировать и продвигать туристские продукты, но, впрочем, могут оказывать отдельные туристские услуги – например, экскурсионные).

Вышесказанное приводит к выводу, что в проекте Федерального закона «О туризме» следует предусмотреть введение нового субъекта туристских правоотношений – организатора туризма, деятельность которого заключается в формировании, реализации, предоставлении комплекса туристских услуг в сфере внутреннего туризма. На деятельность организаторов туризма в полной мере должно распространяться действие туристского и потребительского законодательства, и, соответственно, все законодательно установленные гарантии защиты прав туристов.

Комплекс туристских услуг формируется организатором туризма из обязательной услуги временного размещения в месте временного пребывания, а также из одной или более следующих услуг: услуга перевозки, за исключением услуги перевозки в место временного пребывания и (или) обратно, услуги по перевозке туриста от пункта его прибытия в место временного пребывания до средства размещения и (или) обратно; услуга экскурсовода (гида), гида-переводчика, инструктора-проводника; услуга сопровождения туриста по туристскому маршруту (части туристского маршрута) в месте временного пребывания; услуга «туристский поход»; иные услуги, указанные туристом причиной путешествия в договоре туристского обслуживания.

Появление новых субъектов туристической индустрии влечет и использование новых договорных конструкций. Наряду с договором о реализации турпродукта, заключаемым туроператором с туристами, правоотношения по реализации комплекса услуг, не образующих туристский продукт, должны опосредоваться договором о туристском обслуживании.

Таким образом, современный законодательный подход нуждается в значительной конкретизации как в плане расширения предмета законодательного регулирования и идентификации возникающих правоотношений в сфере туризма (с выделением новых общественных отношений), так и в части расширения круга субъектов туристской индустрии и распределения ответственности между ними. Совершить такие масштабные законодательные преобразования можно только путем разработки нового Федерального закона «О туризме».

Список литературы

1. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2020 г. по делу № 88-4980/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2019 г. по делу № 88-1249/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14 июля 2022 г. по делу № 33-10043/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кусков А. С. Реформирование законодательства о туристской деятельности / А. С. Кусков, Н. В. Сирик. // Законодательство. – 2023. – № 1. – С. 34-40.
5. Кусков А. С. Понятие «комплексная туристская услуга»: нормативно-правовое обоснование / А. С. Кусков, Н. В. Сирик. // Хозяйство и право. – 2022. – № 11. – С. 64-74.
6. Нас никто не спрашивал»: в турбизнесе обсуждают предложение президента РСТ поменять понятие турпродукта. / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourdom.ru/news/nas-nikto-ne-sprashival-v-turbiznese-obsuzhdayut-predlozhenie-prezidenta-rst-pomenyat-ponyatie-turpr.html?ysclid=m0pc506gro624148786>. (дата обращения 20.02. 2025) — Текст : электронный.
7. Тарбаев С. А. Актуальные проблемы реформирования туристского законодательства: подходы к разработке проекта федерального закона «О туризме»: коллективная монография / С.А. Тарбаев, М. А. Саранча, А. С. Кусков, Н. В. Сирик, Е. И. Родионов [и др.]. – М.: КноРус; РГУТИС, 2023. – 140 с.

Сенкевич Виктория Валерьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса
Международного юридического института
Смоленский филиал
г. Смоленск, Россия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Senkevich Victoria V.,
Candidate of Law,
Associate Professor
of the Department
of Civil Law and Procedure
International Law Institute
Smolensk branch ,
Smolensk, Russia

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DIGITALIZATION OF EVIDENCE AND EVIDENCE IN MODERN CIVIL PROCEDURE

Аннотация. Актуальность исследуемой темы обусловлена динамичным развитием гражданского процесса, который, несмотря на свою стабильность, сталкивается с множеством новых вызовов, например, таких как цифровизация и глобализация. Проблемы доказательств и доказывания в гражданском процессе остаются важным аспектом, который требует дальнейшего совершенствования. В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с применением доказательств в судопроизводстве, а также предложены перспективы развития институтов доказательств и доказывания в современном гражданском процессе. Обсуждены теоретические и практические аспекты, включая роль новых технологий в процессе доказывания и возможности улучшения правоприменительной практики.

Abstract. The relevance of the topic under study is due to the dynamic development of the civil process, which, despite its stability, is facing many new challenges, such as digitalization and globalization; the problems of evidence and evidence in the civil process remain an important aspect that requires further improvement. The article examines the main problems related to the use of evidence

in court proceedings, and suggests prospects for the development of institutions of evidence and evidence in modern civil proceedings. Theoretical and practical aspects were discussed, including the role of new technologies in the evidence process and the possibility of improving law enforcement practice.

Ключевые слова: цифровизация, правосудие, судебная система, доказательства, доказывание, правоприменительная практика

Key words: digitalization, justice, judicial system, evidence, evidence, law enforcement practice

С развитием информационных технологий и глобализацией правовых отношений в России актуализируется вопрос использования электронных (цифровых) доказательств в гражданском процессе. Электронные доказательства становятся важным инструментом для эффективного разрешения споров, однако правовая неопределенность, возникающая в связи с их применением, требует тщательного анализа. В настоящее время процессуальное законодательство претерпевает постоянное совершенствование и реформирование. Например, развитие цифровых технологий и появление новых типов доказательств, требуют учета новых подходов в доказывании.

В этих условиях традиционные институты доказательственного права, формировавшиеся на протяжении многих десятилетий, сталкиваются с новыми вызовами, требующими переосмысления устоявшихся доктринальных подходов. Особенно ярко данная тенденция проявляется в вопросах определения допустимости доказательств – одного из ключевых свойств доказательств в гражданском процессе, имеющего фундаментальное значение.

Судебное доказывание в гражданском процессе России занимает ключевое место в обеспечении справедливости и правопорядка. Это неотъемлемый элемент судебной деятельности, который заключается в установлении фактов, имеющих значение для разрешения дела. В соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), судебное доказывание является важным инструментом реализации правосудия и защиты прав сторон.

Цифровые технологии, активно внедряющиеся в гражданское судопроизводство, создают новую реальность, в которой прежние представления о надлежащем субъекте получения доказательств, надлежащей форме, надлежащем способе их получения и надлежащем процессуальном оформлении требуют существенного пересмотра. Способы получения и фиксации цифровых доказательств оказывают значительное влияние на их правовую природу, что при определённых условиях может существенно влиять на сферу использования таких доказательств в гражданском судопроизводстве.

С 1 января 2017 года к письменным доказательствам относятся также материалы, полученные с использованием информационно – телекоммуникационной сети Интернет и документы, подписанные электронной подписью. Электронные (цифровые) доказательства — это любые данные, имеющие цифровую форму, которые могут быть использованы для подтверждения фактов, имеющих значение для дела в гражданском процессе.

С введением электронных (цифровых) доказательств, возникает необходимость создания новых правил и подходов для оценки таких доказательств в суде.

Доказывание в гражданском процессе представляет собой сложный процесс, который требует от сторон не только представления доказательств, но и доказательства их достоверности. Для того чтобы цифровые доказательства были приняты судом, требуется соблюдение определенных условий: доказательства должны быть подлинными, достоверными, а также их сбор и представление должны соответствовать правилам, установленным процессуальным законодательством.

Согласно ст. 60 ГПК РФ [1], доказательства должны быть допустимыми. Важно обеспечивать надлежащую процедуру сбора и представления таких доказательств, чтобы исключить возможность их фальсификации.

Пункт 55 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] определяет критерии допустимости цифровых доказательств, включая скриншоты, что делает актуальным дальнейшее совершенствование нормативной базы.

Скриншоты относятся к письменным доказательствам в форме электронных документов. Конечно же существуют сложности при проверке достоверности скриншотов, поскольку они могут быть легко изменены с помощью графических редакторов, что вызывает сомнения в их аутентичности. В российском законодательстве также отсутствуют четкие правила оформления и представления скриншотов в суде. Судебная практика подчеркивает важность их нотариального заверения. Однако эта процедура требует значительных временных и финансовых затрат.

В современной доктрине отмечается различное понимание проблем допустимости цифровых доказательств. Так, одни авторы [3, с.349] отмечают, что цифровизация гражданского судопроизводства требует не просто адаптации существующих правил допустимости, а создания принципиально новой концепции доказывания, учитывающей специфику цифровой информации.

Другие [6, с.20] рассматривают перспективы использования искусственного интеллекта при работе с цифровыми доказательствами. Обосновывается необходимость разработки специальных процессуальных

механизмов, обеспечивающих допустимость результатов применения технологий искусственного интеллекта в доказывании.

Также в отечественной доктрине акцентируется внимание на технических аспектах обеспечения допустимости цифровых доказательств, в частности, на проблемах их хранения и обеспечения целостности [5, с. 96]. Отдельно ставится вопрос о правовом статусе цифровых доказательств, когда предлагается рассматривать их как особый вид доказательств, требующий специального правового регулирования [4, 110]. Эта позиция находит поддержку и развитие в работах других исследователей.

Несмотря на признание электронных доказательств, законодательство РФ не содержит четких норм, регламентирующих их использование.

Одной из главных сложностей является несовершенство правовой базы. Законодательство РФ не выделяет электронные доказательства в отдельную категорию, что затрудняет их использование наравне с традиционными доказательствами. Например, остается неясным, к какой категории относить скриншоты, сообщения из мессенджеров и данные социальных сетей: к письменным или вещественным доказательствам.

Еще одной проблемой является безопасность данных. Электронные доказательства должны храниться и передаваться с использованием надежных мер защиты от несанкционированного доступа, кибератак и случайного повреждения. Шифрование данных, использование защищенных каналов связи и регулярное резервное копирование являются обязательными условиями для сохранения целостности и конфиденциальности информации. Несоблюдение этих требований может привести к потере важных доказательств и срыву судебного процесса.

В заключение, использование информационных технологий в гражданском процессе – это несомненный прогресс, но он сопряжен с серьезными вызовами. Для успешного решения проблем, связанных с применением цифровых доказательств, необходимы комплексные меры: уточнение законодательной базы, повышение квалификации юристов и судей, развитие методов проверки подлинности и обеспечение безопасности электронных данных. Только в этом случае электронные доказательства смогут полностью реализовать свой потенциал и способствовать принятию справедливых и обоснованных судебных решений

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // СЗ РФ. - № 46. - ст. 453.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. -2019. - № 7

3. Гелиева И.Н. Использование цифровых технологий в гражданском судопроизводстве // Ученые Записки Крымского Федерального Университета Имени В. И. Вернадского Юридические Науки. - 2023. Т. 9 (75). - № 3. - С. 349-355.
4. Кулагин И. И., Кулагина АА. Влияние цифровизации на судебное доказывание в гражданском процессе // Актуальные вопросы современной науки и образования. - 2022. - С. 110-112.
5. Луконина ЮА Цифровая трансформация института судебного доказывания и доказательств // Регулирование правоотношений: вопросы истории, теории и юридической практики. - 2021. - С 96-99.
6. Нахова Е. А., Волков Д. В., Игитов А. М. Отдельные проблемы внедрения искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство // Ленинградский юридический журнал. - 2023. - № 3 (73). - С. 19-30

Тумасян Виктория Александровна

Бакалавр юриспруденции,

Студентка 1 курса СмолГУ

магистратуры факультета истории и права

Заместитель директора филиала

«АтомЭнергоСбыт» Смоленск по правовым вопросам

г. Смоленск, Россия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Tumasyan Victoria Aleksandrovna

Bachelor of Law,

1st year student of Smolensk State University

Master's degree program, Faculty of History and Law

Deputy Director of the branch of

"AtomEnergoSbyt" Smolensk on legal issues

Smolensk, Russia

LEGAL REGULATION OF SMART CONTRACTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LEGISLATION

¹ Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско - правовых дисциплин Смолгу Сенкевич Виктория Валерьевна

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования смарт-контрактов в контексте развития цифровой экономики в России. Рассмотрены концептуальные основы смарт-контрактов, принципы их функционирования, преимущества и уязвимости. Проанализировано текущее состояние правового регулирования смарт-контрактов в России, выявлены существующие пробелы и противоречия. С учетом международного опыта и специфики российской правовой системы предложены возможные пути совершенствования правового регулирования смарт-контрактов, направленные на создание благоприятных условий для развития инноваций при обеспечении необходимого уровня правовой определенности и защиты прав участников правоотношений.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, цифровая экономика, правовое регулирование, цифровые финансовые активы.

Abstract. The article examines the problem of legal regulation of smart contracts in the context of the development of the digital economy in Russia. The conceptual foundations of smart contracts, the principles of their functioning, advantages and vulnerabilities are considered. The current state of legal regulation of smart contracts in Russia is analyzed, existing gaps and contradictions are identified. Considering international experience and the specifics of the Russian legal system, possible ways to improve the legal regulation of smart contracts are proposed, aimed at creating favorable conditions for the development of innovations while ensuring the necessary level of legal certainty and protection of the rights of participants in legal relations.

Keywords: smart contract, blockchain, digital economy, legal regulation, digital financial assets.

Технологическое развитие, являясь неотъемлемым атрибутом современной действительности, зачастую опережает правовое регулирование, которое призвано закрепить и легитимизировать инновационные процессы в обществе. Как отмечают исследователи, правовая система следует за технологическим прогрессом, но редко действует на опережение [3; 7]. Данная тенденция особенно очевидна в условиях цифровизации, когда реализация инновационного потенциала, включающая разработку, развитие и внедрение новых технологий, демонстрирует беспрецедентную скорость распространения. В этом контексте правовая система адаптируется к изменениям лишь постепенно, стремясь найти баланс между необходимостью регулирования и поддержанием гибкости для дальнейшего развития технологий [5]. Одним из ярких примеров такого несоответствия между технологическим и правовым развитием является область смарт-контрактов. Несмотря на то, что концепция смарт-контрактов была предложена еще в 1990 х годах [1], они по-прежнему остаются пробелом в законодательном регулировании. Если правовое регулирование смарт-контрактов и осуществляется, то скорее косвенно, через общие нормы договорного права,

чем напрямую. Тем не менее, рынок смарт-контрактов демонстрирует устойчивый рост: в 2024 году его объем составил 2,63 млрд долларов США, и ожидается, что в ближайшие несколько лет этот рынок будет расти в геометрической прогрессии. Согласно прогнозам, к 2029 году объем рынка смарт-контрактов достигнет 7,45 млрд долларов США при среднегодовом темпе роста (CAGR) 23,4% [15]. Данный тренд видится неизбежным не только в финансовом аспекте, но и в плане географического распространения. Россия не является исключением в этом процессе, однако вопрос правового регулирования смарт-контрактов в российском контексте имеет свою специфику и требует более глубокого анализа. Именно эта проблематика находится в фокусе данной статьи, которая призвана решить несколько взаимосвязанных задач:

- концептуализация понятия «смарт-контракт» и определение принципов его функционирования в условиях цифровизации;
- проведение всестороннего анализа текущего состояния правового регулирования смарт-контрактов в России с выявлением существующих пробелов;
- рассмотрение перспективы развития законодательства в этой области с учетом международного опыта и специфики российской правовой системы.
- предложение возможных путей совершенствования правового регулирования смарт-контрактов в России, направленные на создание благоприятных условий для развития инноваций при обеспечении необходимого уровня правовой определенности.
- методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также специальные юридические методы - формально-юридический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования.

Результаты исследования.

Перед тем, как приступить к детальному анализу правового регулирования смарт-контрактов в России, необходимо определиться с терминологическим аппаратом и концептуальными основами данного феномена. Термин «смарт-контракт» (от англ. "smart contract" - "умный контракт") был введен американским ученым и криптографом Ником Сабо еще в 1994 году. В своей статье "Умные контракты: строительные блоки для цифровых рынков" он определил смарт-контракт как компьютерный протокол, который самостоятельно выполняет условия контракта [13]. По сути, смарт-контракт представляет собой программный код, который автоматически исполняет обязательства сторон при наступлении определенных условий, заложенных в этот код. Таким образом, смарт-контракты призваны обеспечить высокий уровень надежности, прозрачности и эффективности в исполнении

договорных обязательств без необходимости участия третьих сторон, таких как банки, юристы или государственные органы.

Принцип работы смарт-контрактов основан на технологии распределенных реестров (блокчейн), которая обеспечивает неизменность и децентрализацию хранения информации [1]. Смарт-контракт представляет собой программный код, написанный на специальном языке программирования (например, Solidity для платформы Ethereum) и развернутый на блокчейне. Условия смарт-контракта прописываются в виде логических операторов "если-то" (if-then), которые автоматически выполняются при наступлении определенных событий или выполнении заданных условий [12]. Например, если покупатель переводит оплату за товар на смарт-контракт, то смарт-контракт автоматически передает право собственности на товар покупателю и переводит деньги продавцу. Все транзакции и изменения состояния смарт-контракта записываются в блокчейн, что обеспечивает их неизменность и возможность проверки всеми участниками сети. При этом, помимо технологии блокчейна, целостное функционирование смарт-контрактов обеспечивает и другими цифровыми технологиями, среди которых:

1. Криптография - используется для обеспечения безопасности и подлинности транзакций в блокчейне. Каждый участник сети имеет свою пару криптографических ключей (публичный и приватный), которые используются для подписи транзакций и проверки их подлинности.

2. Консенсусные механизмы - набор правил и алгоритмов, которые обеспечивают достижение согласия между участниками сети относительно текущего состояния блокчейна и валидности транзакций. Наиболее распространенными консенсусными механизмами являются Proof-of-Work (PoW) и Proof-of-Stake (PoS).

Участниками смарт-контрактов могут быть:

1. Стороны договора - лица или организации, которые заключают смарт-контракт и принимают на себя определенные обязательства.

2. Блокчейн-платформа - децентрализованная распределенная база данных, на которой записывается программный код смарт-контракта.

3. Оракулы - внешние источники данных, предоставляющие смарт-контракту информацию о наступлении определенных событий в реальном мире (например, изменение курса валют, получение платежа и т.д.)

Уже на уровне концептуализации смарт-контрактов возникают определенные юридические нюансы, которые необходимо учитывать при их правовом регулировании. Несмотря на очевидные преимущества смарт-контрактов – автоматизация исполнения обязательств, снижение затрат на посредников и повышение прозрачности сделок – их использование порождает ряд юридических вопросов и проблем. Одним из центральных вопросов является правовой статус смарт-контрактов и их соотношение с

традиционными договорами. В большинстве юрисдикций смарт-контракты не имеют самостоятельного правового статуса и рассматриваются лишь как способ исполнения обязательств по договору. При этом возникают вопросы, связанные с действительностью и исполнимостью смарт-контрактов, возможностью их изменения или расторжения, ответственностью сторон за ненадлежащее исполнение обязательств и разрешением споров.

Другой проблемой является обеспечение безопасности и надежности смарт-контрактов. Поскольку смарт-контракты представляют собой программный код, они подвержены ошибкам и уязвимостям, которые могут привести к непредвиденным последствиям и финансовым потерям для сторон. Яркими примерами таких инцидентов являются атака на The DAO в 2016 году, в результате которой было похищено более 50 миллионов долларов в криптовалюте Ethereum, или недавняя (2022 г.) уязвимость в смарт-контракте криптовалютной биржи Binance, которая позволила хакерам вывести токены на сумму более 500 млн. долларов [6; 8]. Эти инциденты подчеркивают необходимость разработки стандартов безопасности смарт-контрактов, а также создания правовых механизмов для защиты прав сторон в случае возникновения злонамеренных действий.

В России правовое регулирование смарт-контрактов находится в стадии становления и характеризуется фрагментарностью и отсутствием единого подхода. В настоящее время в российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «смарт-контракт». Вместо этого используется более общий термин «применение информационных технологий», который был введен в статью 309 Гражданского кодекса РФ в 2019 году. Согласно этой статье, «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки» [2]. Несмотря на отсутствие прямого упоминания смарт-контрактов, данная норма фактически легализует их использование в гражданско-правовых сделках. При этом смарт-контракты рассматриваются не как самостоятельная правовая конструкция, а как способ исполнения обязательств, вытекающих из традиционного договора. Это означает, что для признания юридической силы смарт-контракта необходимо заключение основного договора в письменной форме, в котором будут определены существенные условия сделки и порядок применения информационных технологий для исполнения обязательств.

Отдельные аспекты использования смарт-контрактов регулируются также другими нормативно-правовыми актами. Например, ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ, хотя и косвенно по отношению к смарт-контрактам, устанавливает правовые основы использования информационных технологий

и определяет принципы обработки и защиты информации в электронной форме. В свою очередь, Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" [10] ввел понятие «цифровых прав» и установил правила их оборота. Под цифровыми правами понимаются «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» (ст. 141.1). Смарт-контракты могут использоваться для осуществления и передачи цифровых прав, однако конкретный порядок их применения в этой сфере пока не определен.

Важным шагом в развитии правового регулирования смарт-контрактов стало принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11]. Данный закон ввел понятие «цифровых финансовых активов» (ЦФА), к которым отнесены цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Закон допускает выпуск, учет и обращение ЦФА на специальных информационных системах - платформах ЦФА, которые должны соответствовать установленным требованиям (ст. 2, ст. 4, ст. 5). Смарт-контракты могут использоваться для выпуска и обращения ЦФА на таких платформах, однако четкий порядок их применения также должен быть определен в правилах информационной системы.

Несмотря на наличие отдельных норм и инициатив (например, в 2020 г. Минэкономразвития РФ представил законопроект, предусматривающий возможность использования типовых смарт-контрактов с автоматической проверкой выполнения договорных условий) в сфере правового регулирования смарт-контрактов, в России пока отсутствует единый и комплексный подход к данному вопросу. Существующие правовые нормы носят фрагментарный характер и не охватывают все аспекты использования смарт-контрактов. Это создает правовые риски и неопределенность для участников соответствующих отношений. В частности, остаются открытыми вопросы о правовой природе смарт-контрактов, их соотношении с традиционными договорами, порядке разрешения споров, вытекающих из смарт-контрактов, ответственности сторон за ненадлежащее исполнение обязательств, обеспечении безопасности и конфиденциальности данных и др.

Для преодоления этих проблем и создания благоприятных условий для развития технологии смарт-контрактов в России необходимо формирование комплексной правовой базы, учитывающей международный опыт и специфику российской правовой системы. В качестве ориентира могут быть использованы

подходы, применяемые в других странах, где регулирование смарт-контрактов получило более широкое развитие. Одной из первых стран, официально признавших юридическую силу смарт-контрактов, стала Республика Беларусь. В 2017 году здесь был принят Декрет Президента № 8 "О развитии цифровой экономики" [4], который легализовал смарт-контракты и определил их как программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий. При этом лицо, совершившее сделку с помощью смарт-контракта, считается надлежащим образом, исполнившим соответствующее обязательство.

В США единое федеральное регулирование смарт-контрактов отсутствует, однако ряд штатов принял собственные законы в этой сфере. Например, в штате Аризона в 2017 году был принят закон HB 2417, который признает юридическую силу смарт-контрактов и электронных подписей, используемых для их заключения [4, с. 90]. При этом смарт-контракт определяется как событийно-управляемая программа, работающая на распределенном, децентрализованном, разделяемом и реплицируемом реестре, которая может принимать на хранение и передавать активы в этом реестре [9]. Аналогичные законы приняты также в штатах Теннесси, Вермонт, Огайо и др. В Великобритании смарт-контракты рассматриваются в рамках общего регулирования электронных договоров и подписей. В частности, Закон об электронных коммуникациях 2000 года (Electronic Communications Act) признает юридическую силу электронных подписей и договоров, заключенных в электронной форме. При этом смарт-контракты могут рассматриваться как разновидность электронных договоров, если они соответствуют общим требованиям договорного права (наличие оферты, акцепта, встречного предоставления и др.). В Китае подход к регулированию смарт-контрактов носит более ограничительный характер. В 2021 году Народным банком Китая было выпущено т.н. «Уведомление 924» - "Уведомление о дальнейшем предотвращении рисков спекуляции виртуальными валютами", которые фактически запретили использование смарт-контрактов для проведения ICO и выпуска токенов. В то же время смарт-контракты могут использоваться в других сферах, например, для автоматизации процессов в рамках существующих правовых конструкций (договоры поставки, подряда и др.) [14].

С учетом международного опыта и специфики российской правовой системы можно предложить следующие направления совершенствования правового регулирования смарт-контрактов в России:

1. Разработка и принятие специального закона о смарт-контрактах, который бы дал легальное определение данного понятия, установил требования к форме и содержанию смарт-контрактов, определил их правовой

статус и соотношение с традиционными договорами, урегулировал вопросы ответственности и порядка разрешения споров.

2. Внесение изменений в действующее гражданское законодательство (в частности, в ГК РФ) с целью определения правового статуса смарт-контрактов как особой разновидности договоров, заключаемых и исполняемых в электронной форме. При этом необходимо уточнить порядок заключения смарт-контрактов, требования к их форме и содержанию, условия действительности, основания изменения и расторжения и т.д.

3. Определение на уровне закона требований к информационным системам и платформам, обеспечивающим заключение и исполнение смарт-контрактов. В частности, необходимо установить критерии безопасности и надежности таких систем, порядок идентификации сторон, требования к хранению и обработке данных и т.п. Важную роль здесь могут сыграть специализированные платформы на базе российской инфраструктуры (например, платформа "Мастерчейн" Ассоциации ФинТех, или иные российские финансовые экосистемы – «Atomyze», «Лайтхаус»).

4. Стимулирование развития и внедрения технологии смарт-контрактов в различных секторах экономики (финансы, логистика, энергетика, здравоохранение и др.) путем создания регуляторных «песочниц», предоставления налоговых и иных преференций для компаний, использующих смарт-контракты, поддержки пилотных проектов и исследований в данной сфере.

5. Обеспечение правовой защиты прав и интересов сторон смарт-контрактов, в том числе путем создания специализированных органов по разрешению споров (арбитража), разработки типовых условий смарт-контрактов, введения механизмов страхования и компенсации убытков в случае технических сбоев или ошибок в коде смарт-контракта.

6. Развитие международного сотрудничества в сфере регулирования смарт-контрактов, включающая в себя гармонизацию национального законодательства с нормами международного права, заключение двусторонних и многосторонних соглашений о признании юридической силы смарт-контрактов, создание единых технических стандартов и протоколов. Здесь наиболее релевантным представляется укрепление сотрудничества с государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в частности, с упомянутой выше Республикой Беларусь, которая является одним из первых стран в области правового регулирования смарт-контрактов и представляет собой стратегического партнера России. Кроме того, учитывая переориентацию России на сотрудничество с восточными партнерами в период 2022-2023 гг., важное значение приобретает изучение и адаптация опыта Китая в сфере регулирования смарт-контрактов.

В заключение следует отметить, что развитие технологии смарт-контрактов и ее правового регулирования является одним из трендов

современной цифровой экономики. Несмотря на наличие ряда проблем и вызовов, связанных с обеспечением безопасности, совместимости и правовой определенности смарт-контрактов, их использование открывает широкие возможности для оптимизации бизнес-процессов, снижения транзакционных издержек и повышения эффективности взаимодействия между участниками экономических отношений. Россия находится только в начале пути по созданию правовых основ для использования смарт-контрактов, и многие вопросы еще предстоит решить как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Однако уже сейчас очевидно, что смарт-контракты являются перспективной и востребованной технологией, которая будет активно развиваться и интегрироваться в различные сектора экономики. Задача государства в этих условиях состоит в том, чтобы своевременно отреагировать на технологические вызовы и создать необходимые правовые условия для внедрения и использования смарт-контрактов в национальной юрисдикции. От того, насколько эффективно будет решена эта задача, во многом будет зависеть конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность российской экономики в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. ГК РФ Статья 309. Общие положения // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/1cd43e51fbd4129343b325971a466ec5cd32a425/ (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.
3. Федеральный закон "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" от 18.03.2019 N 34-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.
4. Бурков А. Ethereum: работа с сетью, смарт-контракты и распределенные приложения. — ЛитРес, 2020. — С. 542.
5. Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. №9. / [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operezhayuschiy-harakter->

- pravotvorchestva-i-problema-sinhronizatsii-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.
6. Захаркина, А. В. Компаративный анализ правового регулирования смарт-контрактов в РФ и зарубежных правовых порядках / А. В. Захаркина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. - № 4. – С. 87-93.
 7. Крысенкова, Н. Б. Право перед вызовами технологической революции (обзор XIV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов) / Н. Б. Крысенкова, О. И. Сакаева // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 167-189.
 8. Манахова, И. В. Управление в сфере децентрализованных финансов на основе технологии блокчейн / И. В. Манахова, К. А. Колмыков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2024. – Т. 40. - № 3. – С. 416-432. – DOI 10.21638/spbu05.2024.304.
 9. Петрова, К. Е. Технический прогресс и правовая сфера / К. Е. Петрова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 38 (433). — С. 145-147.
 10. Сеть Binance вернулась к работе после хакерского взлома и кражи \$100 млн // РБК. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/633fca709a794731fd885e90?from=copy> (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.
 11. Скиперский А. С. Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных странах // Юридическая наука. 2022. №2. / [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-smart-kontraktov-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 10.02.2025). — Текст : электронный.
 12. Фролов А. Создание смарт-контрактов Solidity для блокчейна Ethereum. Практическое руководство. — ЛитРес, 2022. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-frolov-198/sozдание-smart-kontraktov-solidity-dlya-blokcheyna-et-45279075/> (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.
 13. Чулюкина, П. И. Смарт-контракт в договорном праве в контексте цифровизации / П. И. Чулюкина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5(96). – С. 257-260. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-9-5-257-260.
 14. Lei, Chen & Wang, Jia. (2019). Regulating Smart Contracts and Digital Platforms A Chinese Perspective. 10.1017/9781108592239.010. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.researchgate.net/publication/346503570> (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.
 15. Smart Contracts Global Market Report 2025 // The Business. Research Company. / [Электронный текст] URL:

<https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/smart-contracts-global-market-report> (дата обращения: 10.02.2025). — Текст: электронный.

Уметалиева Айза Хисметовна
магистрант Международного
юридического института,
г. Москва, Россия

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА¹

Umetalieva Aiza Khismetovna,
Master's student at the International Law Institute,
Moscow, Russia

INHERITANCE LAW IN A MODERN DIGITAL SOCIETY

Аннотация. В статье на основе анализа исследовано, как цифровизация общества влияет на наследственное право, и рассмотрены механизмы, которые позволят защитить права наследников в новых условиях. В статье анализируются тенденции развития наследственного права, обусловленные признанием в качестве объектов цифровых прав, постепенным распространением электронных завещаний, использованием для их составления и исполнения технологии распределенного реестра, в том числе блокчейн.

Abstract. Based on the analysis, the article examines how the digitalization of society affects inheritance law, and examines the mechanisms that will protect the rights of heirs in the new conditions. The article analyzes the trends in the development of inheritance law due to the recognition of digital rights as objects, the gradual spread of electronic wills, and the use of distributed registry technology, including blockchain, for their compilation and execution.

Ключевые слова: наследственное право, современное цифровое общество, цифровизация, цифровые технологии, онлайн-платформа, цифровое наследование, цифровые завещания, технология блокчейн

¹ Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Смоленский филиал Международного юридического института, Пучкова Виктория Викторовна

Keywords: inheritance law, modern digital society, digitalization, digital technologies, online platform, digital inheritance, digital wills, blockchain technology.

Наследственное право остаётся актуальным в условиях современного цифрового общества, так как цифровизация создаёт новые вызовы для традиционных механизмов наследования. Появление цифровых активов (криптовалют, аккаунтов в социальных сетях и др.) и электронных завещаний требует переосмысления устоявшихся подходов и совершенствования законодательного регулирования.

В современном мире стремительное развитие цифровых технологий и появление новых форм собственности бросают вызов классическим принципам наследственного права. Традиционная система наследования сталкивается с необходимостью адаптации к реалиям цифровой эпохи, где существуют криптовалюты и иные цифровые активы. Законодательство требует существенной модернизации, особенно в части признания электронных форм волеизъявления наследодателя. При этом наследственное право, являясь ключевым элементом гражданско-правовой системы, продолжает выполнять свою фундаментальную функцию - обеспечивать баланс частных и общественных интересов, гарантируя непрерывность имущественных правоотношений и защищая права, как наследодателей, так и их близких [2, с. 221].

В современном мире остро стоит проблема передачи по наследству цифровых объектов - от аккаунтов в социальных сетях до криптовалютных активов. Особую сложность представляет наследование криптовалют и токенов из-за особенностей технологии распределенного реестра, которая делает практически невозможным для наследников получить информацию и доступ к цифровому имуществу умершего владельца. Законодательное регулирование этой сферы существенно отстает как в России, так и за рубежом несмотря на то, что рынок цифровых активов, включающий электронные документы, медиаконтент и другие подобные объекты, оценивается в миллионы долларов. Доступ к онлайн-аккаунтам наследодателя также остается одним из наиболее проблематичных аспектов цифрового наследования.

В современном мире существует множество цифровых ценностей, включая файлы различных форматов, учетные записи в банках и социальных сетях, электронную почту, а также новые финансовые инструменты - криптовалюты, токены и домены. Несмотря на то, что эти активы оцениваются в миллиардах долларов, российское право пока не может обеспечить их полноценное регулирование. Особенно остро стоит вопрос передачи цифрового имущества по наследству - это становится первоочередной задачей в процессе модернизации наследственного законодательства. При этом некоторые виды цифровых активов, такие как криптовалюты и токены,

практически невозможно унаследовать без наличия ключей доступа от первоначального владельца [4, с. 34].

В современном мире остро встает вопрос доступа к цифровому наслeдству умерших людей. Трагический случай в Берлине, когда родители пытались выяснить обстоятельства гибели своей 15-летней дочери через её Facebook-аккаунт, наглядно демонстрирует эту проблему [6]. Особую сложность представляет наследование виртуальных активов, использующих технологию распределенного реестра, где доступ строго ограничен владельцами. Даже официальные запросы не позволяют получить информацию о таких цифровых активах умершего человека. Социальные сети и другие интернет-аккаунты также остаются закрытой территорией для наследников, создавая правовой вакуум в сфере цифрового наследования.

Facebook заблокировал доступ к аккаунту, что побудило семью обратиться в судебные инстанции. Рассмотрев дело, суд вынес вердикт, поддерживающий позицию родителей и предписывающий социальной сети открыть им доступ к странице. В своем решении судебный орган подчеркнул необходимость равноправного отношения к традиционному и виртуальному имуществу. Такой подход призван устранить нелогичную ситуацию, при которой рукописные дневники и письма могли бы переходить к наследникам, а электронная переписка и сообщения в Facebook - нет.

В эпоху цифровых технологий возник важный прецедент, касающийся посмертного доступа к онлайн-данным. Facebook оспорил постановление, беспокоясь о конфиденциальности переписки других пользователей с покойной. Правовая инстанция обосновала своё решение тем, что законные представители вправе контролировать интернет-активность своих детей, не достигших совершеннолетия. Это дело стало катализатором дискуссии о цифровом наследстве и правомочности распоряжения виртуальным присутствием человека после его ухода из жизни.

В европейском законодательстве уже давно узаконены электронные завещания, в то время как в России этот вопрос остается неурегулированным. Действующие нормы категорически требуют соблюдения традиционной формы завещательных документов, иначе они признаются недействительными. Хотя данное требование кажется нам чрезмерно строгим, отступить от него нельзя из-за существующих правовых рамок. Отсутствие регламентации цифровых форм завещаний, включая порядок их оформления и исполнения, а также их юридический статус, можно считать существенным недостатком современного наследственного законодательства.

В начале 2000-х годов появились первые онлайн-платформы для создания завещаний, хотя процесс все еще требовал распечатки, подписи и официального заверения документов, согласно законодательным нормам. Цифровизация постепенно охватывает все сферы жизни — это глобальный тренд, которому следует и российское гражданское право. Если раньше для

совершения платежей, налоговых отчислений или подачи судебных исков требовалось физическое присутствие и бумажные носители, то теперь эти процедуры успешно перешли в цифровой формат. Учитывая мировые тенденции развития электронного документооборота, можно с уверенностью сказать, что и в России этот вопрос найдет эффективное решение.

В современном мире люди все чаще используют цифровые технологии для составления завещаний - от мобильных приложений до облачных хранилищ и YouTube. Однако развитие социальных сетей и повсеместное использование смартфонов создало дополнительные сложности в наследственном праве. Юридическая недействительность документов часто возникала из-за несоблюдения формальных требований. Это привело к необходимости узаконить электронные завещания, возможно с привлечением судебных инстанций для их признания.

В разных странах мира наблюдается различный подход к признанию цифровых завещаний. Российское законодательство, а именно ГК РФ (статья 1124, пункт 1), категорически запрещает использование технических средств и ИКТ при составлении завещательных документов [1]. Однако в мировой практике ситуация иная. Так, в странах англо-саксонского права, включая Соединенные Штаты и Австралию, уже существуют прецеденты признания таких завещаний. Более того, многие европейские государства активно обсуждают возможность легализации аудио- и видеозаписей завещаний на законодательном уровне. Несмотря на формальную незаконность подобных документов, их растущая распространенность создает необходимость рассмотрения каждого случая в индивидуальном порядке для возможной юридической легитимации.

В современных реалиях существует множество методов биометрической идентификации - от сканирования отпечатков пальцев до распознавания радужной оболочки глаза и рисунка вен. Однако эти технологии всё ещё проходят тестирование и требуют дальнейшего совершенствования. Ключевой проблемой остается отсутствие надежных инструментов верификации подлинности цифровых завещаний. Хотя в будущем ограничения на электронные завещания, вероятно, будут отменены, предварительно необходимо разработать комплексную систему защиты от потенциальных угроз при их составлении и оформлении. Это позволит минимизировать возможные риски, связанные с цифровым форматом документов такой важности.

В эпоху цифровизации наследственное право активно развивается в направлении внедрения блокчейн-технологий для работы с завещаниями. Эта инновационная система позволяет обеспечить достоверность документов и может стать ключевым решением в сфере наследования. Существующие методы защиты электронных завещаний, включая применение цифровых маркеров, пока не могут гарантировать полную безопасность от вмешательства

третьих лиц. Для решения этой проблемы требуется создание специализированного программного обеспечения. Именно технология блокчейн представляется оптимальным выходом, поскольку она обеспечивает надежную верификацию документов и их защиту от несанкционированных изменений. Таким образом, блокчейн-завещания становятся перспективным направлением модернизации наследственного законодательства в современном цифровом мире [5, с. 12].

Технология блокчейн позволяет создавать особый тип завещаний, где информация существует в децентрализованной форме. Отличительной особенностью такой системы является полное отсутствие единого контролирующего центра, что гарантирует защиту от утечек данных через административные каналы. Завещательные документы формируются в виде последовательно связанных информационных блоков, образующих непрерывную цепь. Участники системы получают возможность автономно управлять документами: они могут не только сохранять и обрабатывать данные, но и совершать различные операции с ними. Важным преимуществом является независимость этой системы от централизованных серверов, что обеспечивает дополнительную надежность хранения информации.

Технология блокчейн обеспечивает надежную защиту от подделок благодаря особой системе хранения данных. Каждая новая информация формируется в блоки, которые неразрывно соединяются между собой в единую цепочку, образуя постоянное защищенное хранилище [3, с. 38].

Что касается наследственных дел, применение этой технологии позволяет полностью трансформировать традиционный процесс наследования. Система не только обеспечивает конфиденциальность данных завещателя и его активов, но и делает ненужным участие посредников - нотариусов и других специалистов. При этом процессы создания и выполнения завещания происходят автоматически, а любые попытки внешнего вмешательства или изменения документа становятся технически невозможными.

Процесс наследования с использованием технологии блокчейн открывает новые возможности, но несет определенные риски. Наследодатель может выбрать различные способы удостоверения своей воли: от традиционного нотариального заверения до современных методов с применением криптографических ключей. В последнем случае возможно назначение специального хранителя ключей, обязанного информировать наследников через интернет после смерти завещателя.

Однако отсутствие государственного надзора в системе блокчейн-завещаний создает потенциальную угрозу для всех вовлеченных сторон. Особую обеспокоенность вызывает защита интересов самого завещателя, хотя риски распространяются и на других участников наследственного процесса. Выход наследственных отношений из-под контроля государственных органов может привести к существенным нарушениям в области гражданского права.

Правовое регулирование цифрового наследования требует тщательной проработки и создания специальной юридической базы. Наиболее эффективным решением может стать формирование концепции, подобной существующей системе виртуальной собственности. Это позволит сделать процесс наследования цифровых активов более упорядоченным и юридически защищенным.

Включение цифровых прав в состав наследуемого имущества создает ряд сложностей, особенно в части идентификации наследодателя и обеспечения доступа к цифровым активам. Оптимальным инструментом для урегулирования этих вопросов выступает наследственный договор. Данный документ не только четко определяет перечень передаваемых цифровых прав, но и детально регламентирует механизм их перехода к наследникам, обеспечивая правовую защиту всех участников процесса наследования.

В эпоху цифровизации наследственные договоры станут особенно востребованными для передачи цифровых активов будущим поколениям. Хотя сейчас завещания остаются более популярным инструментом среди наследодателей, именно договорная форма наследования открывает новые возможности в сфере передачи цифровых прав. При составлении такого договора требуется детальная спецификация: необходимо указать сетевую локацию цифровых объектов, документально подтвердить их происхождение, а также внести информацию о держателях криптографических ключей и кодов авторизации. Каждый цифровой актив должен получить исчерпывающее описание в документе, не оставляющее простора для двойных толкований.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301
2. Карев К.В. Наследование по закону и по завещанию: проблемы и перспективы развития в условиях цифровизации // Вестник науки. – 2024. - № 12 (81). - С. 220 - 229.
3. Кириллова Е. А. Основные проблемы наследования цифровых активов // Наследственное право. - 2020. - № 2. - С. 37-39.
4. Цареградская Ю. К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. - 2021. -№ 2(12). - С. 32-38.
5. Яценко Т. С. Наследование цифровых прав // Наследственное право. - 2019. - № 2. - С. 11-14.
6. German parents sue Facebook because it won't grant them access to their dead daughter's account as they try to find out if her death five years ago

was suicide or an accident // Электронный ресурс // URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4451174/Parents-sue-Facebook-access-dead-daughter-saccount.html> (Дата обращения: 13.02.2025 г.).

Хлуднев Павел Игоревич

магистрант 1 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА: ПРИЗНАКИ И СУЩНОСТЬ¹

Khludnev Pavel Igorevich

1rd year master's student
Smolensk State University
Smolensk, Russia

UNFAIR CONTRACT TERMS: SIGNS AND ESSENCE

Аннотация. Для современного гражданского права на современном этапе развития характерно наличие многочисленных видов гражданско-правовых договоров с различными условиями, которые стороны вправе утверждать по своему усмотрению. При этом, особо актуальным вопросом становится вопрос о несправедливых условиях договора, которые не только противоречат принципу соблюдения баланса интересов, но и влекут негативные последствия для той или иной стороны. Многие правоведы посвятили свои работы изучению понятийного аппарата такого явления как «несправедливые условия договора» с анализом основных признаков и сущности. В рамках данной статьи будут изучены указанные мнения авторов, с последующей оценкой признаков недобросовестности поведения и навязывания неблагоприятных условий слабой стороне.

Abstract. Modern civil law at the present stage of development is characterized by the presence of numerous types of civil law contracts with various conditions, which the parties have the right to approve at their discretion. At the same time, the issue of unfair contract terms becomes a particularly relevant issue, which not only contradicts the principle of maintaining a balance of interests, but also entails negative

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, Сирик Наталия Валериевна

consequences for one party or another. Many legal scholars have devoted their work to the study of the conceptual framework of such a phenomenon as "unfair contract terms" with an analysis of the main features and essence. Within the framework of this article, the indicated opinions of the authors will be studied, followed by an assessment of the signs of unfair behavior and the imposition of unfavorable conditions on the weak side.

Ключевые слова: условия договора, несправедливые условия договора, принципы гражданского права, защита слабой стороны договора.

Key words: terms of the contract, unfair terms of the contract, principles of civil law, protection of the weak side of the contract.

Реализация принципа свободы договора гражданского права предопределяет возможность заключения сторонами договора на тех условиях, которые прямо определены ими. Однако, данный принцип предопределяет возможность возникновения так называемых несправедливых условий, которые могут быть не выгодны в тех или иных случаях одной из сторон, что заведомо известно другой стороне. Современная судебная практика обусловлена многочисленными правовыми спорами, когда лицо пытается доказать свою неосведомленность в том или ином вопросе и последствиях включения тех или иных условий в содержание договора. В этом ключе отметим, что понятие несправедливых условий тесно взаимосвязано с таким понятием, как недобросовестные условия и, соответственно, недобросовестное поведение стороны при заключении договора. В этой связи вопросы оценки условий на предмет добросовестности в современной правовой доктрине становятся не просто актуальными, а требующими отдельной законодательной приюдиции с целью верного и единообразного применения судами при разрешении указанной категории споров.

Но, прежде чем перейти к анализу непосредственно несправедливых условий договоров, обратим внимание на основополагающий принцип гражданского права, закрепленный в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), предопределяющий юридическое равенство участников гражданско-правовых договоров. Данный принцип закреплен в ст. 1 ГК РФ [1].

Данный принцип предполагает, что стороны, вне зависимости от их социального, общественного, экономического или иного статуса, должны находиться в равных условиях относительно предмета договора, исключая возможность создания неблагоприятных последствий для обеих сторон. При этом, сразу можно отметить, что на практике стороны не всегда оказываются в равных условиях. Это также обуславливается тем, что юридические лица могут находиться в более выгодных условиях, даже с позиции юридической грамотности и осведомленности, относительно физических лиц.

Отметим, что, несмотря на актуальность и значимость рассматриваемого нами вопроса, в Гражданском кодексе отсутствует определение недобросовестных условий с раскрытием характеризующих признаков и особенностей. При этом многие авторы рассматривали данное понятие в своих работах, выделяя основные характеризующие признаки и особенности, оценивая возможные последствия и способы предотвращения недобросовестности.

Отметим определение, предложенное И.А. Таракановой, которая отмечала, что «недобросовестным (несправедливым) условием потребительского договора является условие, которое включено хозяйствующим субъектом в договор с целью приобретения явных или скрытых преимуществ без согласования в индивидуальном порядке его содержания и которое приводит к значительному дисбалансу в вытекающих из потребительского договора субъективных правах и обязанностях в ущерб гражданину-потребителю»[3, с. 27].

Аналогичным образом трактует недобросовестные условия в потребительских договорах И.А. Криворученко, относя к таким условиям те, которые «тем или иным способом ущемляют права потребителя, являющегося слабой стороной в договоре, в определенной степени вынужденного заключать договоры на предложенных (навязываемых) условиях»[2, с. 7].

Анализ несправедливых условий наводит на выделение основным признаков, характеризующих несправедливые условия договора. К тем признакам можно отнести:

1. Обременительность и кабальность условий для одного из контрагентов. Речь идет и о тех ситуациях, когда несправедливые условия являются скрытыми и могут быть обнаружены только при возникновении какой-либо ситуации, отраженной в договоре в будущем времени. Например, отказ страховщика от какой-либо предусмотренной законом выплаты, внося данные условия в договор, что порождает возникновение спорных ситуаций, а также многочисленные иски в суд.

2. Нарушение баланса интересов. В данном случае речь идет о том, что прописанные в договоре условия предопределяют наличие выгоды от договора только одной стороной и постановку в невыгодные и несправедливые условия второй стороны. В любом случае баланс интересов является понятием обширным и может оцениваться с различных сторон. В данном случае речь идет об очевидных факторах и условиях, которые прямо указывают на то, что одна сторона находится в лучших условиях, чем вторая.

3. Необоснованное получение выгоды одной из сторон, которое извлекается в результате целенаправленных действий указанной стороны. В данном случае как раз речь идет о том, что принцип свободы договора, выражающийся в возможности установления условий на усмотрение сторон, не может подразумевать установление несправедливых для одной сторон

условий. Тем самым, в данном случае признак необоснованного получения выгоды должен выражаться в доминирующем положении одной из сторон. При разрешении споров в суде, необходимо рассматривать вопрос о злоупотреблении правом именно той стороной, которая получила более выгодные условия, принципиально отличающиеся от условий, в которых оказалась вторая сторона.

4. Несправедливое условие договора предложено и включено той стороной, в пользу которого будет работать данное условие. В данном случае отмечается тот факт, что условие не только будет работать в одну сторону, но и носит индивидуальный характер притязания, поскольку не будет согласования данного условия сторонами. Данный признак также активно проявляется при заключении договоров страхования, кредитования и микрозаймов, когда именно слабая сторона оказывается в невыгодных условиях. Отметим также, что даже в случае проведения переговоров относительно тех или иных невыгодных условий, а также отметка о том, что слабая сторона ознакомлена с ними, не может указывать на согласованность условий и нацеленность на невыгодность по воле обеих сторон.

Тем самым, приходим к выводу, что несправедливые условия договора – это такие условия, которые отражаются в договоре и предопределяют возникновение негативных последствий для одной стороны с последующим предоставлением благ и явной несоразмерной выгоды другой стороной. При этом прослеживается также нарушение принципа баланса интересов, поскольку только одна сторона оказывается в выгодных условиях, а вторая сторона будет нести бремя в части исполнения условий договора с последующими негативными для него результатами.

Баланс интересов при рассмотрении споров судами должен оцениваться с позиции обеих сторон, соразмерности условий относительно одной стороны другой и с последующими правовыми последствиями и финансовыми затратами для слабой стороны договора. Анализ баланса интересов с позиции справедливости и соразмерности также должен являться предметом рассмотрения и оценки.

Институт защиты стороны от несправедливых условий договора на сегодняшний день присутствует практически во всех мировых правовых порядках и преследует за собой цель устранения навязывания стороной, составляющей проект договора, обременительных условий, ущемляющих интересы другой стороны. Стоит отметить, что в российском законодательстве защита стороны от несправедливых условий договора долгое время была соотнесена только с договором присоединения.

В рамках данной статьи нами были проанализированы теоретические обоснования данного понятия с целью выявления возможных рычагов воздействия на данную проблематику и в последующем – усовершенствование

законодательства в целях обеспечения защиты слабых сторон при анализе спорных договоров.

В случае с несправедливыми условиями договора, считаем необходимым установить на законодательном уровне те аспекты, которые должны в совокупности подлежать анализу судами при рассмотрении спора и представленных сторонами доказательств по делу.

На наш взгляд, обязательной оценке должны подлежать такие обстоятельства, как:

- юридическая грамотность и профессионализм в конкретной сфере сторон,
- степень осведомленности в правовых последствиях и гарантиях,
- возможное конкурирование между сторонами за рамками заключенного договора,
- взаимосвязь и взаимовыгода одной стороны договора перед другой относительно дальнейшего функционирования и осуществления деятельности с третьими лицами, не являющимися сторонами в рамках оспариваемого договора.

Индивидуальные условия договора с учетом реализации принципа свободы договора также должен проверяться на соответствие принципу добросовестности и отсутствию злоупотребления одной стороны в разрез интересам другой стороны.

Считаем, что предложенные нами аспекты, подлежащие разъяснениям на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, смогут послужить положительным катализатором при рассмотрении гражданско-правовых споров о признании договоров или существенных условий договоров в части несправедливости недействительными.

Поскольку судебная практика в части договорных обязательств регулярно растет и охватывает все сферы жизни людей различных социальных слоев и групп, в том числе с учетом профессиональной деятельности, проблематика защиты слабой стороны должны особо остро и четко отражаться в наивысших судебных актах, обзорах и правоприменительной практике.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что защита слабой стороны договора – приоритетное направление деятельности судов. Тем самым, разъяснения относительно обстоятельств, подлежащих анализу и доказыванию при разрешении подобных споров в части признании условий договора несправедливыми, должно стать одной из приоритетных задач для органов законодательной и, в том числе, судебной власти.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета от 6, 7, 8 февраля 1996 г. N 23, 24, 25.

2. Криворученко, И. А. признаки несправедливых условий договора / И. А. Криворученко // Студенческий. – 2023. – № 31-5(243). – С. 5-10.
3. Тараканова, И. А. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве / И. А. Тараканова // Студенческий. – 2024. – № 29-3(283). – С. 26-30.

Цветков Егор Борисович

Студент 2 курса, Одинцовского филиала
Звенигородского учебного корпуса
Международного юридического института,
г. Звенигород, Россия

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ¹

Tsvetkov Egor Borisovich

*2nd year student, Odintsovo branch
Zvenigorod Academic Building
International Law Institute,
Zvenigorod, Russia*

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND DIGITAL CURRENCY IN CIVIL CIRCULATION

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия цифровых финансовых активов и цифровой валюты в гражданском обороте. Анализируются текущие тенденции и законодательные инициативы, направленные на регулирование данной системы экономики. Особое внимание уделяется правовым статусам цифровых активов и их роли в бизнес-практиках. Исследуется, как цифровая валюта изменяет традиционные представления о финансовых операциях и их учете. Рассматриваются возможные риски и преимущества, возникающие в ходе интеграции цифровых финансовых технологий в гражданский оборот. Завершает статью прогноз о развитии цифровых финансовых активов и их законодательно- правовом регулировании в будущем.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук Одинцовского филиала Звенигородского учебного корпуса Международного юридического института, Королева Вера Владиславовна.

Abstract. The article examines the key aspects of the interaction of digital financial assets and digital currency in civil circulation. The current trends and legislative initiatives aimed at regulating this economic system are analyzed. Special attention is paid to the legal status of digital assets and their role in business practices. The article explores how digital currency is changing traditional ideas about financial transactions and their accounting. The possible risks and advantages arising during the integration of digital financial technologies into civil circulation are considered. The article concludes with a forecast on the development of digital financial assets and their legal regulation in the future.

Ключевые слова: Цифровые финансовые активы, ЦФА, цифровая валюта, цифровой рубль, биткойн, финансы, инвестиции, блокчейн, технологии, инструменты.

Key words: Digital financial assets, CFA, digital currency, digital ruble, bitcoin, finance, investments, blockchain, technologies, tools.

Цифровизация – фундаментальное преобразование всех сфер жизни, от экономики и образования до социальных взаимодействий и здравоохранения. Этот стремительный процесс, основанный на повсеместном внедрении цифровых технологий и информационно-коммуникационных сетей, перестраивает мир, создавая новые возможности. В данной статье мы рассмотрим ключевые аспекты, связанные с цифровыми активами как объектов собственности и инструментов экономической собственности.

Цифровая валюта — это тип валюты, которая существует в электронной форме и не имеет физического проявления, как традиционные деньги. Она позволяет осуществлять транзакции в интернете, предоставляя пользователям новые возможности для расчетов и хранения средств. Цифровая валюта может быть как децентрализованной (базирующейся на технологии блокчейн), так и централизованной (выпущенной и контролируемой государственными учреждениями).

Майнинг криптовалют — это важный процесс организации и подтверждения транзакций на блокчейне. Вовремя майнинга также создаются новые единицы криптовалюты. [8. с.1]

По своей сути биткойн — это цифровые деньги и сама первая криптовалюта. Его анонс состоялся в 2008 году, а запуск — в 2009. Биткойн позволяет отправлять и получать цифровые деньги под названием биткойны (для обозначения токенов при написании используется строчная буква «б» или BTC).

В отличие от традиционных фиатных валют, выпускаемых правительствами (например, доллары или евро), Биткойн децентрализован, и ни одна организация или правительство не контролирует его. Транзакции проводятся в одноранговой сети без необходимости в посредниках, таких как банки или финансовые учреждения. [7. с.1]

ЦФА — это цифровые аналоги классических финансовых активов (золото, недвижимость, ценные бумаги и т. п.). Основное их отличие от обычных биржевых инструментов — в новых технологиях: майнинг, блокчейн, биткоин. Выпуск, обращение и учёт ЦФА происходит на основе блокчейна (распределённой базы данных всех операций, проведённых участниками системы) и смарт-контрактов (цифровых договоров).

Цифровые финансовые активы (ЦФА) представляют собой современные инструменты, которые базируются на использовании технологий цифровизации и биткойна. Они становятся все более популярными как среди частных инвесторов, так и среди крупных финансовых учреждений. Понятие "цифровой финансовый актив" охватывает широкий спектр активов и инструментов, и его правовая природа в значительной степени зависит от специфики операций с такими активами, а также от законодательной базы той или иной страны.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации экономики цифровая валюта занимает важное место в финансовых системах разных стран. С увеличением популярности криптовалюты и новаторских решений, понятие цифровой валюты становится все более актуальным.

Криптовалюта, как один из видов цифровых финансовых активов, занимает особое место в обсуждениях о правовом регулировании. Несмотря на то, что в последние годы данный вопрос стал более актуальным в России и во всем мире, правовой статус криптовалюты остается предметом дискуссий среди юристов, экономистов и регуляторов.

Криптовалюта — это децентрализованный цифровой актив, использующий криптографические технологии для обеспечения защиты и проверки транзакций, а также для контроля создания новых единиц. Криптовалюты функционируют на основе технологии блокчейн, которая позволяет вести открытый реестр всех транзакций без вмешательства сторонних третьих лиц.

Развитие цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты в России в ближайшее время будет обусловлено несколькими ключевыми факторами:

- законодательное регулирование: ожидается дальнейшее совершенствование законодательства в области ЦФА и цифровой валюты. Важно, чтобы нормы, касающиеся их использования, были разработаны и внедрены, что позволит создать четкую правовую базу для участников рынка;
- введение цифрового рубля: Центральный банк России активно работает над разработкой цифровой валюты центрального банка (CBDC), известной как цифровой рубль. Этот проект предполагает использование цифровой валюты для упрощения финансовых

транзакций, повышения финансовой доступности и уменьшения наличных расчетов;

- интеграция с международными системами: Россия рассматривает возможность интеграции своих ЦФА и цифровой валюты с международными финансовыми системами, что может открыть новые горизонты для торговли и инвестиций;
- развитие технологий блокчейн: актуальность и распространенность технологий блокчейн способствуют росту интереса к ЦФА, что, в свою очередь, может привести к созданию новых проектов и стартапов в этой области;
- повышение финансовой грамотности: ожидается, что будет активизирована работа по повышению финансовой грамотности населения, что поможет пользователям разобраться в новых цифровых финансовых инструментах и возможностях;
- мониторинг и безопасность: учитывая увеличение рисков, связанных с киберугрозами, важным аспектом станет разработка мер по обеспечению безопасности и защиты прав потребителей при работе с ЦФА и цифровыми валютами.

Таким образом, подход к ЦФА и цифровой валюте в России будет комплексным и ориентированным на устойчивое развитие и привлечение инвестиций, а также на защиту интересов пользователей и бизнеса.

На данный момент наша страна занимает одно из лидирующих мест в мире по развитию цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты, хотя точная позиция может колебаться в зависимости от разных факторов и критериев оценки.

Законодатели активно работают над созданием правовой базы для обеспечения инвестиций и защиты прав потребителей в этой области, что делает её одним из первых стран, представивших законопроекты о ЦФА, а также о цифровом рубле.

Центральный банк России объявил о планах по разработке цифрового рубля и ведет активную работу в этом направлении. Многие эксперты выделяют этот проект как один из самых амбициозных в мире.

Россия активно применяет технологии блокчейн и другие инновационные решения в финансах и праве, что свидетельствует о высоком уровне технологической готовности. А также занимает одно из ведущих положений в мире по объемам торговли криптовалютами и участию в блокчейн-проектах.

Тем не менее, конкуренция в этой сфере высока, и другие страны, такие как Китай, США и некоторые европейские государства также активно развивают свои цифровые валюты и регулятивные системы для ЦФА. Поэтому, хотя Россия делает значительные шаги вперед, точное место в мировом рейтинге может варьироваться в зависимости от конкретных параметров и изменений в финансовой среде.

С развитием цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты нарастают проблемы, связанные с их правовым регулированием и правоприменением. Несмотря на появление соответствующих нормативно-правовых актов, правоприменительная практика сталкивается с рядом нехваток и трудностей. [2.с.1]

Во-первых, неопределенность правового статуса ЦФА и криптовалюты.

Одной из основных проблем является отсутствие четкого и однозначного определения понятий цифровых финансовых активов и криптовалюты в нормативных актах.

Например:

- классификация активов: важно различать токены, криптовалюты и другие цифровые активы, так как от этого зависит их правовой статус и условия обращения;
- недостаточная проработка терминологии: неоднозначные и неполные определения в законодательстве создают правовые пробелы, что затрудняет как правоприменение, так и формирование судебной практики.

Во-вторых, низкий уровень правовой определенности.

Правовая неясность касательно прав и обязанностей участников операций с ЦФА и криптовалютой приводит к рискам нарушений и злоупотреблений.

К основным проблемам можно отнести:

- неполнота норм: существующее законодательство не полностью охватывает все аспекты обращения ЦФА, включая высшее положение их владельцев и размеры ответственности;
- сложности с защитой прав: процесс защиты прав владельцев ЦФА в суде может быть затруднительным ввиду недостаточной правовой обоснованности и неопределенности в нормах.

В-третьих, проблемы налогообложения:

- неопределенные налоговые обязательства: отсутствие четких правил налогообложения может привести к уклонению от уплаты налогов и, следовательно, к потере доходов для бюджета; [3.С.1]
- пробелы в налоговом законодательстве: требуется привязать определения ЦФА к существующей налоговой системе, что позволит обеспечить ясность о том, какие налоги подлежат уплате и в каких размерах.

В-четвертых, технические и операционные сложности:

- сложность идентификации операций: децентрализованная природа криптовалют затрудняет отслеживание и идентификацию транзакций, что создает проблемы для налоговых и правоохранительных органов;
- отсутствие верных инструментов: необходимость в создании специфических программных решений для отслеживания операций с ЦФА и предотвращения мошенничества.

В-пятых, правоприменительная практика: многие случаи правоприменения, касающиеся ЦФА, оказываются в центре внимания судебной практики, что также выявляет проблемы:

- отсутствие устойчивой практики: судебные решения в вопросах, связанных с ЦФА, могут быть весьма разрозненными и непоследовательными из-за разных подходов к трактовке законодательства;
- недостаток квалифицированных специалистов: нехватка специалистов, обладающих глубокими знаниями как в области финансов и экономики, так и в праве, затрудняет качественное правоприменение.

Для преодоления перечисленных проблем необходимо принятие ряда мер:

а) разработка и совершенствование законодательной базы: создание четких и последовательных правовых норм, регулирующих различные аспекты торговли ЦФА и криптовалютами, повысит правовую определенность и защиту прав всех участников;

б) обучение и подготовка специалистов: важно развивать образовательные программы, направленные на подготовку юристов и специалистов в области цифровых технологий, чтобы обеспечить высокое качество правоприменительной практики;

в) сотрудничество с международными организациями: изучение опыта других стран в области регулирования ЦФА и криптовалют поможет выработать лучшие практики для России;

г) создание инфраструктуры для налогообложения: необходимо разработать системы для эффективного отслеживания и документирования операций с ЦФА и криптовалютами, что упростит процесс налогообложения и мониторинга.

Сфера цифровых валют и криптовалют продолжает развиваться и, к сожалению, привлекает внимание мошенников, которые разрабатывают новые схемы и методы обмана. Вот несколько новых форм мошенничества, связанных с цифровыми валютами.

Фальшивые инвестиционные платформы: Мошенники создают поддельные вебсайты и приложения, предлагая абсолютно легкие и высокодоходные возможности для инвестиций в криптовалюты. Они обещают гарантированную прибыль и предоставляют фальшивые отзывы, чтобы убедить инвесторов вложить средства, после чего исчезают с деньгами.

Вторжение в социальные сети и фишинг: Мошенники используют фишинговые атаки, отправляя пользователям поддельные сообщения от известных криптобирж или кошельков. Такие сообщения содержат ссылки на фальшивые сайты, где пользователи вводят свои личные данные, которые затем крадут мошенники.

Проверка идентичности: Некоторые мошенники предлагают "проверку идентичности" через специализированные услуги, которая обещает улучшить доступ к различным криптоактивам. Однако, на деле, они собирают личные данные и затем используют их для кражи средств.

Эти схемы мошенничества подчеркивают важность осведомленности и осторожности при взаимодействии с цифровыми валютами. Важно всегда проверять источники информации.

Развитие ЦФА требует сотрудничества разных специалистов по нескольким причинам:

- многообразие технологий: цифровая криминалистика охватывает широкий спектр технологий, включая компьютерные системы, мобильные устройства, облачные сервисы и сетевые инфраструктуры. Специалисты с разной экспертизой (IT-специалисты, эксперты по мобильным устройствам, сетевые администраторы) необходимы для комплексного анализа материалов;
- комплексность данных: данные, которые могут быть использованы в процессе расследования, часто имеют разные форматы и структуры. Для их эффективной обработки требуется участие специалистов в области баз данных, программирования и анализа данных;
- юридическая и профессиональная экспертиза: специалисты по цифровой криминалистике должны работать с учетом юридических аспектов, касающихся доказательства и соблюдения правовых норм. Юридические эксперты необходимы для понимания того, как правильно представлять доказательства в суде и обеспечивать их допустимость;
- методы расследования: различные виды преступлений требуют применения специфических методов расследования. Например, расследование киберпреступлений может требовать специальных знаний в области сетевой безопасности, в то время как анализ данных может потребовать применения статистических методов и математических моделей;
- обеспечение надежности доказательств: для обеспечения надежности и достоверности получаемых доказательств важно соблюдать четкие процедуры и протоколы, что требует согласованной работы команды, включая экспертов по обеспечению качества и стандартам;
- междисциплинарный подход: киберкриминалистика включает в себя элементы информатики, психологии, социологии и права. Исследования могут требовать взаимодействия специалистов этих областей для более глубокого понимания контекста и последствий выявленных преступлений.

В заключении следует отметить, что сотрудничество различных профессионалов в области цифровых технологий, каждый из которых приносит уникальные знания и навыки в дело формирования и развития как самих цифровых активов, так и законодательства, позволят более эффективно развивать экономику страны на уровне мировых требований, обеспечивать правовую защиту и эффективность использования. В мире, где технологии развиваются с неимоверной скоростью, значимость формирования, применения и развития различных форм цифровых активов будет только расти.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года №51-ФЗ. (в ред. от 24 июля 2023 г. № 351-ФЗ). // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - ст. 3301.
2. Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. - № 31 (часть I). - ст. 5018.
3. «НДС и налог на прибыль при операциях с ЦФА и цифровыми правами» / [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/news/277/?ysclid=m41f7dvum1115637098> (дата обращения: 28.12.2024). - Текст: электронный.
4. Обеспечение законности в сфере цифровой экономики: учебное пособие для вузов / Н. Д. Бут [и др.]; под редакцией Н. Д. Бут, Ю. А. Тихомирова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 257 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19684-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. / [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/556902> (дата обращения: 28.12.2024). -Текст: электронный.
5. Сергеев, Л. И. Цифровая экономика: учебник для вузов / Л. И. Сергеев, Д. Л. Сергеев, А. Л. Юданова; под редакцией Л. И. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 437 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534- 15797-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. / [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/543648> (дата обращения: 28.12.2024). -Текст: электронный.
6. Цифровая экономика. Обеспечение законности: учебное пособие для среднего профессионального образования / Н. Д. Бут [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 257 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534- 20743-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. /

[Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/558673> (дата обращения: 28.11.2024). -Текст: электронный.

7. Что такое биткоин? / [Электронный ресурс] URL: <https://academy.binance.com/> (дата обращения: 28.12.2024). - Текст: электронный.
8. Что такое майнинг криптовалюты и как он работает? / [Электронный ресурс] URL: <https://academy.binance.com/> (дата обращения: 28.12.2024). - Текст: электронный.

Шлыкова Валентина Владимировна
студентка 1 курса магистратуры
Международного юридического института
г. Москва, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Shlykova Valentina Vladimirovna
1st year graduate student
International Law Institute
Moscow, Russia

ACTUAL PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF THE CONTRACT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье освещены основные этапы внедрения цифровых технологий в процессы государственных закупок. Рассматриваются как преимущества, так и ряд актуальных проблем, возникающих при использовании цифровых решений для оптимизации системы публичного государственного заказа.

Abstract. The article highlights the main stages of the introduction of digital technologies in public procurement processes. The advantages and a number of urgent problems arising when using digital solutions to optimize the public procurement system are considered.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Смоленского филиала Международного юридического института, Сенкевич Виктория Валерьевна

Ключевые слова: контрактная система, цифровизация, государственные закупки, Федеральная антимонопольная служба, единая информационная система.

Keywords: contract system, digitalization, public procurement, Federal Antimonopoly Service, unified information system.

Процесс цифровизации охватил практически все сферы жизни человека, включая и отрасли права. Не исключением стала и область государственных закупок. Цифровой трансформации государственных закупок способствовали следующие ключевые факторы: значительные временные затраты и ресурсы на изготовление бумажной документации и оформления предложений, обязательное личное участие в процессах подачи заявок, недостаточный контроль над распределением бюджетных средств со стороны заказчиков, неконтролируемые риски коррупции посредством замены документов и манипуляций при оценке конкурсных предложений.

Роль цифровизации в сфере государственных закупок обширна, так как современные технологии позволяют создать максимально прозрачные условия проведения закупочных сессий, облегчают доступ к закупкам, помогают бороться с применяемыми «серыми» схемами и пр.

Переход закупок в государственном секторе в цифровой формат происходил не одномоментно. Министерство экономического развития России (далее – Минэкономразвития) в 2004 г. стало основоположником создания портала государственных закупок (zakupki.gov.ru), где в дальнейшем размещались сведения о процедурах, проводимых данной организацией и федеральными органами исполнительной власти. С 2006 г. указанный ресурс был определен официальным сайтом Российской Федерации для размещения информации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных государственных нужд.

С 2011 г. заказчики не только регионального, но и муниципального уровней должны были публиковать на портале сведения о проводимых закупках. На базе официального портала госзакупок (zakupki.gov.ru) была создана единая информационная система (далее также ЕИС), представляющая собой платформу взаимодействия сторон, участвующих в закупочных процедурах.

Процесс формирования ЕИС, в том виде, который нам всем знаком, оказался непростым и многоэтапным. В 2013 г. между Минэкономразвития (далее - Заказчик) и «Высшая школа экономики» заключается контракт на выполнение работ по разработке концепции и технического задания на создание ЕИС. В октябре 2014 г. ответственность за разработку и развитие ЕИС перешла к Федеральному казначейству.

В ноябре 2014 г. в рамках программы модернизации и цифровизации состоялся запуск инновационной системы «Независимый регистратор». Эта

система обеспечивала полное документирование процессов электронных аукционов, включая все действия участников на электронных торговых площадках, а также отслеживала активность пользователей в ЕИС. Контрольные органы при принятии своих решений могли использовать полученные данные.

Максим Чемерисов, глава Департамента развития контрактной системы Министерства экономического развития РФ, ещё в декабре 2015 г. отметил ряд вопросов, которые будут решены после внедрения ЕИС: возможность отслеживать устойчивые связи между поставщиком и заказчиком; отслеживание отклонение цен; устранение задержек расчетов с поставщиками; перевод закупочных процедур в электронный вид позволит сделать все процессы максимально публичным.

Фактически единая информационная система была введена в 2016 г., функциональные возможности которой постоянно совершенствуются.

В соответствии с пунктом 9 части 1 статьи 3 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» единая информационная система в сфере закупок - совокупность информации, указанной в части 3 статьи 4 данного закона и содержащейся в базах данных, информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение такой информации, а также ее предоставление с использованием официального сайта единой информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [1].

ЕИС представляет собой цифровую платформу, где представлены данные обо всех этапах госзакупок: от первоначальных планов закупки до заключения контрактов, включая исполнение сторонами предусмотренных обязательств. Основная цель системы - обеспечение максимальной прозрачности процедур государственных закупок на каждом шаге – начиная с планирования и вплоть до полной оплаты выполненных работ.

Функционал ЕИС включает в себя широкий спектр разделов: «реестр контрактов», «реестр недобросовестных поставщиков»; «библиотека типовых контрактов»; «реестры жалоб» и «банковских гарантий» и многие другие ресурсы.

Переход самой процедуры проведения закупок в цифровую среду шел также поэтапно: в 2019 г. внедряется электронное извещение [2] - с 2022 г. становится обязательным ведение электронной приемки товаров, работ, услуг и ведение претензионной работы - с 2023 г. описание предмета закупки и заявка оформляются в структурированном виде, в экспериментальном порядке внедрен цифровой контракт - с конца августа 2024 г. завершен переход на машиночитаемые доверенности - с 1 января 2025 года становится

обязательным оформление в ЕИС соглашения об изменении и расторжении цифрового контракта [3].

В течение 2025 г. запланирован полный переход системы госзакупок на цифровую инфраструктуру. Должна быть осуществлена цифровизация контрактов, дополнительных соглашений к ним и машиночитаемых доверенностей, что обеспечит проведение всех этапов закупок в электронном виде посредством единой информационной системы (ЕИС), за исключением закрытых тендеров, связанных с государственной тайной, и некоторых сделок с единственным поставщиком. Для полноценной реализации цифровой трансформации закупок предполагается создание межсистемной связи между ЕИС и централизованными бухгалтерскими службами ведомств, заказчиками и поставщиками. Кроме того, ЕИС будет интегрирована с системой «Электронный бюджет».

Несмотря на все положительные аспекты, цифровизация госзакупок сопряжена с определенными проблемами и рисками. Отметим некоторые из них.

1. Технические проблемы, утечка пользовательских данных, финансовые убытки.

Как отмечают Елькина А.В., к.ю.н. доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, Кононенко М.М. актуальной проблемой в государственном секторе является наличие «технических неполадок» в работе цифровых платформ [5, с.322].

Перевод закупочных процедур в электронную форму, размещение персональных данных при регистрации участников закупки и заказчиков, уполномоченных органов в ЕИС, требуют дополнительной защиты от внешних воздействий - DoS-атак (*прим., хакерская атака на вычислительную систему с целью довести её до отказа, то есть создание таких условий, при которых добросовестные пользователи системы не смогут получить доступ к предоставляемым системным ресурсам (серверам), либо этот доступ будет затруднён [7]*). Согласно данным компании BI.Zone, по сравнению с 2023 г. в 2024 г. количество кибератак на государственный сектор увеличилось с 9% до 15% [9]. Хакеры постоянно пытаются взломать электронно-цифровые ресурсы, включая официальный сайт госзакупок, электронные торговые площадки.

Например, 09 января 2025 г. хакерской атаке подверглась одна из самых крупных федеральных электронных торговых платформ – «Росэлторг». Об этом 13 января 2025 г. сообщалось в официальном обращении «Росэлторга» в Telegram-канале [8]. В частности, злоумышленники пытались уничтожить данные и всю инфраструктуру, связанную с проведением электронных торгов. Работы по восстановлению доступа к торговым секциям площадки начались с 16 января 2025 г.; основной функционал сайта площадки стал доступен 21 января 2025 г. Однако и в настоящее время постоянно наблюдаются сбои в работе площадки. Как итог: утечка и уничтожение данных, финансовые

потери, уход пользователей на другие площадки, множество жалоб и рекламаций со стороны клиентов, всплеск негативных отзывов в СМИ и социальных сетях, снижение доверия к цифровой платформе.

Для обеспечения повышения уровня безопасности интернет-сервиса можно согласиться с Владимировым Н.Н., первым заместителем главы Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству, который указал о необходимости стимулирования инвестиций в данную сферу, закреплении обязанности компаний и государственных органов оперативно информировать об утечках персональных данных, что поможет своевременно минимизировать последствия атак.

Считаю также необходимым усилить надежность сервиса, находящегося под атакой, например, путем внедрения дополнительной защиты данных, применяемых при осуществлении засекреченных государственных закупок, либо обеспечить вход всех пользователей ЕИС через защищенный VPN.

2. Адаптация персонала для цифровой закупочной деятельности.

Анализ научной литературы показывает, что многие ученые выделяют данную проблему. В частности, Г.В. Дёгтев, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой управления государственными и муниципальными закупками ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова, И.П. Гладилина, Н.Н. Лабутина указывают, что управление рисками приобретает в условиях цифровизации особое значение. На уровне Правительства Российской Федерации установлена необходимость риск-ориентированного подхода в управлении. Низкий уровень квалификации персонала обозначен как внутренний фактор риска [4, с.125].

Современные процессы закупок полностью перешли в цифровой формат, что предполагает необходимость подготовки специалистов, способных эффективно работать в области автоматизации закупочных процедур. Заказчику необходимо не только уметь использовать функциональные возможности ЕИС и площадок, но и постоянно отслеживать изменения в законодательстве, а также демонстрировать умение глубокого анализа данных. Для решения поставленной задачи необходимо создать единую платформу, на которой сотрудники заказчика, уполномоченного лица, участники закупки смогут регулярно в онлайн-режиме проходить процесс обучения (повышения квалификации). Данный интернет-ресурс должен позволять пользователям многократно осуществлять просмотр практического и теоретического материала, иметь обучающие программы, для закрепления пройденного материала.

3. Несвоевременное обновление нормативно-правовых документов, касающихся развития цифровых технологий.

Н.В. Южанин, д.ю.н., профессор кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, указал, что стремительное развитие сферы

государственных закупок предполагает большую решимость и одновременно гибкость от законодателя при принятии технологических решений. При реализации цифровых инноваций в сфере государственных закупок необходимо соблюдать баланс интересов государства и субъектов бизнеса, поскольку закупки базируются на государственных финансах [6, с.18].

Зачастую законодательство не успевает за темпами технологического прогресса, однако нынешняя ситуация с объемом нормативно-правовой документации свидетельствует о высокой загруженности правовой системы, которая дополнительно усложняется введением дополнительных уточнений со стороны субъектов Российской Федерации.

4. Международная изоляция России, дополненная действующими национальными ограничениями в государственных закупках, стала следствием нынешней политики страны в области импортозамещения и поддержки отечественных производителей. В результате государственные закупки направлены на стимулирование российских компаний, оттесняя зарубежных конкурентов, что, в свою очередь, способствует более динамичному развитию российских аналогов. Несмотря на то, что отечественные решения часто обладают более доступной ценой, это не всегда гарантирует высокое качество предлагаемых товаров. В данной ситуации остается только пожелать, чтобы российская промышленность продолжала активно развиваться, совершенствоваться, при этом производимая продукция была конкурентоспособной и могла удовлетворить потребности даже самых требовательных потребителей.

5. Активная цифровизация государственных закупок, к сожалению, не позволила искоренить противоречащие законодательству о защите конкуренции разного рода соглашения (картели). Организации, находясь в сговоре друг с другом, влияют на установление фиксированных цен в рамках контрактов, стремясь предотвратить существенное снижение начальной (максимальной) цены. Таким образом, Заказчики вынуждены принимать решения на невыгодных условиях по сравнению с условиями, которые могли бы возникнуть без подобного сговора. Сговор между участниками тендеров часто зарождается еще в период подачи предложений, когда участники уже знакомятся друг с другом. Картельные соглашения на государственных закупках имеют особое значение, поскольку они напрямую отражаются на эффективности распределения бюджетных ресурсов и могут привести к мошенничеству. Федеральная антимонопольная служба и ее территориальные органы осуществляют работу по выявлению и пресечению картельных сговоров.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) предусматривает внедрение в течение 2025 г. автоматической системы контроля за картельными сговорами - проект «Антикартель» (на формирование системы дополнительно потребуются денежные средства в размере 241 млн рублей, которые были

включены в бюджет федерального уровня на 2025 г.). Эта государственная информационная система будет функционировать на основе интеграции с данными различных ведомств и юридических лиц, обеспечивая ежедневный анализ соглашений для обнаружения потенциальных нарушений. Алгоритмы идентификации картелей разработаны на базе больших данных, учитывающих статистику по 90% всех возбуждённых уголовных дел в сфере тендерного мошенничества. Введение такой системы предполагает значительное усиление контроля и переход к более риск-ориентированной стратегии. ФАС ожидает, что это приведёт к существенному повышению конкуренции на торгах и оптимизации расходования бюджетных средств.

В настоящее время (11.02.2025) Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении был одобрен, внесенный Правительством Российской Федерации, проект федерального закона № 801033-8 [10], предусматривающий соответствующие изменения в положения Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

В заключение хочется отметить, что результаты цифровизации госзакупок являются неоднозначными, на фоне многочисленных плюсов мы сталкиваемся и с отрицательными моментами перехода указанной сферы в цифровой формат. Привлечение инвестиций, совершенствование защиты от кибер-атак, повышение уровня квалификации персонала, ведение активной борьбы с антиконкурентными соглашениями (с применением возможностей искусственного интеллекта) - основные направления деятельности государства, которые позволяют сгладить негативные последствия применения цифровых технологий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. – 2013. - № 14. - ст. 1652; 2024.- № 33 (Часть II). - ст. 5014.
2. Федеральный закон от 31.12.2017 № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. – 2018. - № 1 (Часть I). - ст. 88.
3. Федеральный закон от 25.12.2023 № 624-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2024. - № 1 (Часть I). - ст. 5.
4. Дёгтев Г.В., Гладилина И.П., Лабутин Н.Н. Цифровизация и управление закупками в процессе достижения социальных и экономических эффектов закупочной деятельности // «Инновации и инвестиции». - 2020.- №5. – С.125.

5. Елькина А.В., Кононенко М.М. Проблемы цифровизации государственных и муниципальных закупок // Вопросы российского и международного права. - 2020.- Т. 10. - №10А. - С. 322.
6. Южанин Н.В. Цифровизация на защите государственных интересов. // Экономика. Право. Общество. – 2022 - Т. 7. - № 2 (30). – С.18.
7. Свободная энциклопедия Википедия / [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/DoS-%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%B0> (дата обращения 14.02.2025). — Текст электронный.
8. Официальный сайт в ROSELTORG в Telegram-канале/ [Электронный ресурс] URL: https://t.me/rosetorg_tg/1554 (дата обращения 11.02.2025). — Текст электронный.
9. Официальный сайт BI.ZONE / [Электронный ресурс] URL: <https://bi.zone/news/threat-zone-2025-v-issledovanii-predstavili-godovuyu-dinamiku-rossiyskogo-kiberlandshafta/>(дата обращения 12.02.2025). — Текст: электронный.
10. Официальный сайт «Система обеспечения законодательной деятельности» / [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801033-8> (дата обращения 14.02.2025). — Текст: электронный.

РАЗДЕЛ 3. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ахмедова Кристина Александровна

студент 1 курса

Смоленский государственный
университет, г. Смоленск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ¹

Akhmedova Kristina Aleksandrovna

1st year student

Smolensk State University

PECULIARITIES OF THE SHORTENED FORM OF INQUEST PROCEEDINGS

Аннотация. статья посвящена исследованию особенностей и пределов производства следственных действий в сокращенной форме в российском уголовном процессе. Рассматриваются теоретические основы института дознания, история его развития, нормативно-правовая база, регламентирующая данный вид предварительного расследования. Особое внимание уделено порядку проведения дознания в сокращенной форме, в том числе основания и условия его применения, стадии процедуры, права и обязанности участников процедур, особенности сбора доказательств.

Abstract. The article is devoted to the study of peculiarities and limits of investigative actions in a shortened form in the Russian criminal process. The theoretical foundations of the institution of inquiry, the history of its development, the legal framework regulating this type of preliminary investigation are considered. Particular attention is paid to the procedure for conducting an inquiry in a reduced form, including the grounds and conditions of its application, the stages of the

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Карпова Наталья Анатольевна

procedure, the rights and obligations of participants in the procedures, the features of evidence collection.

Ключевые слова: дознание, уголовный процесс, доказательства, форма предварительного расследования, дознание в сокращенной форме, судебная практика, проблемы правоприменения.

Key words: inquiry, criminal procedure, evidence, preliminary investigation form, inquiry in abbreviated form, judicial practice, problems of law enforcement.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что производство дознания в сокращенной форме является наиболее эффективной формой предварительного расследования преступлений небольшой и средней тяжести. Такой способ дознания позволяет сократить сроки досудебного производства, снизить нагрузку на органы следствия и суд, обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Дознание – одна из главных составляющих системы предварительного расследования преступлений в нашей стране. Оно ведется органами внутренних дел, таможенными органами, органами государственного пожарного надзора и рядом других уполномоченных органов. В отличие от следствия, которое охватывает широкий спектр правонарушений различной степени тяжести, дознание фокусируется на преступлениях небольшой и средней тяжести, в том числе и на тех случаях, когда личность преступника становится известна практически сразу после совершенного деяния [7, с. 26].

Такая форма расследования была существенно модернизирована в 2013 году благодаря Федеральному закону № 23-ФЗ, внесшем изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [3]. Одним из главных его нововведений стало применение сокращенной формы дознания. Процедура позволяет расследовать дела в упрощенном порядке, значительно ускоряя рассмотрение дел, особенно тех, где вина подозреваемых очевидна уже на начальном этапе.

Такой подход стал ответом на вызовы времени, ведь современные реалии требуют оперативных решений в правовой сфере. Увеличение скорости процессов помогает разгрузить судебную систему, освобождая больше ресурсов для работы над делами высокой сложности. Необходимо отметить, что сокращение сроков не влияет на качество расследования и защиту прав граждан. Закон тщательно прописывает этапы процедуры, обеспечивая соблюдение всех процессуальных норм.

Таким образом, дознание остается необходимым инструментом в арсенале правоохранительных органов, способствуя поддержанию правопорядка и обеспечению справедливости.

Институт дознания занимает значительное место в системе российского права, обладает глубокими историческими корнями. Первые упоминания о нем восходят к временам дореволюционного законодательства, когда были

заложены основы этой немаловажной функции правоохранительных органов. Однако после Октябрьской революции 1917 года институт дознания подвергся значительным изменениям, отражая новые реалии советской власти и становясь неотъемлемой частью уголовного процесса того периода. В советский период оно получило новый импульс для своего развития, играя главную роль в борьбе с правонарушениями. Советская система уголовного правосудия придавала большое значение качеству и скорости реагирования на преступления, что сделало дознание одним из основных инструментов обеспечения правопорядка.

После распада СССР и начала перехода страны к рыночным отношениям, сопровождавшегося демократическими изменениями, институт дознания оказался подвержен влиянию новых общественных и правовых условий. Постсоветские реформы привели к существенным изменениям в уголовном процессе, в том числе при дознании. Изменения были направлены на повышение прозрачности и защиты прав граждан, что является необходимым условием для справедливого правосудия в современном обществе.

Сегодня правовая основа производства дознания закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ). Кроме того, большую роль играют нормативные акты – постановления Пленума Верховного Суда РФ, приказы и инструкции Министерства внутренних дел России и других ведомств. Все эти документы обеспечивают четкое регулирование процедур дознания, гарантируют соблюдение законных прав участников процесса и способствуют функционированию всей правоохранительной системы [6, с. 12].

Таким образом, институт дознания прошел долгий путь эволюции, адаптируясь к меняющимся условиям и требованиям времени. Сегодня он остается необходимым элементом российской правовой системы, обеспечивающим своевременное и справедливое расследование преступлений.

Глава 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) содержит основные положения, они регламентируют производство дознания в сокращенной форме [2]. Эти нормы очерчивают границы допустимого при использовании данного метода расследования, устанавливают правила и порядок его осуществления, защищают права всех сторон, вовлеченных в процесс.

Сокращенная форма дознания применяется лишь тогда, когда есть веские основания полагать, что преступление действительно было совершено конкретным человеком, задержанным либо сразу же после содеянного, либо установленным иными способами. Подозреваемый, в свою очередь, должен признать свою вину и выразить согласие на использование данной процедуры.

Однако для реализации сокращенного дознания необходимо выполнение ряда условий. Так, в первую очередь, деяние должно квалифицироваться как преступление небольшой или средней тяжести. Затем, подозреваемым может

выступать исключительно лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Наконец, недопустимо применять данную процедуру, если имеются обстоятельства, препятствующие ее использованию, к примеру, когда пострадавшим нанесен серьезный ущерб здоровью.

Процедура сокращенного дознания состоит из нескольких последовательных шагов. На первом этапе возбуждается уголовное дело, затем происходит задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. Далее принимается решение о применении сокращенной формы дознания, собираются доказательства, оформляется обвинительный акт, и материалы передаются в судебные органы.

Каждому из этих этапов присущи свои нюансы, требующие строгого соблюдения установленных правил. Только следуя этим нормам, возможно обеспечить справедливость и законность всего процесса, защитив интересы обвиняемого и пострадавших.

При осуществлении дознания в сокращенной форме каждый участник процесса наделен своими правами и обязанностями, они четко определены законодательством. Подозреваемому предоставляется целый ряд возможностей для защиты своих интересов. Он вправе знать, в чем конкретно его обвиняют, давать показания или воздержаться от них, пользоваться помощью адвоката, подавать ходатайства и жалобы [8, с.164].

Не менее весомы права потерпевшего. Ему позволено участвовать в следственных мероприятиях, знакомиться с собранными материалами дела и обжаловать действия дознавателя или следователя, если они кажутся ему неправомерными.

Особенностью сбора доказательств в ходе сокращенного дознания является возможность ограничения числа проводимых следственных мероприятий до минимально необходимого уровня, достаточного для подтверждения виновности подозреваемого. Однако следует помнить, что каждое доказательство должно быть получено строго в соответствии с законом и отвечать критериям допустимости.

Судебная практика свидетельствует о широком распространении сокращенного дознания, но случаются ситуации, когда суды отклоняют применение процедуры, мотивируя свое решение нарушением процессуальных норм или отсутствием согласия подозреваемого.

Тем не менее, несмотря на позитивные тенденции, остаются нерешенными некоторые вопросы правоприменения. Среди наиболее серьезных проблем стоит упомянуть недостаточную осведомленность подозреваемых относительно их прав, несоблюдение сроков проведения дознания и поверхностную проверку представленных доказательств. Эти недостатки требуют пристального внимания со стороны законодателей и практикующих юристов.

Для повышения качества процедуры дознания в сокращенной форме предлагаются следующие шаги:

1. Прежде всего, представляется целесообразным ввести обязательную консультацию адвоката перед тем, как подозреваемый выразит свое согласие на проведение дознания в сокращенной форме. Такая мера позволит человеку получить полную информацию о последствиях своего решения и осознать все возможные правовые риски.

2. Кроме того, требуется усилить контроль за соблюдением сроков проведения дознания. Четкое соблюдение временных ограничений будет способствовать оперативности процесса и предотвратит неоправданные задержки в рассмотрении дел.

3. Также немаловажно разработать унифицированные стандарты проверки доказательств, они помогут исключить ошибки и неточности при сборе и анализе улик, повысив тем самым точность и надежность выводов следствия.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что дознание в сокращенной форме является действенным средством в борьбе с преступностью. Однако для дальнейшего роста его результативности необходимо устранить имеющиеся недостатки и обновить законодательную базу.

Предложенные рекомендации могут сыграть большую роль в улучшении качества правосудия и обеспечении защиты прав граждан. Их внедрение откроет дорогу к формированию более справедливой и эффективной системы дознания.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 16.02.2025).
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=m7dc2rqxc7883642984 (дата обращения: 16.02.2025).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (с изменениями и

дополнениями) от 4 марта 2013 года N 23-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70326874/?ysclid=m7dc6ujow1314774180> (дата обращения: 16.02.2025).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изменениями и дополнениями от 9 февраля 2012 г., 16 мая 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. URL: <https://base.garant.ru/12177012/?ysclid=m7dc9vnfq2512319583> (дата обращения: 16.02.2025).
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / (16-е издание, переработанное и дополненное)
6. (Безлепкин Б.Т.) – «Проспект», 2023. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/postatejnyj_kommentarij_k_upk_rf/?ysclid=m7dcd5fwg0686408328 (дата обращения: 16.02.2025).
7. Арестова Е.Н. Уголовно-процессуальная деятельность полиции./ Е.Н. Арестова, А.С. Есина, О.Е. Жамкова. – М.: Юрайт, 2023. –242 с.
8. Гаврилов Б.Я., Кузнецов, А.Н. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме./ Б.Я. Гаврилов, А.Н. Кузнецов. – М.: Юрайт, 2023.– 248 с.
9. Стельмах В.Ю. Производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Мировой судья. – 2022. – № 4. – С. 15-19.

Бровченкова Дарья Артёмовна
студентка 2 курса,
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОНИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ¹

Brovchenkova Darya Artemovna,
2nd year students
Smolensk branch International law Institute
Smolensk, Russia

THE NEED TO LOWER THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY IN RUSSIA

Аннотация. Проблема понижения возраста уголовной ответственности является актуальной темой, так как в настоящее время преступления, совершаемые несовершеннолетними в возрасте до 14 лет, встречаются всё чаще. Это обусловлено ускоренным формированием сознания детей в связи с современной обстановкой, существующей системой ценностей, биологическими процессами и развитием Интернета. В статье рассматриваются основные причины понижения возраста уголовной ответственности, отслеживается установление возраста уголовной ответственности в России в разные промежутки времени, рассматривается опыт других стран в установлении пониженного возраста уголовной ответственности, анализируются попытки российского законодательства снизить возраст до 12 лет и предлагается какие меры нужно предпринять, чтобы снизить возраст уголовной ответственности.

Abstract. The problem of lowering the age of criminal responsibility is an urgent topic, as currently crimes committed by minors under the age of 14 are becoming more common. This is due to the accelerated formation of children's consciousness in connection with the modern environment, the existing value system, biological processes and the development of the Internet. The article examines the main reasons for lowering the age of criminal responsibility, tracks the establishment of the age of criminal responsibility in Russia at different time intervals, examines the experience of other countries in setting the lowered age of

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленский филиал Международного юридического института, Ревенко Яна Дмитриевна

criminal responsibility, analyzes attempts by Russian legislation to lower the age to 12 years and suggests what measures should be taken to lower the age of criminal responsibility.

Ключевые слова: преступность среди несовершеннолетних, возраст уголовной ответственности, уголовное законодательство, социальные факторы, влияние окружения, осознание последствий, воспитание, образование, акселерация, статистика преступлений, общественное мнение, реформа законодательства, психолого-психиатрическая экспертиза.

Key words: juvenile delinquency, age of criminal responsibility, criminal legislation, social factors, environmental influences, awareness of consequences, upbringing, education, acceleration, crime statistics, public opinion, legislative reform, psychological and psychiatric examination

В современном российском обществе, как и в прошлом, сохраняется проблема преступности среди несовершеннолетних. В соответствии с частью 1 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовная ответственность начинается для лиц, достигших 16 лет на момент совершения преступления, а для некоторых категорий преступлений, указанных в части 2 этой статьи, ответственность может наступать с 14 лет [1].

Минимальный возраст, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности, был установлен для разграничения лиц, способных осознать негативные последствия и общественную опасность своих поступков, и тех, кто в силу своей молодости не способен это осознать, что исключает возможность их уголовного наказания. Тем не менее, существуют примеры, свидетельствующие о том, что многие несовершеннолетние правонарушители могут осознавать свои действия и их разрушительные последствия. Например, 22 августа 2020 года в Уфе группа подростков, среди которых был 13-летний предполагаемый виновник, совершила убийство 8-летней девочки и, чтобы скрыть преступление, сбросила её тело в реку. Другой пример - 3 октября 2018г в Ленинградской области девочку 12 лет подозревают в соучастии в убийстве и расчленении. В попытке скрыть следы преступления был инсценирован поджог.

Вышеупомянутые преступления демонстрируют, что несовершеннолетние осознанно предпринимают шаги для сокрытия своих деяний, что свидетельствует о наличии у них понимания возможных последствий своих действий и намерении избежать наказания, которого в конечном итоге не будет. Их попытки замаскировать следы преступления, подобно опытным правонарушителям, подчеркивают их уровень осознания. В связи с этим возникает вопрос о причинах, по которым они не подвергаются уголовному преследованию [5].

Наиболее вероятное наказание, которое им грозит, заключается в направлении в специализированные учебные учреждения закрытого типа

(специальные школы-интернаты). Есть основания полагать, что эти заведения несколько отличаются от воспитательных колоний. Главным отличием является то, что максимальный срок пребывания в таком учреждении не может превышать трех лет, и направить ребенка туда можно лишь с 11-летнего возраста, независимо от степени серьезности совершенных правонарушений.

Вопрос о снижении возраста уголовной ответственности представляет собой значимую проблему в контексте современного общества, и имеются несколько факторов, способствующих рассмотрению возможности уменьшения минимального возраста, с которого наступает уголовная ответственность. К основным причинам можно отнести следующие:

Социальная зависимость: несовершеннолетние правонарушители часто подвержены влиянию мнения своих сверстников и групповой динамики. Позитивная оценка со стороны коллег может выступать в качестве стимула для совершения преступных деяний.

Социальные противоречия: негативные условия, в которых растут несовершеннолетние, такие как экономические трудности и социальная нестабильность, могут способствовать правонарушениям.

Влияние окружения: семья, образовательные учреждения и трудовые коллективы оказывают решающее влияние на формирование личности несовершеннолетнего. Неблагоприятная окружающая среда может спровоцировать преступное поведение.

Отсутствие моральных ориентиров: современное общество часто не устанавливает четких нравственных критериев, что не способствует формированию законопослушной личности у молодых людей.

Недостатки в правоохранительной системе: существуют проблемы в работе органов внутренних дел, затрагивающих проблемы *juvenile delinquency*, в том числе нехватка специалистов и отсутствие эффективных профилактических мер.

Нарастающая жестокость преступлений: возрастают как степень насилия в деяниях несовершеннолетних, так и дикая мотивация для их совершения.

Неопределенность моральных представлений: у несовершеннолетних наблюдаются размытые представления о моральных и правовых нормах.

Ускоренное взросление: технологическое развитие, в частности влияние социальных сетей и Интернета, ведет к более раннему осознанию подростками последствий своих действий и к формированию личностных качеств.

Роль образовательных учреждений: система образования часто не обеспечивает полноценных знаний о праве и не способствует воспитанию законопослушного гражданина.

Акселерация: в целом, наблюдается тренд ускоренного физического и психического созревания молодежи по сравнению с предыдущими

поколениями, что также отражается на уровне их сознания и восприятия норм социального поведения.

В контексте обсуждаемых причин следует подчеркнуть, что ранее предпринимались попытки инициировать изменения в законодательных актах. В частности, 2 декабря 2009 года в Государственную Думу был представлен законопроект № 293093-5, касающийся внесения поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, нацеленный на установление уголовной ответственности для несовершеннолетних с двенадцатилетнего возраста [2]. Однако, к сожалению, данный проект был отклонён на первом этапе его рассмотрения.

20 июля 2023 года Нина Останина, председатель комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, высказала мнение о необходимости снижения возраста уголовной ответственности до 12 лет. Она отметила, что Министерство внутренних дел (МВД) не предоставило статистику по преступлениям, совершаемым детьми. Хотя имеется общая информация о преступлениях против детей, важно учитывать, что некоторые из этих правонарушений совершаются самими несовершеннолетними. Останина подчеркнула, что направила запросы в МВД, но пока не получила ответов [4].

Депутат также подчеркнула, что «страх перед наказанием» является единственным эффективным сдерживающим фактором в борьбе с детской преступностью. Она обратила внимание на то, что тенденция смещения возрастной границы уголовной ответственности вниз наблюдается в последнее время, и молодые люди, по её мнению, созревают быстрее, чем это было ранее. По её словам, многие дети совершают преступления до того, как успевают осознать свои действия, и система образования и воспитания не справляется с этой проблемой. Останина подчеркнула, что «страх перед наказанием» остается важным средством противодействия правонарушениям среди несовершеннолетних, и других эффективных мер пока не наблюдается [4].

Но почему же никак не получается добиться изменения в законодательстве? Ответ достаточно прост: во-первых, законодатели до сих пор не могут прийти к единому мнению, так как часть из них считает, что 12-летний ребёнок уже достаточно сформирован и способен в полной мере осознавать свои действия и последствия, которые наступают в результате этих действий. А другая часть считает, что 12-летние дети – это всё же дети и они ещё недостаточно выросли, чтобы осознавать содеянное.

В течение истории России возраст, с которого наступала уголовная ответственность несовершеннолетних, варьировался, устанавливаясь на отметках 7, 10 и 12 лет. Подростки содержались совместно с взрослыми и подвергались тем же мерам ответственности, однако это не привело к снижению уровня преступности.

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, совершеннолетие наступало по достижении 21 года. Несовершеннолетие делилось на три категории: до 7 лет — детство, от 7 до 14 лет — малолетство, и от 14 до 21 года. Дети до 7 лет не обладали достаточным пониманием своих поступков, и ответственность за их действия возлагалась на родителей и близких. В период малолетства меры наказания применялись в зависимости от степени осознанности совершенного преступления.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 21 года делились на две подкатегории: от 14 до 17 и от 17 до 21 года. Если преступление было совершено без сознательного намерения, несовершеннолетние подвергались наказанию аналогично малолетним в возрасте 10-14 лет. В случае осознанного совершения преступления наказание могло быть смягчено или заменено иными мерами.

После Октябрьской революции возраст уголовной ответственности регулярно пересматривался до принятия Уголовного кодекса РСФСР в 1964 году. В Уголовном кодексе РФ 1996 года учитывались этапы формирования и социализации человека, расширение социальных связей и накопление жизненного опыта при определении возраста уголовной ответственности.

Следовательно, минимальные возрастные границы уголовной ответственности оставались, в основном, на уровне 14 лет, что говорит о постоянстве законодательной позиции относительно этих границ на протяжении полутора веков [6].

Также стоит отметить, что в мире существуют примеры возраста уголовной ответственности ниже 14 лет, к примеру, в США за преступления федерального уровня предусмотрена ответственность с 11 лет, в Англии – 10 лет, во Франции – 13 лет, в Ирландии – 7 лет и в Китае – 12 лет.

В результате проделанной работы, был проведён опрос, в котором разъяснялось, почему проблема понижения возраста уголовной ответственности является актуальной и требует скорейшего решения. Всего в опросе приняло участие 35 человек. Среди опрошенных были как люди, имеющие юридическое образование, так и люди далёкие от юриспруденции. Доля согласившихся составила 77% (27 голосов), доля несогласных - 11% (4 голоса), и оставшаяся часть решила воздержаться от ответа - 11% (4 голоса).

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство людей считает, что к уголовной ответственности следует привлекать раньше, чем с 14 лет, так как промедление со стороны закона влечёт за собой серьёзную угрозу общественной жизни и интересам населения.

В начале февраля 2025 года Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин поднял вопрос о возможности снижения возраста, с которого можно привлекать к уголовной ответственности за преступления в сфере сбыта наркотиков, с 16 до 14 лет. Бастрыкин отметил, что такое изменение может способствовать более эффективной борьбе с

преступностью, которая вовлекает подростков в наркоторговлю, создавая у них иллюзию безнаказанности из-за возраста, не достигающего установленной планки для уголовной ответственности [3].

Это заявление подчеркивает динамику социального прогресса и растущую тенденцию к увеличению преступлений, совершаемых молодежью. Указанные обстоятельства могут быть рассмотрены как обоснование для законодательных инициатив. Если назрела необходимость изменения возрастного порога уголовной ответственности в контексте преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, может возникнуть также целесообразность для пересмотра этого порога и по отношению к другим видам преступлений, возможно, даже начиная с 12-летнего возраста.

Что нужно, чтобы снизить возраст уголовной ответственности? Для решения данной проблемы необходимо в ст.20 УК РФ добавить пункт 2.1, в котором будет перечислен ряд преступлений, затрагивающих ряд тяжких преступлений против личности и половой свободы и неприкосновенности таких как: ст.105(убийство), ст.111(умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), ст.131(изнасилование), ст.132(насильственные действия сексуального характера), ст.205(террористический акт), ст.214 (вандализм).

Организовать психолого-психиатрическую комиссию, которая установит вменяемость несовершеннолетнего, его способность осознавать последствия совершённого деяния и его способность нести уголовную ответственность.

Проблема определения возраста уголовной ответственности является актуальной для российского общества. Существующее законодательство устанавливает минимальный возраст, с которого наступает уголовная ответственность, на уровне 14 лет. Тем не менее, наблюдаются случаи, когда несовершеннолетние совершители преступлений действуют до достижения этого возраста, демонстрируя осознание своих поступков и их последствий. Это вызывает сомнения в справедливости существующего подхода.

Среди причин, обосновывающих необходимость понижения возраста уголовной ответственности, можно выделить усиление влияния социального окружения на подростков, отсутствие устойчивой системы ценностей в обществе, недостатки в функционировании правоохранительных органов, а также тенденцию к более раннему взрослению молодежи.

По результатам анализа данной проблемы, можно заключить, что значительная часть населения считает, что уголовная ответственность должна устанавливаться на более раннем этапе. Задержка в применении законодательных мер воспринимается как угроза общественной безопасности. Законодателям следует продолжить разработку инициатив, направленных на решение данной проблемы. В условиях современных реалий требуется пересмотр минимального возраста уголовной ответственности с возможностью его снижения. Однако привлечение к ответственности должно

осуществляться в рамках четкой процедуры, с учетом психического состояния и уровня развития несовершеннолетнего правонарушителя.

Список литературы

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. — 17.07.1996. — №25. — ст. 2954.
2. «О внесении изменений в уголовный кодекс российской федерации и уголовно-процессуальный кодекс российской федерации» (по вопросу установления уголовной ответственности несовершеннолетних с двенадцатилетнего возраста). Законопроект №293093-5 [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/293093-5> (дата обращения: 12.12.2024).
3. «Бастрыкин предложил привлекать к ответственности за сбыт наркотиков с 14 лет» [Электронный ресурс] URL: <https://crimea.ria.ru/20240416/v-rossii-rastet-chislo-prestupleniy-s-uchastiem-podrostkov--bastykin-1136580683.html> (дата обращения: 20.02.2025).
4. «В Госдуме предложили снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет» [Электронный ресурс] URL: <https://woman.rambler.ru/children/51129606-v-gosdume-predlozhili-snizit-vozrast-ugolovnoy-otvetstvennosti-do-12-let/> (дата обращения: 14.12.2024).
5. Просвирина А.Г. «Нужно ли привлекать к уголовной ответственности лиц, не достигших 14-ти лет по ряду тяжких преступлений?» [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/9/nuzhno_li_privlekat_k_ugolovnoj_otvetstvennosti_lic_ne_dostigshih_14-ti_letpo_ryadu_tyazhkih_prestup (дата обращения: 09.12.2024).
6. Тюмнева М.А. «Снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет». [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-vozrasta-ugolovnoi-otvetstvennosti-do-12-let> (дата обращения: 11.12.2024).

Воронина Варвара Денисовна
студентка 4 курса, Международного
юридического института
Смоленского филиала.
г. Смоленск, Россия

Сорокина Регина Александровна
студентка 4 курса, Международного
юридического института
Смоленского филиала.
г. Смоленск, Россия

ПСИХОЛОГИЯ КИБЕРПРЕСТУПНИКА¹

Voronina Varvara Denisovna
Student 4 courses, of the International Law
Institute, Smolensk branch.
Smolensk, Russia

Sorokina Regina Alexandrovna
Student 4 courses, of the International Law
Institute, Smolensk branch.
Smolensk, Russia

PSYCHOLOGY OF A CYBERCRIMINAL

Аннотация. В данной статье авторами рассматриваются психологические аспекты, определяющие поведение и мотивацию киберпреступников, основные черты отличия от традиционных преступлений. Актуальность темы обусловлено ростом числа киберпреступности в современном обществе. Авторы так же анализируют психологический профиль киберпреступников, их личностные черты, социальные факторы, которые влияют на поведение киберпреступников.

Авторы статьи подчёркивают важность профилактических мер, а также рассматривают роль правоохранительных органов в данной сфере.

Abstract. In this article, the authors consider the psychological aspects that determine the behavior and motivation of cybercriminals, the main differences from traditional crimes. The relevance of the topic is due to the growing number of cybercrimes in modern society. The authors also analyze the psychological profile of cybercriminals, their personality traits, and social factors that influence the behavior of cybercriminals. The authors of the article emphasize the importance of

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Международного юридического института Мельник Светлана Львовна

preventive measures, and also consider the role of law enforcement agencies in this area

Ключевые слова: киберпреступление, психология киберпреступника, мотивация, профилактика киберпреступлений преступлений, социальные факторы.

Key words: Cybercrime, psychology of a hypercriminal, motivation, prevention of cybercrime crimes, social factors.

В последнее время киберпреступность стала одной из актуальных проблем общества. С развитием технологий киберпреступность приобрела разнообразные формы. От финансового мошенничества, кражи личных данных до хакерских атак на государственные структуры. Для того, чтобы добиться эффективной борьбы с киберпреступностью необходимо глубокое понимание психологии киберпреступника.

Психология киберпреступника включает в себя взаимодействие различных факторов: личностные черты, социальные условия. В данной статье авторы намеренны выявить мотивы киберпреступников, а также проанализировать их психологический профиль.

Целью данной статьи авторы ставили исследование психологических аспектов поведения киберпреступников.

Материалом для исследования послужили: Уголовный кодекс Российской Федерации, Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 N 715 (ред. от 31.01.2020) "Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих", статья Дарьи Николаевны Карповой «Киберпреступность: глобальная проблема и её решение» была опубликована в журнале «Власть» в 2014 году и «Киберпреступность как новая криминальная угроза» — статья Виталия Анатольевича Номоконова и Татьяны Львовны Тропиной, опубликованная в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра» в 2012 году.

Для начала следует понимать о чём идёт речь, для этого авторы данной статьи разобрали само понятие киберпреступность. Разные авторы трактуют определение киберпреступности по-своему. Например, В.А. Номоконов и Т.Л. Тропина считают, что киберпреступление — это преступность, связанная как с использованием компьютеров, так и с использованием информационных технологий и глобальных сетей[4], в то время как Д.Н. Карпова считает, что киберпреступление — это акт социальной девиации с целью нанесения экономического, политического, морального, идеологического, культурного и других видов ущерба индивиду, организации или государству посредством любого технического средства с доступом в Интернет [3].

На основании вышеизложенного, авторы статьи дали своё определение киберпреступности. Киберпреступность -это преступление, совершённое с использованием компьютерных технологий, интернет сетей и искусственного

интеллекта, которое направленно на получение выгоды или причинение физическому лицу, организациям и государству вреда.

Основным отличием киберпреступления является использование для совершения преступной деятельности компьютеров, сети интернет, искусственного интеллекта. Киберпреступники могут действовать анонимно, что значительно затрудняет их идентификацию. Так же для совершения киберпреступления преступник может находиться в любой точке Мира, что так же затрудняет его поиск. Киберпреступнику не обязательно находиться в той же стране, что и его жертва. Киберпреступность носит масштабный характер, это означает, что одно и то же преступление может быть совершенно одновременно против множества жертв.

Отличием киберпреступления от традиционных преступлений служит форма совершения. Для многих преступлений требуется физическое присутствие преступника, но выше авторы статьи уже говорили о том, что для совершения киберпреступления преступник может находиться в любой точке Мира, его присутствие на месте преступления совсем не обязательно.

Авторы статьи классифицируют киберпреступления по следующим критериям:

Хакерские атаки, совершение действий, целью которых является захват контроля над системой. Атака может быть, как с помощью технических средств, так и с помощью психологии, то есть путём угроз и обмана преступник заставляет сообщить жертву необходимую ему информацию (код) для взлома системы.

К хакерским атакам относят взлом и DDoS-атаки. Взлом предполагает собой неавторизованный доступ к компьютерным системам с целью получения информации или нанесения ущерба. DDoS-атаки -это атаки, направленные на перегрузку серверов путем отправки огромного количества запросов, что приводит к сбоям в работе сервисов.

Следующим видом киберпреступности авторы статьи выделяют мошенничество. Уголовный кодекс Российской Федерации даёт следующее определение мошенничества. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [1].

К мошенничеству в киберпреступлении относят фишинг. Фишинг - метод обмана пользователей с целью получения конфиденциальной информации (логины, пароли) путем подделки веб-сайтов или электронных писем.

Так же к видам киберпреступлений относят вирусы, трояны, криптовалютные мошенничества, кражу личных данных.

Под вирусами понимают, программы, которые могут самовоспроизводиться и распространяться на другие компьютеры, нанося ущерб или крадя данные.

Трояны же схожи с вирусами, это вредоносные программы, которые маскируются под легитимные приложения и могут открывать доступ к системе для злоумышленников.

Криптовалютные мошенничества — это новая форма киберпреступления, которая связана с использованием криптовалют. Это может включать в себя ICO-мошенничество (мошенничество с первичными предложениями монет) и Ponzi-схемы, где инвесторы получают прибыль за счет средств новых участников.

Так же авторы отмечают уже давно известный вид киберпреступления, который заключается в краже преступником личных данных жертвы. Киберпреступник не только получает всю нужную информацию на жертву, но и незаконно использует эти данные для получения финансовой выгоды.

В статье авторы выделяют мотивы для совершения киберпреступления.

Мотивация киберпреступника может заключаться в финансовой выгоде. Например, взлом банковской карты, или же путём угроз о распространении конфиденциальной информации, которую преступник получил путём незаконных действий.

Не редко киберпреступления совершаются из-за идеологических соображений. Это может включать в себя политические или социальные протесты. В такие моменты киберпреступник желает донести до общества свои взгляды незаконным путём.

Так же киберпреступления совершаются из-за желания признания. Для многих киберпреступников важным фактором является стремление к признанию и статусу в сообществе. Успешные атаки могут принести преступнику известность среди других хакеров и повысить его репутацию. Это может быть особенно актуально для молодежи, которая ищет способы самоутверждения и признания.

Некоторые киберпреступления совершаются из-за скуки, мести или же экспериментирования, желания повысить свои умения в области киберпреступлений.

Киберпреступники обладают рядом личностных черт. В данной статье авторы выделяют следующие из них: социопатия, нарциссизм, высокий интеллект и технические знания, нигилистическое отношение к законности и чувство отстранённости от жертв.

Социопатия — это одна из наиболее распространенных личностных характеристик среди киберпреступников. Социопаты не испытывают чувства вины за свои действия, что делает их более склонными к совершению преступлений. Социопаты имеют пренебрежительное отношение к социальным правилам, нормам морали и закону и осознанно их нарушают.

Нарциссизм также является распространенной чертой среди некоторых киберпреступников. Нарциссы имеют завышенное мнение о себе и своих способностях, что может приводить к высокому уровню самоуверенности и

игнорированию рисков. Они могут стремиться к признанию и восхищению со стороны других, что подстегивает их к совершению преступлений. Авторы статьи уже говорили, что не редко мотивацией для киберпреступлений служит желание признания.

Киберпреступники способны использовать свои знания технологий для совершения сложных киберпреступлений и избегать обнаружения правоохранительными органами. Киберпреступник считает возможным устанавливать и руководствоваться собственной моралью и правилами поведения, навязывая это другим лицам, что является нигилистическим отношением к законности.

Из-за того, что киберпреступник лично не контактирует с жертвой у него появляется чувство отстранённости от жертвы. Киберпреступники могут воспринимать своих жертв как безликих сущностей, а не как реальных людей.

На действия киберпреступников оказывают влияние социальные факторы. Как и при других видах преступлений одним из важнейших факторов является социальная среда, в которой растёт и развивается человек. Поведение человека формируется из его виденья окружающего, поведения родителей и друзей. Человек, который вырос под влиянием плохих компаний более склонен к совершению преступлений. Так же не мало важную роль играет желание подражать кумирам из фильмов или реальным киберпреступникам из новостей. На подростка может оказать значительное влияние сериалы и книги. Желание выделиться, быть лучше своих сверстников, быть таким же «крутым», как его любимый персонаж - всё это толкает человека на совершение киберпреступления.

Авторы считают, что уровень образования также является важным фактором. Низкий уровень образования населения в технологиях позволяют киберпреступникам совершать больше преступлений. Киберпреступник имеет преимущество перед жертвой в своих познаниях.

Так же не последнее место занимает факт социальной адаптации. Люди с низким уровнем социальной адаптации могут быть более склонны к совершению преступлений. Это может включать в себя трудности в установлении социальных связей, проблемы с трудоустройством и отсутствие поддержки со стороны семьи и друзей. Такие факторы могут способствовать тому, что человек ищет альтернативные способы достижения успеха, включая участие в киберпреступлениях.

Для профилактики киберпреступлений используются как технические, так и социальные меры. Государственные органы играют ключевую роль в профилактике киберпреступлений, обеспечивая защиту граждан и организаций от угроз в цифровом пространстве. Авторы статьи предлагают следующие виды профилактики киберпреступности.

Авторы считают самым важным видом профилактики в борьбе с киберпреступностью служит образование и осведомлённость населения о

технических средствах. Следует ввести с школы предмет, который раскрывал бы опасность киберугроз, методах защиты, безопасном поведении в Интернете. Для более взрослого населения можно проводить тренинги и семинары о киберугрозах на месте работы.

Так же важным видом профилактики служит проведения регулярных проверок и оценки безопасности информационных систем.

Разработка и принятие законов, регулирующих кибербезопасность, определяющих ответственность за киберпреступления и устанавливающих санкции за их совершение. В Уголовном Кодексе Российской Федерации уже есть целая глава о преступлениях в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ). Следует регулярно обновлять законы для учета новых технологий и методов киберпреступлений. С ростом киберпреступности следует создать специализированные подразделения в правоохранительных органах для расследования киберпреступлений и реагирования на инциденты.

Следует понимать, что проблема роста киберпреступности касается не только России, но и всего Мира в целом. Для решения этой проблемы можно применить международное сотрудничество. Сотрудничество с международными организациями (например, Интерпол, Европол) для обмена информацией о киберугрозах и совместного реагирования на инциденты.

Искусственный интеллект является новым средством профилактики киберпреступности. Например, искусственный интеллект может выявлять аномалии в поведении пользователей, что позволит вовремя выявить незаконные действия киберпреступника.

Подводя итоги важно отметить, что психология киберпреступника представляет собой сложное явление. Киберпреступник может быть, движим различными мотивами, включая финансовую выгоду, политические и социальные убеждения, желание признания. Преступник может действовать как в одиночку, так и группами.

Технологии играют ключевую роль в формировании киберпреступности. Киберпреступники выбирают всё более сложные инструменты воздействия. Но развитие средств технологий так же служит и предотвращению киберпреступности. Понимание мотиваций и поведения киберпреступников является ключом к разработке эффективных стратегий профилактики и борьбы с этой формой преступности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025)// СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 N 715 (ред. от 31.01.2020) "Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и

перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих"// СПС КонсультантПлюс.

3.Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и её решение // Власть. – 2014. - №8. - С.47.

4. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. -№1(24). - С.45.

Дрогалина Екатерина Алексеевна

Студентка 3 курса

Смоленский филиал Международного

юридического института,

г. Смоленск, Россия

СОСТАВ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В КОАП И УК РФ¹

Drogalina Ekaterina Alekseevna

3th year student

Smolensk Branch of the International

Law Institute,

Smolensk, Russia

THE COMPOSITION OF THE PROSECUTION IN THE ADMINISTRATIVE CODE AND THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Развитие информационных технологий подталкивает к развитию и совершению преступлений при помощи этих технологий. Сбор информации о человеке в сети больше не является сколько-нибудь сложным, но как именно используется информация. Все чаще в СМИ отмечается рост сообщений о навязчивом поведении в сети. На сегодняшний день преследование – stalking, представляет собой одну из самых опасных форм вмешательства в личную жизнь гражданина, во многом из-за того, что stalking не является противоправным поведением в РФ. В данной статье проводится анализ законопроекта изменений вносимых у КоАП РФ, а также рассматривается вопрос о необходимости криминализации преследования.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленский филиал Международного юридического института, Ревенко Яна Дмитриевна

Abstract. The development of information technology is pushing for the development and commission of crimes using these technologies. Collecting information about a person online is no longer difficult, but how exactly the information is used. Increasingly, there has been an increase in reports of intrusive online behavior in the media. Today, stalking is one of the most dangerous forms of interference in a citizen's personal life, largely due to the fact that stalking is not illegal behavior in the Russian Federation. This article analyzes the draft law on amendments to the Administrative Code of the Russian Federation, and also discusses the need to criminalize harassment.

Ключевые слова: информационные технологии, неприкосновенность частной жизни, административная ответственность, преследование, stalking, киберstalking, интернет, уголовное законодательство, неприкосновенность частной жизни

Keywords: information technology, privacy, administrative responsibility, harassment, stalking, cyberstalking, Internet, criminal law, privacy

С развитием информационных технологий свой толчок к развитию получили и различные преступления вроде мошенничества или нарушения неприкосновенности частной жизни. Помимо того, что подобное происходит с уже криминализированными деяниями, те деяния, которые еще даже не рассматриваются российским законодательством как преступления, так же нашли свое отражение в развитии информационных технологий.

На самом деле вопрос о введении наказания за агрессивные попытки общения с лицом, явно этого не желающим в России актуален уже некоторое время, так, к примеру, в июле 2024 в Государственную Думу был внесен законопроект № 671685-8 «О внесении изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Законопроект нацелен на внесение в КоАП положений о административной ответственности за преследование. Появление подобного состава в качестве административной нормы, нам кажется положительным признаком развития в РФ общих знаний о неприкосновенности личного пространства человека, и в целом, характеризуется новый, необходимый эволюционный этап законодательства в целом.

Преследование, согласно этому законопроекту, представляет собой систематическое совершение лицом действий, направленных на причинение преследуемому им гражданину нравственных страданий. [1]

Подобная попытка внести новшества в законодательство связана с распространяющейся опасностью, которую представляет явление, в мировой практике получившее название «сталкинг». Под сталкингом понимается поведение, при котором человек настойчиво ищет встреч с другим человеком, использует для преследования социальные сети, телефонную связь и другое, являясь при этом формой домогательства и запугивания для различных

целей.[6] Подобное поведение уже считается противоправным в ряде стран, например, в Китае, за подглядывание, тайную съемку или любая форма нарушения наказывается штрафом или арестом до 5 суток, в США за stalking и вовсе предусмотрена уголовная ответственность.[4. с. 50]

Подобные меры связаны с общей опасностью и повсеместной распространенностью преследования в различных формах и с применением различных методов. Особенно актуально это стало с развитием информационных технологий. Сеть «Интернет» подразумевает под собой обширную информационную свободу, при чем жертвы stalking в сети, как правило, сами выдают информацию о себе, не осознавая свободы доступа к выкладываемой ими информации для третьих лиц. Такая форма преследования в обиходе получила название «киберstalking», и по сравнению с иными, более физическими формами stalking, она опасна именно тем, что пострадавший до последнего может не осознавать, что сам предоставил преследователю информацию о себе и своих близких, а значит, облегчил преступнику путь к совершению преступления.

Согласно статистике 2023 года, приведенной «Лаборатории Касперского», со стalkerскими программными обеспечениями столкнулись 31 031 пользователя антивирусной программы, из этой же статистики известно, что чаще всего жертвами преследования становятся жители России, Бразилии и Индии.[3]

Таблица 1. Количество пользователей продуктов «Лаборатории Касперского», столкнувшихся с применением стalkerских программных обеспечений.

Страны	Число пострадавших пользователей
Россия	9,890
Бразилия	4,186
Индия	2,492
Иран	1,578
Турция	1,063
Индонезия	871
Соединенные Штаты Америки	799

Предоставленные данные касаются только сетевых данных и технических устройств, статистику по физическому преследованию в России найти сложно, потому что официально она никем не ведется, однако, проводя аналогию, можем сделать вывод, что физическая форма преследования так же имеет место быть в повседневной жизни человека.

Исходя из статистики, которую собирают страны, в которых преследование является противоправным деянием, чаще всего жертвами становятся женщины, которых преследуют мужчины, часто оправдывающие свое поведение любовью и проявлениями внимания, создавая при этом психологически-дискомфортную среду для жертвы, причиняя ей тем самым нравственные страдания. Согласно Бюро судебной статистики США 15 % женщин и 6 % мужчин на территории США когда-либо становились жертвами stalking. [2. с. 102]

Важно отметить, что целью преследования является не только желание добиться от объекта взаимных чувств романтического или сексуального характера, но ряд других причин. Например, мотивом может служить так же запугивание жертвы для получения от нее каких-либо благ, в качестве акта мести или из хулиганских побуждений.

Некоторые деяния, которые подразумеваются под зарубежным понятием stalking в некоторых аспектах пересекаются с составами уже предусмотренными УК РФ и КоАП РФ, например, деяние, предусмотренное ст. 137 УК РФ – нарушение неприкосновенности частной жизни – является самостоятельным составом. Для того, чтобы не допустить возможной конкуренции норм, необходимо грамотно составить текст вносимых в КоАП изменений. При этом, мы считаем необходимым сформулировать подобный состав для уголовного законодательства, как один из ограничителей более серьезной, тяжелой по последствиям формы. Нередко действия преследователя могут носить опасность большую, чем деяния, предусмотренные административными правонарушениями, в связи с чем, выделение схожего состава для УК РФ, на наш взгляд, - необходимость, продиктованная защитой интересов граждан. Однако, следует заметить, что привлечение у уголовной ответственности за действия, предусматривающие собой преследование, без преждевременной оценки опасности этих действий - не разумно, в связи с чем, считаем необходимым ввести в норму фактор административной преюдици. Это позволит избежать излишне строгого наказания для преследования, которое не повлекло особой общественной опасности, и может быть компенсировано в порядке административного наказания.

Поэтому, в случае если подобное противоправное деяние все же будет внесено в УК РФ, как самостоятельный состав, необходимо будет отметить обязательность первоначального привлечения к административной ответственности.

Предполагаемый проект уголовной статьи, предполагающей ответственность за преследование, предлагаем внести в главу 17 УК РФ под номером статьи 127.3, и обозначить в следующей форме:

Преследование, т.е. систематическое совершение лицом, ранее привлекаемым за то же деяние к административной ответственности,

действий, направленных на причинение преследуемому им лицу нравственных страданий, выражающихся в запугивании или наблюдении, или слежке, или вмешательства в нормальную жизнедеятельность лица, поиск и сбор информации, связанной с лицом или его близкими, при условии, что эта информация собирается для личного использования, навязчивые попытки связаться с лицом, если такие действия вызывают состояние эмоционального напряжения лица, нарушают право лица на частную жизнь и свободу или, когда такие действия совершаются с целью вынудить лицо совершить какое-либо действие, либо отказаться от такого действия. – наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Те же действия, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и иных средств связи – наказывается штрафом в размере от шестидесяти до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до ста пятидесяти часов.

Действия, указанные в части 1 и 2 данной статьи, совершенные с использованием служебного положения, - наказывается штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами сроком до пяти лет, либо лишением свободы сроком до пяти лет.

Деяния, предусмотренные ч. 1, 2 и 3 данной статьи, если они повлекли тяжкие последствия для преследуемого лица или его близких, - наказывается лишением свободы сроком до восьми лет.

Внесение подобных изменений в законодательство позволит обезопасить преследуемых лиц, а также их близких, обеспечить полноценную охрану и защиту неприкосновенности частной жизни, чести и достоинства человека, сократить количество посягательств на данные институты. Для законодателя на данном этапе важно предусмотреть все возможные варианты, включая вероятное злоупотребление предоставленной возможностью обезопасить себя от навязчивого преследования, и вывести данную норму первоначально на уровень административной ответственности, позволяя сначала предупредить правонарушителя. Однако, как показывает зарубежная статистика и статистика информационно-технической среды, становится очевидной необходимость криминализации преследования, как одной из форм грубого вторжения в частную жизнь человека.

Список литературы

1. Законопроект № 671685-8 «О внесении изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» //

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/671685-8> (дата обращения: 14.02.2025) - Текст: электронный
2. Емельянова Ж.Э. Ответственность за преследование (сталкинг) в России и за рубежом / Ж.Э. Емельянова, Т.В. Корнилова // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3(37). С. 100–106.
 3. «На четверть выросло количество российских пользователей, столкнувшихся со сталкерскими программами в 2024 году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/na-chetvert-vyroslo-kolichestvo-rossijskih-polzovatelej-stolknuvshihsya-so-stalkerskimi-programmami-v-2024-godu> (дата обращения 14.02.2025) - Текст : электронный
 4. Рыжова О. А. Корнишина Ю. С. Об ответственности за сталкинг в Российской Федерации и в зарубежных странах / О. А. Рыжкова, Ю. С. Корнишина // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 49–55.
 5. Степаненко А.В. Сталкинг как уголовное преступление в российской федерации / А. В. Степаненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №4. С. 194-196.
 6. Чеброва А. «Будь со мной, или я тебя уничтожу». Истории трех жертв сталкинга / А. Чеброва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://takiedela.ru/news/2020/08/13/3-zhertvy-stalkinga> (дата обращения 14.02.2025) – Текст: электронный

Кицуненко Ольга Геннадиевна
студентка 3 курса
Краснодарского университета Министерства
внутренних дел Российской Федерации
г. Краснодар, Россия

СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД¹

Kitsunenka Olga Gennadievna
3rd year student
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Krasnodar, Russia

SOCIO - POLITICAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE ACTIVITIES OF FINANCIAL PYRAMIDS

Аннотация. Цель статьи заключается в раскрытии сущности и содержания понятия финансовой пирамиды. Особое внимание уделяется уголовно-правовым мерам, которые могут быть реализованы для противодействия криминальной деятельности финансовых пирамид. В результате анализа предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства в изучаемой области.

Abstract. The purpose of the article is to reveal the essence and content of the concept of a financial pyramid. Special attention is paid to criminal law measures that can be implemented to counteract the criminal activities of financial pyramids. As a result of the analysis, recommendations are proposed for improving legislation in the field under study.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, мошенничество, экономика, организация деятельности по привлечению денежных средств.

Keywords: financial pyramids, fraud, economics, organization of activities to attract funds.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, Ильницкий Александр Сергеевич

Финансовые пирамиды представляют собой одну из наиболее опасных форм мошенничества, которая активно развивается в условиях цифровизации. Это одна из форм теневой экономики России, которая с каждым годом масштабируется и не дает полноценно становиться государству экономически сильным участником на мировой арене.

По данным Центробанка, люди ежегодно теряют миллиарды рублей от деятельности подобных организаций. Председатель Центрального банка Набиуллина Э.С., отметила: «Мы сталкивались с несколькими случаями, когда были крупные пирамиды, которые могут, очень быстро привлечь большое количество людей, а у нас нет возможности закрыть их. Поэтому здесь скорее возникло желание дать инструментарий самим людям: не несите туда деньги». Таким образом, представленная проблема является актуальной и требует выработки комплекса мер противодействия. Одним из противодействий следует определить появление эффективности реализации уголовной ответственности за деятельность финансовых пирамид.

Под финансовыми пирамидами понимается с экономической точки зрения способ незаконного обогащения, используемый финансовыми компаниями. Поступления денежных средств от продажи компанией ценных бумаг лицам, образующим нижние слои пирамиды, частично передаются в виде дивидендов лицам, которые ранее приобрели ценные бумаги образуют верхушку пирамиды, частично идут на широкую рекламу и в доход финансовой компании.

В нормативно - правовых документах нет прямого определения финансовой пирамиды, но в статьях 14.62 КоАП РФ, 172.2 или 159 УК РФ используется понятие «деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», при которой «выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». Исследователи выделяют и другие признаки финансовой пирамиды: отсутствие лицензий, обещание гарантированной доходности, заметно превышающей среднерыночную, агрессивная реклама, закрытость информации о реальном финансовом положении и источнике высокой доходности [6, с.156]. Особенностью финансовых пирамид является их прибыльность в течении непродолжительного количества времени, но является достаточно чтобы сформировать идейность и вселить доверие участникам.

На практике для выявления организаций, имеющих признаки финансовых пирамид, используются Методические рекомендации МВД России. При оценке организации или проекта по данной методике наличие признаков лишь

косвенно свидетельствует о ведении деятельности по типу финансовой пирамиды. Достаточно проблематично доказать умысел, так как на первоначальном этапе организации выполняют свои обязательства, а для возбуждения уголовного дела необходимы заявления потерпевших, которые поступают уже после того, как финансовая пирамида рухнула [5, с.112], что ограничивает эффективность принимаемых мер. Даже если и был умысел на завладение вкладчиками денежных средств, то не все пострадавшие могут быть признаны потерпевшими. Если организатор докажет, что привлеченные средства были не присвоены, а пошли на выплаты другим участникам, то не подлежит квалификации как мошенничество. В связи с этим установленный законодателем подход требует доработки [7, с.24].

Следует разграничить понятие между «мошенничеством» и «финансовой пирамидой». Мошенничество – это обман с целью получения выгоды, часто с использованием ложной информации или введение в заблуждение. Финансовая пирамида – это схема, в которой прибыль участников зависит от привлечения новых участников. В таких схемах первоначальные участники получают доход за счет взносов новых участников, а не от реальной деятельности или инвестиции. В большинстве случаев финансовые пирамиды являются незаконными и рассматриваются как мошенничество, так как они ведут к потерям для новых участников. Например, Организация «Финико» работающей по принципу финансовой пирамиды и являющейся объектом многочисленных расследований в сфере экономической безопасности. Сущность её деятельности заключалась в привлечении денежных средств от широкого круга лиц под обещания стабильного и высокого дохода, существенно превышающего рыночные показатели. Руководство организации заявляло о разработке уникальных алгоритмов, способных генерировать постоянную прибыль на финансовых рынках, однако фактических подтверждений существования подобных технологий представлено не было. Уголовное преследование организаторов «Финико» было инициировано по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующей ответственность за мошенничество. Квалификация их действий как мошеннических обусловлена тем, что руководители и иные лица заведомо вводили вкладчиков в заблуждение относительно реального характера инвестиционной программы. Таким образом, присутствовал умысел на хищение имущества путем обмана, что и является ключевым признаком состава преступления, предусмотренного статьёй 159 УК РФ.

В дальнейшем при развитии информационных технологий появляются новые виды такие как криптовалютные пирамиды, но принцип работы их не изменился. Можно выделить два варианта финансовых пирамид:

Первый, когда организатор не сообщает причину появления дохода или с помощью обмана обещает высокий доход за деятельность, а информация о дальнейшей выплате прекращается. В этом случае, действия можно

квалифицировать по ст. 159 УК РФ, как способ совершения хищения или приобретение права на чужое имущество путем обмана, то есть сознательное умолчание о фактах либо введение в заблуждение лица.

Второй вариант, если организаторы заранее информируют участников о том, что схема построена на привлечении новых участников и что она имеет реально предпринимательскую деятельность и все согласны с этим. В этом случае можно утверждать, что участников не вводят в заблуждение, и они осознанно рискуют своими деньгами. Так, при привлечении к уголовной ответственности по ст.159 УК РФ отсутствует способ совершения – обман.

В 2016 году Федеральным законом от 30.03.2016 N 78-ФЗ в УК РФ была внесена ст.172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и(или) иного имущества». Случаи возбуждения дел по ст. 172.2 УК РФ остаются достаточно редки, но и здесь существуют определенные трудности в квалификации деятельности финансовых пирамид. Так, одна из проблем остается применение ст.159 УК РФ «Мошенничество» правоохранительными органами в силу ее проработанности. Под деятельностью финансовой пирамиды также следует понимать обеспечение дальнейших обязательств, путем перераспределения активов, но по ст.172.2 УК РФ дело возбуждается тогда, когда деньги ни в какие активы не вкладываются.

Рассматривая международный аспект по борьбе с финансовыми пирамидами, можно прийти к выводу, что многие страны при борьбе используют различные методы, не только мониторинг и повышение финансовой грамотности населения или введение новых подразделений для пресечения незаконной организации, но и напрямую в большинстве стран финансовые пирамиды запрещены законом, в Объединенных Арабских Эмиратах за их создание введена смертная казнь, в Китае за подобную деятельность также возможна высшая мера наказания. Для создания более прозрачной и безопасной среды, некоторые страны ввели законы и законопроекты, направленные на защиту граждан от финансового мошенничества, которые в дальнейшем показали эффективную борьбу.

Такие статьи, как ст. 224а УК КНР определяет и устанавливает организацию или руководство финансовой пирамиды. Важнейшими специальными актами в данной сфере стал «Закон о недобросовестной конкуренции» в Польше, Германии, Канаде и Австрии. С сентября 2022 года в УК РК введена новая ст.217-1. «Реклама финансовой (инвестиционной) пирамиды», однако привлекать к уголовной ответственности за рекламу финансовых пирамид будут только после вынесения приговора за создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой (статья 217 УК РК), до этого определить, является ли организация финансовой пирамидой, не представляется возможным.

В РФ было не мало попыток о введение прямого запрета на создание, руководство и пропаганду финансовых пирамид. Следует отметить, что в 2012

году Следственным комитетом было предложено законопроект о введении уголовной ответственности за создание финансовых пирамид. 13 апреля в 2023 году Депутаты Госдумы предложили внести поправки в ст. 172.2 УК РФ, но уполномоченный при президенте России по защите прав предпринимателей Борис Титов не поддержал новый законопроект о финансовых пирамидах, который предполагает ужесточение наказания за их создание. Он отметил, что проектируемая статья 172.4 УК (реклама финансовой пирамиды) не объясняет, должен ли распространитель «заведомо обладать информацией о том, что рекламируемое образование является финансовой пирамидой, а не добросовестным инвестиционным проектом».

Учитывая вышесказанное, следует отметить необходимость разработки отдельной Финансовые пирамиды, или схемы, основанные на привлечении денежных средств новых участников для выплаты вознаграждений предыдущим, остаются серьёзной угрозой экономической стабильности и благополучия граждан. Они эволюционируют параллельно с развитием цифровых технологий и появляются на рынках в различных формах, включая интернет-площадки, приложения на мобильных устройствах и даже криптовалютные проекты. Участники подобных схем зачастую не осознают рисков, связанных с манипуляциями организаторов, что ведёт к существенным финансовым потерям и подрыву доверия к инвестиционным инструментам в целом. Анализ статистики за последние годы демонстрирует рост числа таких мошенничеств, несмотря на уже имеющиеся правовые механизмы. Это свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства и усиления мер правоприменения.

Одной из ключевых законодательных инициатив должна стать разработка и включение в Уголовный кодекс отдельной статьи, регламентирующей ответственность за организацию и распространение финансовых пирамид. В ней следует чётко определить термины, чтобы исключить неоднозначное толкование понятия «финансовая пирамида», а также описать механизмы привлечения к ответственности организаторов, пособников и лиц, способствующих рекламе подобных проектов. Кроме того, необходимо предусмотреть положения о конфискации имущества, полученного в результате незаконной деятельности. Не менее важным направлением противодействия является профилактика участия граждан в сомнительных схемах. Особенно ценно привлечь к формированию таких программ экспертов и общественные организации, занимающиеся защитой прав потребителей. Распространение доступных, наглядных учебных материалов поможет формировать у населения критическое отношение к обещаниям сверхприбыли и выявлять признаки мошенничества на раннем этапе.

Таким образом, исследование финансовых пирамид подчеркивает их актуальность как серьёзной угрозы для экономической безопасности и финансового благосостояния граждан. Учитывая возрастающее количество

случаев мошенничества, связанных с финансовыми пирамидами, и их способность наносить значительный ущерб не только индивидуальным инвесторам, но и всей экономической системе, становится очевидной необходимостью более строгого регулирования на законодательном уровне. Эффективные меры, направленные на предотвращение деятельности финансовых пирамид, могут включать разработку четких правовых норм, определяющих ответственность за организацию и участие в таких схемах, а также механизмы мониторинга и контроля финансовых операций. Тщательное законодательное регулирование позволит не только защитить права потребителей, но и создать более устойчивую и прозрачную финансовую среду. В контексте глобализации финансовых рынков и цифровизации экономики данная тема становится особенно важной, и ее неотложное решение требует активного участия как государственных органов, так и общества в целом.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. – 1996. - №25 - ст. 2954.
2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за создание и руководство деятельностью финансовой пирамиды» // Российская газета. – 2012. – № 5951. – С. 18.
3. Курина М. С. Проблема привлечения к уголовной ответственности за создание или организацию финансовых пирамид // Право: современные тенденции: материалы II междунар. науч. конф. – Уфа: Лето, 2014. – С. 111-113.
4. Пшеничников В.В., Анжу А.А. Параметры идентификации типичных признаков финансовых пирамид на основе инструментов фрактальной геометрии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки – 2018. – Т. 11.–№ 1. – С. 154–167.
5. Рыжкова М.В., Кашапова Э.Р. Устойчивость феномена финансовой пирамиды // Terra Ecomomicus 20(3), 2022. - С. 22–38.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан: практическое пособие. – Алматы: «Издательство «Норма-К», 2020. – 260 с.

Кузьмицкая Александра Николаевна
Смоленский филиал Международного
юридического института,
г. Смоленск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Kuzmitskaya Alexandra Nikolaevna,
Smolensk Branch of the International Law Institute,
Smolensk, Russia

THE USE OF CRYPTOCURRENCIES IN CRIMINAL ACTIVITIES

Аннотация. В статье рассматривается использование криптовалюты в преступной деятельности, акцентируется внимание на различных формах преступлений, связанных с ее применением. Также освещаются аспекты анонимности и конфиденциальности криптовалют, вызванные их децентрализованной природой и применением технологий блокчейн. Увеличение числа пользователей криптовалют создает возможности для совершения различных преступлений. Особое внимание уделяется сложности идентификации преступников, что связано с анонимностью и децентрализованным характером криптовалютных операций. Отмечается двойственная природа криптовалют: с одной стороны, они могут быть использованы как предмет, а с другой — выступают средством совершения преступления. Также обсуждается необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, включая введение квалифицирующих признаков, связанных с использованием цифровых валют, в ряд статей.

Abstract. The article discusses the use of cryptocurrency in criminal activity, focusing on various forms of crime associated with its use. It also highlights the anonymity and privacy aspects of cryptocurrencies caused by their decentralized nature and the use of blockchain technologies. The increase in the number of cryptocurrency users creates opportunities for committing various crimes. Particular attention is paid to the difficulty of identifying criminals, which is associated with the anonymity and decentralized nature of cryptocurrency transactions. The dual nature of cryptocurrencies is noted: on the one hand, they can be used as an object,

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленский филиал Международного юридического института, Ревенко Яна Дмитриевна

and on the other, they act as a means of committing a crime. The need to amend the Criminal Code of the Russian Federation, including the introduction of qualifying features related to the use of digital currencies, in a number of articles is also discussed.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, отмывание денег, терроризм, уклонение от налогов, законодательство, криптовалютные биржи, финансовые операции, преступления с использованием криптовалют.

Key words: cryptocurrency, blockchain, money laundering, terrorism, tax evasion, legislation, cryptocurrency exchanges, financial transactions, cryptocurrency crimes.

С начала 2024 года в России произошли значительные изменения в регулировании криптовалютной сферы, в первую очередь, это связано с легализацией майнинга (процесса добыwania криптовалюты с использованием специального оборудования). Это событие открывает новые горизонты для использования криптовалюты, делая её обращение более прозрачным в рамках отдельных правовых аспектов. Однако, несмотря на данный прогресс, основные проблемы, связанные с анонимностью и децентрализованной природой криптовалют, сохраняют свою актуальность.

Криптовалюта, как инструмент, предлагает пользователям высокий уровень конфиденциальности, что делает её привлекательной для осуществления различных финансовых операций без надлежащего контроля со стороны государственных органов. Современные системы обращения цифровых валют предлагают возможности для создания сложных структур, позволяющих скрывать истинные источники доходов. Например, использование услуг так называемых "миксеров" или "обменников" позволяет затруднить отслеживание происхождения криптовалютных активов.

Криптовалюта, благодаря своей децентрализованной природе и использованию блокчейна (технологии, позволяющей хранить и передавать данные в виде последовательности связанных блоков), обеспечивает анонимность транзакций и позволяет пользователям сохранять конфиденциальность их финансовой активности. Это свойство делает её привлекательной не только для легитимных финансовых операций, но и для лиц, стремящихся уклониться от надзора и регулирования со стороны государственных органов. Более того, отсутствие централизованной управляющей структуры затрудняет идентификацию участников сделок, что может способствовать использованию криптовалюты в нелегальных или полунелегальных схемах, таких как отмывание денег, финансирование терроризма и уклонение от уплаты налогов. В связи с увеличением использования криптовалюты, многие государства сталкиваются с вызовами, связанными с необходимостью создания нормативно-правовой базы для

обеспечения надлежащего контроля за пользователями криптовалютных бирж и обращением цифровых валют.

Из отчета Банка России о финансовой стабильности за четвертый квартал 2023 — первый квартал 2024 следует, что активность российских пользователей на рынке криптовалютных активов выросла. В отчетный период объем притоков и оттоков криптоактивов (BTC, ETH, USDT и USDC), потенциально приходящийся на россиян, увеличился до 4,5 трлн руб., показав рост на 15,6% по сравнению со вторым и третьим кварталами 2023 года [2, с.20]. Так же в докладе Центрального Банка говорится, что в августе 2021 года Россия вышла на 3-е место по объему майнинга Биткойна (BTC) – на ее долю приходится 11,23% вычислительных мощностей, используемых для майнинга Биткойна (в начале 2021 года доля России составляла 6,9%) [3].

Приведенная статистика свидетельствует о росте популярности цифровых валют среди населения Российской Федерации. Данное явление в свою очередь предоставляет возможности для совершения ряда преступных деяний. При этом правоохранительным органам тяжело установить личность виновных из-за специфики криптовалютных операций.

Криптовалюта может выступать как предмет преступления и как средство его совершения. Так в коррупционных преступлениях, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, цифровая валюта является предметом преступления. Следовательно, передача криптовалютных активов в качестве взятки будет квалифицироваться по соответствующим статьям уголовного закона, поскольку Гражданский кодекс Российской Федерации относит цифровые права на криптоактивы к имущественным правам, составляющим объективную сторону указанных преступлений.

Средством совершения преступлений может стать как сама криптовалюта, так и криптовалютные биржи, представляющие собой онлайн-платформы, позволяющие пользователям обменивать цифровую валюту на фиатные деньги (доллары, евро и т.д.) или другие криптовалюты. Криптовалюту используют для приобретения запрещенных или ограниченных в обороте предметов, таких как оружие, боеприпасы, наркотические, психотропные вещества и их аналоги. Также цифровой валютой финансируются преступления террористической направленности.

Примером криптовалютного финансирования терроризма служит недавний теракт в «Крокус Сити Холл», произошедший 22 марта 2024 года. Следственный комитет России сообщил, что 28 марта в ходе расследования был задержан еще один подозреваемый, участвовавший в схеме финансирования террористов. Этот человек передал террористам банковскую карту с денежными средствами, часть из которых переводилась в криптовалюту [4].

Криптовалютные биржи также могут стать средством совершения преступлений, предметом которых выступает криптовалюта. Они бывают двух типов: централизованные и децентрализованные. В первом случае покупатель и продавец создают заявки и размещают их на бирже. Алгоритм автоматически сравнивает заявки, и, если цена покупателя совпадает с ценой продавца, биржа их соединяет. Затем денежные средства покупателя и цифровая валюта продавца изымается и происходит обмен. Биржа, гарантируя безопасность операций выступает посредником, хранит средства и обеспечивает исполнение сделок между участниками. Во втором случае покупателем и продавцом создаются криптовалютные кошельки, которые подключают к бирже без регистрации и передачи персональных данных. Пользователь выбирает какую сделку он хочет совершить, указывает сумму и подтверждает транзакцию. Специализированная программа проверяет кошельки контрагентов и осуществляет обмен.

В обоих случаях распространенной формой преступного деяния является сговор трейдеров, с целью убедить других инвесторов в том, что рост определенной криптовалюты оправдан и продолжится в будущем, для чего используются также и средства массовой информации. По достижении определенной цены участники манипуляции продают купленную заранее криптовалюту и прекращают распространение информации, в результате чего цена быстро возвращается к начальному уровню, а лица, которые под влиянием такого рода информации приобрели данный вид криптовалюты, несут убытки. Представленные действия можно квалифицировать по ст. 185.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Помимо указанных вариантов, как средство совершения преступления, криптовалюта также применяется при уклонении от уплаты налогов. Фактические владельцы криптовалютных активов могут не отражать доходы от операций с ними в налоговых декларациях, что создает дополнительные сложности не только для налогового учета, но и для правоприменительной практики в целом.

Круг статей, где цифровые валюты выступают как предмет или средство совершения преступления обширный. Тяжело определить конкретный перечень, так как финансовые технологии развиваются, что способствует созданию новых преступных схем. Помимо растущей популярности криптовалюты в незаконной деятельности, также сохраняется проблема их анонимности, что не дает увидеть полноценную картину преступности в данной области. Как отмечают С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников, Ю.М. Берёзкин, Я.А. Суходолов в настоящее время мировая статистика преступлений с использованием цифровой валюты не ведется, но, согласно данным экспертов, именно криптовалюта является средством расчетов в 95% случаев [5].

Банк России отмечает, что затрудняющим фактором при проведении финансовых расследований является необходимость проведения сопоставлений совершенных транзакций по криптокошелькам предполагаемых преступников с транзакциями, совершаемыми по банковским картам и электронным средствам платежа, находящимся в распоряжении данных лиц, а также анализ временных промежутков между указанными операциями [3]. На данный момент не существует подходов, позволяющих деанонимизировать всех участников операций с криптовалютами, что порождает риски развития преступности с применением цифровых валют.

Со стороны государства предпринимаются меры по усилению контроля и повышению прозрачности в использовании криптовалютных активов. 19 февраля 2021 года Федеральной службой по финансовому мониторингу было сообщено о создании аналитического программного инструмента под названием «Прозрачный блокчейн», предназначенного для мониторинга и анализа операций с использованием одной из самых распространенных криптовалют – Биткоин (BTC) [6]. Как известно, BTC не единственная криптовалюта, используемая на территории Российской Федерации. Существует и ряд других, обладающих большей анонимностью, по сравнению с Биткоином. Следовательно, внедрение системы «Прозрачный блокчейн» не способно полностью контролировать использование криптовалют в нелегальной деятельности.

Более эффективными мерами по отслеживанию противоправного применения цифровых валют будет являться создание контрольно-мониторинговых систем за разными видами криптовалют. Такие системы должны широко применяться в деятельности правоохранительных органов по выявлению и пресечению совершения преступлений.

Проведенный анализ демонстрирует, что криптовалюты, благодаря своей децентрализованной природе и имманентной конфиденциальности, создают беспрецедентные вызовы для правоохранительных систем и национальных законодательств. Стремительный рост использования цифровых активов в Российской Федерации, подтвержденный статистикой Банка России, в совокупности с присущей им анонимностью транзакций, значительно усложняет идентификацию участников преступных деяний и препятствует эффективному противодействию новым формам криминальной активности.

Таким образом, помимо мониторинговых мер, следует предусмотреть в статьях 174, 174.1, 185.3, 198, 199, 205.1, 222, 228 290, 291, 291.1, 291 Уголовного кодекса Российской Федерации отдельными пунктами квалифицирующие признаки в виде применения цифровых валют при совершении преступления.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – ст. 2954;
2. Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А., Берёзкин Ю.М., Суходолов Я.А. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции [Текст] / С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников, Ю.М. Берёзкин, Я.А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — № 1. — С. 85-93.;
3. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений. [Текст] / А.А. Коренная, Н.В. Тыдыкова // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — № 3. — С. 408–415.
4. Котельвин М.О., Прозрачный блокчейн: тенденции развития государственного контроля за использованием криптовалюты в преступной деятельности [Текст] / М. О. Котельвин // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 10 (214). — С. 138-139.;
5. Центральный Банк Российской Федерации, Доклад для общественных консультаций "Криптовалюта: тренды, риски, меры" / Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс] // Банк России : [сайт]. — URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1738067179&tld=ru&lang=ru&name=Consultation_Paper (дата обращения: 10.12.2024);
6. Центральный Банк Российской Федерации, Обзор финансовой стабильности / Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс] // Банк России: [сайт]. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49151/4_q_2023_1_q_2024.pdf (дата обращения: 01.12.2024);
7. Штурма Я., Солдатов Р. Цифровой силуэт: теракт в «Крокусе» финансировали криптовалютой / Штурма Я., Солдатов Р. [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. — URL: <https://iz.ru/1673581/iana-shturma-roman-soldatov/tcifrovoy-siluet-terakt-v-krokuse-finansirovali-kriptovaliutoi> (дата обращения: 10.01.2025).

Карпова Наталья Анатольевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Смоленский филиал Международного юридического института
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Смоленского государственного университета
г. Смоленск, Россия

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Karpova Natalia Anatolyevna
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Smolensk Branch of the International Law Institute
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Аннотация. Статья раскрывает вопросы цифровизации российского уголовного процесса, проводится анализ возможности использования искусственного интеллекта в отечественном уголовном судопроизводстве.

Abstract. The article reveals the issues of digitalization of the Russian criminal process, analyzes the possibility of using artificial intelligence in domestic criminal proceedings.

Ключевые слова: цифровизация, уголовный процесс, искусственный интеллект.

Keywords: digitalization, criminal procedure, artificial intelligence.

Начавшейся в России процесс цифровизации затронул все сферы жизнедеятельности человека, включая и уголовное судопроизводство. Отправной точкой в данном направлении послужил Национальный проект «Цифровая экономика», запланированный к пятилетней реализации с 2019 по 2024 годы [4, с.5]. Согласно плану, приоритетными оказались государственные задачи, связанные с внедрением цифровых технологий, а также платформенных решений для сфер государственного управления, оказания госуслуг. Совершенствование механизмов обработки обращений,

мониторинга и анализа результатов их рассмотрения необходимы и одновременно полезны современному обществу.

Безусловным плюсом российской цифровизации явилось создание единого портала Госуслуг, позволяющего подавать иски, жалобы и ходатайства через интернет – приемную государственных органов, в том числе правоохранительных. На наш взгляд создание данного суперсервиса в большей мере способствуют усилению принципа законности и соблюдению прав человека [1, с.4]. Так, в личном кабинете заявителя уже в течении нескольких часов можно увидеть информацию о номере зарегистрированного документа и отследить статус своего обращения на сайте соответствующего органа власти. По нашему мнению, прием заявлений, жалоб и иных обращений граждан с использованием цифровых технологий максимально способствует соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства, делая работу правоохранительных органов прозрачной и доступной для институтов гражданского общества.

По замыслу КАС РФ и УПК РФ, заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок может быть подано в защиту предполагаемого нарушенного права на разумные сроки досудебного и судебного производства по уголовному делу, связанному с привлечением лица к уголовной ответственности [2, с.5]. Так, Краснодарский краевой суд удовлетворил административное исковое заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство по уголовному делу в разумный срок в размере 500 000 рублей каждой. Административным истцам удалось доказать свои доводы о волоките уголовного дела на основании того, что с момента подачи заявлений о преступлении до момента возбуждения уголовного дела прошли 1 год 2 месяца и 8 месяцев соответственно, в течение которых выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, в последствии отмененные как незаконные (необоснованные), при этом указания заместителя прокурора, отраженные в постановлениях об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела не исполнялись. Также в ходе предварительного следствия неоднократно выносились постановления о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 208 Уголовно - процессуального кодекса Российской Федерации, которые отменялись руководителем следственного органа [3, с.6].

Позитивной для современного общества тенденцией цифровизации следует признать работу сервиса «Правосудие онлайн», благодаря которому судебные уведомления направляются участникам судебного процесса (в случае их согласия на данный способ уведомления) посредством портала Госуслуги, с использованием государственной почтовой системы (ГЭПС). При этом, участники судебного процесса считаются извещенным, если через указанный портал будет подтверждена доставка судебного извещения.

Сегодня через Госуслуги можно обратиться в органы прокуратуры Российской Федерации, Следственного Комитета РФ, органы полиции, ФСИН РФ и др.

Безусловно использование дистанционных технологий в уголовном судопроизводстве, значительно облегчают работу правоохранителей. Так, система видео-конференцсвязи, облегчает работу судей по отправлению правосудия, позволяет уменьшить транспортные затраты при конвоировании подозреваемых и обвиняемых, способствует реализации мер государственной защиты в отношении свидетелей и потерпевших от преступлений.

Говоря о цифровой трансформации современного общества, мы предполагаем запуск автоматизации различных процессов управления, в том числе использование технологий, предполагающих полное исключение участия человека, либо упрощение процессов и уменьшение количества рутинных операций. При такой автоматизации основным инструментарием становится искусственный интеллект (далее -ИИ).

В уголовном судопроизводстве применение ИИ имеет свою специфику, в зависимости от задач, которые реализуют его участники. Безусловно, значимой из них является способность ИИ автоматизировать схожие повторяющиеся операции, при одновременном сокращении времени и упрощении процесса подготовки процессуальных решений судьями, прокурорами, адвокатами и иными представителями правоохранительных органов. В первую очередь, — это относится к работе с процессуальными документами. Так, применение ИИ позволит максимально быстро произвести их сортировку, структурирование и даже проверку на наличие технических ошибок. Кроме того, ИИ поможет проанализировать объемные судебные решения и спрогнозировать результат текущих дел. По нашему мнению, применение подобного рода систем способно повысить качество осуществления правосудия.

На наш взгляд, в работе следователя, применение ИИ также будет полезным в выдвижении различных следственных версий, позволяющих направлять и планировать предварительное расследование. Так, использование нейросети упростит процесс протоколирования ряда следственных и процессуальных действий, таких как допросы потерпевших и свидетелей, осмотр предметов и документов, назначение экспертизы и других.

Нейросеть может оказаться полезной и в подготовке сторон к участию в судебных прениях. Когда прокурору или защитнику необходимо высказаться по вопросам постановки приговора в части, назначения наказания, выбора и расчета срока наказания с учетом сведений о личности подсудимого, квалификации преступления, вопроса о сумме гражданского иска, судебных издержек, то есть в тех, - где используются точные арифметические расчеты.

Именно такого рода боты-помощники могут оказаться необходимым и важным инструментом в деятельности любого представителя юридической профессии.

Таким образом, нейросети действительно могут ускорить процесс подготовки уголовных дел и снизить вероятность возникновения ошибок в процессуальных документах. В то же время, искусственный интеллект в полной мере не способен заменить человеческий разум, способность человека к эмпатии, иным нравственным характеристикам. На сегодняшний день совершенно невозможно использовать искусственный интеллект при производстве доказывания, например, в судебном следствии. Действующий УПК РФ обязывает судью, присяжных заседателей, а также прокурора, следователя и дознавателя оценить доказательства в их совокупности и на основе внутреннего убеждения, руководствуясь совестью и законом.

В целом цифровизация уголовного процесса имеет много положительных тенденций и способствует ускорению российского судопроизводства, упрощению отдельных процедур производства процессуальных действий. При этом некоторые решения ИИ все же могут подвергаться сомнению на их юридическую корректность и справедливость, поскольку даже в простом деле, могут возникать нюансы его правовой интерпретации, которые, к сожалению, искусственный интеллект (алгоритм) может упустить. А потому проблема доверия общества к подобным системам все еще продолжает оставаться актуальной.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС Консультант плюс: офиц. сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.
2. Решение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. по делу № ГКПИ10-862 //Обзор практики рассмотрения судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 мая 2011 г.) // СПС Гарант: офиц. сайт – URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58103250/ (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.
3. Решение Краснодарского краевого суда № 3А-527/2024 от 30 июля 2024 г. / [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.
4. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019) / [Электронный ресурс] URL:

Колмыкова Олеся Анатольевна
студент 2 курса
Смоленский государственный
университет, г. Смоленск, Россия

Щербаков Иван Антонович
студент 2 курса
Смоленский государственный
университет, г. Смоленск, Россия

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЛЕМА СЕМЬИ ИЛИ ОБЩЕСТВА?¹

Kolmykova Olesya Anatolyevna
2nd year student
Smolensk State University,
Smolensk, Russia
Shcherbakov Ivan Antonovich
2nd year student
Smolensk State University
Smolensk, Russia

DOMESTIC VIOLENCE: A PROBLEM OF THE FAMILY OR SOCIETY?

Аннотация. В статье исследуется проблема домашнего насилия в России в контексте несовершенства уголовного законодательства. Авторы анализируют действующие нормы УК РФ (ст. 116.1, 117), отмечая их недостаточную эффективность из-за отсутствия отдельной квалификации домашнего насилия и мягкости санкций. На примере судебной практики демонстрируются системные пробелы: сохранение зависимости жертв, ложное раскаяние агрессоров, минимальные компенсации морального вреда.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Карпова Наталья Анатольевна

Abstract. The article examines the problem of domestic violence in Russia in the context of imperfect criminal legislation. The authors analyze the current norms of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 116.1, 117), noting their insufficient effectiveness due to the lack of a separate qualification of domestic violence and the leniency of sanctions. Using the example of judicial practice, systemic gaps are demonstrated: the continued dependence of victims, the false repentance of aggressors, and minimal compensation for moral damage.

Ключевые слова: домашнее насилие, уголовная ответственность, декриминализация, помощь жертвам насилия, защита жертв, реабилитация жертв.

Key words: domestic violence, criminal liability, decriminalization, assistance to victims of violence, protection of victims, rehabilitation of victims.

Домашнее насилие на протяжении долгого времени остается одной из сложнейших проблем, требующих содержательного юридического решения, во многих странах, включая Россию. Это обусловлено как латентным характером данного вида правонарушения, так и его деструктивными последствиями. Кроме того, исследования указывают, что жертвами семейного насилия обычно становится наиболее незащищенная часть населения: женщины и дети в силу их экономической зависимости и физической уязвимости. Так, согласно данным Всемирной организации здравоохранения о глобальном распространении насилия, каждая третья женщина (35%) в мире сталкивается с физическим или сексуальным насилием на протяжении своей жизни. При этом 30% женщин сообщают, что стали жертвами какой-либо формы физического или сексуального насилия со стороны своих партнеров [2].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) отсутствует дефиниция «домашнее насилие». Тем не менее в Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин домашнее насилие определяется как «акт насильственного характера, совершенный на основании полового признака, который оказывает либо может оказать физический, половой или психологический вред, или страдания женщинам, а также угрозы осуществления таких актов, лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни» [1, с. 2]. Очевидно, домашнее насилие проявляется в различных формах: от психического давления до прямого применения физической силы и причинения телесных повреждений.

Насилие также затрагивает детей. Согласно информации от детского омбудсмена Марии Львовой-Беловой, в России ежегодно может происходить свыше 100 000 преступлений против несовершеннолетних. Уполномоченная по правам ребенка также отмечает, что с 2018 года в стране наблюдается увеличение случаев сексуальных преступлений в отношении детей.

Как правило, дети не могут защитить себя и своего родителя, который подвергается насилию со стороны другого родителя. Так же, как и сами женщины являются заложниками жизненных обстоятельств, и не могут

помочь ни себе, ни ребенку. Они боятся и стыдятся обращаться в правоохранительные органы, боясь осуждения. Но когда насилие в семье становится невозможно терпеть, женщина обращается за помощью, но, к сожалению, не получает должную защиту, в силу мягкости уголовного наказания. Так, в феврале 2017 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в статью 116 УК РФ», декриминализовавший побои, в отношении близких родственников. Руководствуясь данным законом, первое рукоприкладство «...влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов» [3]. Значит, партнер может выплатить штраф, который может быть изъят и из семейного бюджета, то есть женщина должна будет платить за то, что к ней были применены насильственные действия, либо, если штраф заплатит сам насильник, он вернется в семью, чувствуя злость. В худшем случае - отсидит 10-15 суток и будет то же самое. Человек, понесший данное наказание не успевает осознать вину и ему ничего не помешает вернуться и продолжить насильственные действия над жертвой. Санкция данной статьи губительно сказывается на жертвах насилия.

Если домашнее насилие повторяется, то применяются ст. 116.1 УК РФ «Побои», в которой сроки наказания не превышают 2-3 года [4, с. 1]. По нашему мнению, насилие в семье должно признаваться отягчающим обстоятельством, что будет влиять на сроки отбывания наказания и являться устрашающим фактором для насильников. Но увы — это не является основной проблемой. В российском законодательстве не определен термин «домашнее насилие». Данное преступление квалифицируется как «побои» и не выделено в отдельную статью по аналогии, например, со ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка».

В соответствии с Конституцией РФ «...достоинство личности охраняется государством. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» [5]. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам. Почему же реализовать защиту женщин от домашнего насилия так проблематично? Нам представляется, что в качестве детерминант могут выступать следующие факторы:

- жалость женщин к своим мужьям и клейму уголовника;
- безразличие правоохранительных органов к семейным правонарушениям из-за сложности делопроизводства, оправдывая это тем, что супруги сами могут разобраться;
- стереотип виновности женщины по типу «сама спровоцировала», «сама довела», что накладывает определенный психологический отпечаток на жертву домашнего насилия;

- неэффективность профилактической работы и социального освещения проблемы по примеру терроризма или наркотиков, хотя это является не менее важной проблемой;
- страх последствий от обращения в правоохранительный орган, женщины боятся усиления гнета со стороны партнера после отбытия наказания, сила насильственных действий может увеличиться;
- наличие детей, женщины стремятся сохранить семью, чтобы ребенок рос в полной семье, забывая о том, что расти он должен еще и в здоровой в семье;
- экономическая зависимость женщины и ребенка.

Так, на примере судебной практики Приговора № 1-11/2020 1-271/2019 от 22 января 2020 г. по делу № 1-11/2020 мы можем проследить данные факторы. «ФИО1 совершил истязание, то есть причинение физических страданий путем систематического нанесения побоев, которые не повлекли последствий, указанных в статьях 111 и 112 УК РФ, в отношении заведомо несовершеннолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии и материальной и иной зависимости от виновного, а также неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, на которое возложены эти обязанности, соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетним». После данной вырезки мы видим, что к таким делам, как правило, прибавляется статья 117 УК РФ «Истязание», потому что домашнее насилие носит не одноразовый характер, а выражается, как правило, в систематическом нанесении побоев либо причинении иных насильственных действий [6]. Также суд делает отсылку на ст. 21, 29, 38 Конституции РФ, предполагающие защиту личных границ: достоинства, свободы слова и мысли, а также материнства и детства. Действительно, на примере вышеприведенного отрывка из судебной практики мы видим, что домашнее насилие не исчерпывается простыми насильственными действиями, а затрагивает множество других индивидуальных и социальных аспектов: свободу слова и мысли, материнство и детство, достоинство личности. Но это даже и это – не весь список ценностей и общественных отношений, на которые происходит покушение со стороны насильника. Проще говоря, домашнее насилие – это не просто «побои», а гораздо более ужасающее преступление, которое заслуживает более строгого осуждения.

Но возвращаясь к исходу данного дела, суд вынес следующее: «Рассмотрев данное исковое заявление, суд, на основании ст. 151, 1099, 1101 ГК РФ, принимая во внимание, что малолетнему потерпевшему Потерпевший №1 безусловно причинены физические и нравственные страдания, унижено его человеческое достоинство, учитывая степень нравственных страданий, выразившихся в пребывании в постоянном нервном напряжении, психотравмирующей и стрессовой ситуации, совершение преступлений

близким и любимым человеком, испытание чувства страха и боли, ощущение себя ненужным и лишним в семье, суд учитывает требования разумности и справедливости, имущественное и семейное положение подсудимого, а также состояние здоровья, поэтому суд полагает необходимым взыскать с ФИО1 в пользу Потерпевший №1 в качестве компенсации морального вреда 10000 рублей» [7]. В данном отрывке перечислено достаточное количество обстоятельств для привлечения насильника к более жесткой уголовной ответственности. Но учитывая материалы дела, суд принимает во внимание смягчающие обстоятельства, например – раскаяние и признание вины, из чего вытекает еще одна проблема данного разбирательства. Насильник в надежде избежать наказания прибегает ко лжи, говоря на судебном заседании о раскаянии, и чтобы снизить степень уголовной ответственности признает свою вину. Но по возвращении домой насильственные действия продолжаются. На данном примере понятно, как работает мягкий уголовный закон, и какие последствия могут ожидать жертв после исполнения уголовного наказания.

Одним из способов решения проблемы домашнего насилия является закон Архангельской области от 3 июня 2003 года №171-22-ОЗ «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, пострадавших от насилия в семье». Этот закон устанавливает специализированные учреждения для социальной и правовой защиты, а также реабилитации таких лиц (ст. 2). В нем также описаны основания и порядок предоставления социальной и правовой защиты и реабилитации (ст. 3), а также условия для получения временного приюта (ст. 4) [8].

Или же хорошим примером может послужить опыт США. Так жертва, претерпевшая домашнее насилие, может обратиться в полицию, которая не имеет права проигнорировать данное обращение. Обращаясь к ранее написанному, жертва может пожалеть насильника или испугаться. Но и в этом случае, если заявитель забирает свое заявление, насильника продолжает судить штат. То есть в данном случае не сработает жалость и страх, что абсолютно точно является огромным плюсом к правоприменительной практике. Благодаря такой практике насильник точно понесет справедливое наказание и не сможет его избежать.

Признанного виновным в совершении домашнего насилия решением суда направляют на курс обязательной психологической терапии на срок до полугода. Что опять же является безусловным плюсом. И в дальнейшем принесет результат. Мы считаем, что это необходимый способ борьбы с насилием. Так как желание причинять страдания другим людям не является нормой психического поведения здорового человека и такому человеку нужна принудительная медицинская помощь.

Закон, действующий в США, предусматривает возможность оформления жертвой разного рода судебных запретов, будь то запрет на получение звонков и сообщений от насильника или запрет на приближение. Если бы в России был

схожий запрет на приближение — это решало бы множество проблем. Даже учитывая мягкость нашего национального законодательства, после отбывания наказания насильник не смог бы вернуться и продолжить насилие, так как данный запрет влек бы дальнейшую защиту для жертв насилия и охрану одних из главных ценностей — жизни и здоровья человека.

Отвечая на главный вопрос: кого же касается эта проблема отдельно взятой семьи или общества целиком, можно сделать следующее заключение. На наш взгляд, домашнее насилие — это проблема, которая касается и семьи, и общества, а решать её нужно в совокупности.

С одной стороны, домашнее насилие — это проблема семьи. Оно происходит в стенах дома, где один человек причиняет страдания другому. Это разрушает доверие, любовь и взаимопонимание, которые должны быть основой семейных отношений. Дети, которые становятся свидетелями или жертвами насилия, часто вырастают с глубокими психологическими травмами. Они могут либо повторять модель поведения агрессора, либо жить в страхе и неуверенности. Таким образом, насилие в семье создает порочный круг, который передается из поколения в поколение.

С другой стороны, домашнее насилие — это проблема общества. Оно отражает существующие в обществе стереотипы, такие как терпимость к насилию, убеждение, что это «частное дело», или оправдание агрессора. Общество часто закрывает глаза на эту проблему, что делает жертв ещё более уязвимыми. Кроме того, домашнее насилие имеет экономические последствия: оно увеличивает нагрузку на систему здравоохранения, правоохранительные органы и социальные службы.

Чтобы решить эту проблему, необходимо действовать на всех уровнях. В семье важно воспитывать уважение, учить решать конфликты без насилия и поддерживать тех, кто стал жертвой. На уровне общества нужно менять отношение к проблеме, укреплять законы - на законодательном уровне необходимо ужесточение наказания, повышение ответственности сотрудников правоохранительных органов за непринятие мер по пресечению фактов домашнего насилия и проведение воспитательных курсов в учёных заведениях по формированию у молодежи семейной культуры взаимоотношений, создавать системы поддержки. Только объединив усилия, можно победить домашнее насилие и создать безопасное пространство для каждой семьи.

Таким образом, можно сделать вывод, что домашнее насилие - это не просто личная трагедия, а социальная проблема, которая требует внимания и действий от каждого отдельно-взятого человека.

Список литературы

1. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин: принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993

- года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml - (дата обращения 20.02.2025) – текст электронный.
2. Всемирная организация здравоохранения. Насилие в отношении женщин : информационный бюллетень [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> - (дата обращения 20.02.2025) – текст электронный.
 3. Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_68/activity/legal-education/explain?item=25247717 - (дата обращения 17.02.2025) – текст электронный.
 4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Ст. 116 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ - (дата обращения 17.02.2025) – текст электронный
 5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020). Ст. 2 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ - (дата обращения 18.02.2025) – текст электронный
 6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Ст. 117 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 - (дата обращения 17.02.2025) – текст электронный
 7. Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области № 1-11/2020 1-271/2019 от 22 января 2020 г. по делу № 1-11/2020. Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ - (дата обращения 20.02.2025) – текст электронный
 8. Закон Архангельской области от 03.06.2003 № 171-22-ОЗ «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/25208530/> - (дата обращения 17.02.2025) – текст электронный

Муллахметова Наталья Евгеньевна
доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Смоленского филиала Международного юридического института,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации судебной и прокурорской
деятельности Смоленского государственного университета,
г. Смоленск, Россия

СОВЕШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ МЕР ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Mullakhmetova Natalia
Associate Professor of the Department of Theory of Law
and State and Legal Disciplines of the Smolensk branch
of the International Law Institute, PhD in Law, associate professor,
of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial
Activities of Smolensk State University,
Smolensk, Russia

IMPROVEMENT OF LEGISLATIVE MEASURES OF VICTIMAL CRIMES PREVENTION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Аннотация. Статья посвящена виктимологическим аспектам предупреждения киберпреступности. Автором рассматриваются изменения законодательства последних лет, направленные на виктимологическую профилактику киберпреступлений, прежде всего, мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Преступные посягательства данной категории ежегодно причиняют значительный ущерб гражданам и организациям, при этом злоумышленники широко используют методы социальной инженерии – манипулирование людьми с целью склонения их к совершению определенных действий. Автор подчеркивает, что борьба с такими преступлениями может быть эффективной только при реализации комплекса законодательных и организационных мер в отношении потенциальных жертв в целях снижения их виктимности.

Abstract. The article is devoted to the victimological aspects of cybercrime prevention. The author examines recent legislative changes aimed at victimological prevention of cybercrimes, primarily fraud committed using information and

telecommunication technologies. Criminal attacks of this category annually cause significant damage to citizens and organizations, while attackers widely use social engineering methods – manipulating people in order to persuade them to commit certain actions. The author emphasizes that the fight against such crimes can be effective only with the implementation of a set of legislative and organizational measures against potential victims in order to reduce their victimization.

Ключевые слова: киберпреступность, социальная инженерия, цифровизация, информационная безопасность, виктимологическая профилактика

Key words: cybercrime, social engineering, digitalization, information security, victimological prevention

Компьютеризация и цифровизация всех сфер жизни современного общества несет не только несомненные преимущества в плане упрощения рутинных процессов, удобства передачи, хранения и обработки больших массивов данных, но и угрозы имущественной, информационной безопасности граждан и организаций, что требует консолидированных усилий правоохранительных органов и государства в целом. С каждым годом становится все больше новых способов совершения киберпреступлений, атак на информационные ресурсы, преступность перемещается в виртуальную среду. Вред, причиняемый такими посягательствами, огромен, он исчисляется миллиардами рублей. Так, по данным МВД РФ в 2024 году зарегистрировано 765,4 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, при этом наблюдается рост на 13,1% по сравнению с предыдущим годом. Почти половина таких преступлений относится к категории тяжких и особо тяжких, среди них и мошенничество, и незаконные организация и проведение азартных игр, и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, и изготовление порнографических материалов, и кибербуллинг, и другие опасные посягательства. Из общего числа зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории раскрыто только 172,6 [7]. Большую тревогу вызывает также проблема защиты персональных данных наших граждан. Так, по данным Роскомнадзора в 2024 году было зафиксировано 135 утечек баз данных, всего в Интернете оказалось более 710 млн. записей о россиянах [6]. Например, осенью 2024 года криминальной атаке подверглась ГАС «Правосудие» – государственная система, содержащая информацию по судебному делопроизводству. В результате злоумышленники получили сведения о находящихся в производстве судебных делах, об участниках процесса и впоследствии использовали их в схемах обмана граждан.

Криминологические исследования убеждают в том, что эффективным направлением снижения уровня преступности, в том числе в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, является

виктимологическая профилактика – комплекс мер в отношении потенциальных и реальных жертв преступлений, направленных на снижение уровня их виктимности, уязвимости, усиление внутренних защитных резервов. В данной статье мы остановимся на новеллах законодательства последних лет, связанных с названными мерами.

При совершении киберпреступлений широко используются методы социальной инженерии, т.е. преступникам уже не надо выходить на улицы, подкарауливать своих жертв в темном переулке, а нужно просто подобрать «ключик» к психике конкретного человека, убедив его выполнить определенную последовательность действий, приводящих к получению доступа злоумышленников к персональным данным для дальнейшего списания денежных средств. Преступники выигрывают на человеческих слабостях, воздействуют на эмоциональную сферу людей, создают ощущение срочности выполнения их указаний, убеждая жертв, что промедление может привести к потере денежных средств или к тяжким последствиям для их близких. В праздничные дни криминальная активность обычно возрастает, преступники используют повышенный интерес людей к различным акциям, скидкам, распродажам. Информация, которая интересует таких «социальных инженеров», — это личные идентификационные данные (номер паспорта, СНИЛС), пароли для входа на портал Госуслуг и все, что позволит в дальнейшем получить доступ к финансовым ресурсам. К числу факторов, влияющих на значительный рост числа киберпреступлений, можно отнести также цифровое неравенство – ситуацию, при которой часть населения владеет современными технологиями в цифровой сфере на высоком уровне, а у других отсутствует даже элементарная компьютерная грамотность [3, с. 542]. К группе риска при совершении киберпреступлений относятся несовершеннолетние, пожилые граждане, а также те, кто не имеет даже элементарных навыков обеспечения компьютерной безопасности. Большую опасность сегодня представляют дипфейки – использование образа человека, его голоса для введения в заблуждение собеседника и получения доступа к персональным данным.

Проблема преступности в информационной сфере изучается сегодня с позиции многих наук: криминологии, психологии, уголовного права, криминалистики. Однако противодействие киберпреступности не будет эффективным без реализации комплекса мер виктимологической профилактики, под которой понимается «включенная в социальную систему предупреждения преступлений подсистема общесоциальных и специально-криминологических мер, направленных на снижение индивидуальной и массовой виктимности посредством устранения негативных предрасположений, активизации возможностей потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности» [5, с. 241]. Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий легче

предотвратить, чем раскрыть и расследовать. Виктимологическая профилактика входит в общую систему профилактики преступлений, воздействуя преимущественно на потенциальную жертву, снижая уровень ее уязвимости, способствуя повышению предусмотрительности, критичности. Сегодня на страницах юридических изданий появляются публикации, в которых говорится о возникновении нового направления в рамках отечественной виктимологии (учения о жертве преступления) – кибервиктимологии, которая изучает социально-демографические характеристики жертв преступлений в информационно-телекоммуникационной сфере, разрабатывает в отношении них меры превентивного характера [1, с. 27].

Проведение широкомасштабной информационной работы с населением, включающей правовую пропаганду, разъяснение правил безопасности при атаках телефонных мошенников, относится к мерам девиктимизации, но эти меры, к сожалению, не устраняют криминальные угрозы полностью, поскольку злоумышленники постоянно совершенствуют способы обмана. Поэтому наиболее эффективным средством противодействия киберпреступлениям является разработка правовых механизмов, направленных на блокирование поступающих от мошенников звонков, а также затрудняющих их быстрый доступ к финансовым средствам в случае получения персональных данных человека, на применение дополнительных мер безопасности со стороны банковских организаций при выдаче кредитов, переводе больших сумм со счетов клиентов.

Эффективной мерой виктимологической профилактики кибермошенничества можно считать принятие Федерального закона от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)», в соответствии с которым гражданин вправе бесплатно любое количество раз подать заявления во все квалифицированные бюро кредитных историй через МФЦ или с использованием Единого портала Госуслуг о внесении в свою кредитную историю сведений о запрете (либо снятии запрета) на заключение с ним договоров потребительского займа (кредита) (за исключением отдельных видов кредитов). Если будет подано такое заявление о самозапрете выдачи кредитов, то злоумышленники уже не смогут совершить онлайн-операции без участия лица, получив доступ к его личным данным. Данный закон вступает в силу 1 марта 2025 года, и тогда на сайте Госуслуг можно будет поставить в соответствующем разделе специальную отметку.

Но и этих мер недостаточно для снижения масштабов киберпреступности. На заседании Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, которое состоялось 10 декабря 2024 года, было дано поручение Правительству Российской Федерации, ФСБ России и МВД России до 1 июля 2025 года разработать дополнительные меры по блокировке

телефонных вызовов, осуществляемых в криминальных целях. Кроме того, требуется создать эффективные механизмы по защите прав и законных интересов российских граждан от преступных посягательств, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий [2].

Во исполнение данного поручения принят Федеральный закон от 1 апреля 2025 года № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], который предусматривает следующие меры:

1) возможность онлайн-обмена информацией между государственными органами, цифровыми платформами и банковскими организациями, что позволит оперативно выявлять подозрительную активность, блокировать потенциально опасные действия и уведомлять правоохранительные органы о возможных посягательствах;

2) введение обязательной проверки идентификационных данных пользователей услугами связи, а также маркировки звонков;

3) запрет на передачу SIM-карт третьим лицам;

4) установление запрета для государственных служащих, сотрудников государственных органов, банковских работников, операторов связи и некоторых иных категорий лиц использовать мессенджеры для общения с гражданами;

5) возможность самозапрета на заключение договоров об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи без личного присутствия (через портал Госуслуг или посредством обращения в МФЦ) и др.

Еще одним значимым шагом в совершенствовании мер предупреждения кибермошенничества стало принятие Федерального закона от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым предусмотрено введение так называемого «периода охлаждения», т.е. ограничения по времени выдачи кредитов на сумму более 50 тысяч рублей (за некоторыми исключениями). Это позволит предотвратить необдуманные и поспешные решения и действия потенциальных жертв мошенников. Кроме того, повышается и ответственность банков: в случае нарушения ими норм, направленных на недопущение мошеннических операций, кредиторы не смогут требовать исполнения заемщиком обязательств или уступать право требования долга.

Таким образом, в 2024-2025 годах приняты важные законы, направленные на снижение уровня виктимности по киберпреступлениям, особенно мошенничеству. Но и этих мер недостаточно, чтобы эффективно предотвращать все преступные посягательства в информационно-телекоммуникационной сфере. Значимым шагом должно стать введение

уголовной ответственности за действия дропперов – лиц, которые за вознаграждение передают мошенникам данные своих банковских карт и электронных кошельков, чтобы использовать их в преступных схемах.

В условиях нехватки сотрудников в органах внутренних дел своевременно раскрывать и расследовать огромное количество киберпреступлений просто невозможно. Поэтому меры виктимологической профилактики, включающие постоянную информационно-просветительскую деятельность правоохранительных органов, разъяснение населению новых криминальных схем в интернет-пространстве, разработка правовых механизмов, направленных на предотвращение контактов преступников и потенциальных жертв, введение самозапрета на оформление кредитов без непосредственного участия клиента, а также повышение цифровой грамотности населения должны помочь в борьбе с атаками в цифровом пространстве. Но такие меры могут быть эффективными только при добросовестности кредитных организаций и соблюдении ими всех мер по недопущению мошеннических действий.

Список литературы

1. Кабанов П.А. Жертвы киберкраж как объект современной российской кибервиктимологии: криминологический анализ статистических показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. - 2024. - Т. 11. № 1. - С. 25–42.
2. Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76233> (дата обращения 20.02.2025)
3. Пинкевич Т.В. Цифровое неравенство как фактор преступности // Виктимология. - 2024. – Т. 11. № 4. - С. 538-545.
4. Российская газета. 2025. 4 апреля.
5. Ривман Д.В. Криминальная виктимология.– СПб.: Питер, 2002. 304 с.
6. Роскомнадзор выявил утечку 710 миллионов записей о россиянах за 2024 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/01/16/roskomnadzor-za-2024-god-zafiksiroval-bolee-710-mln-utekshih-zapisej-o-rossiianah.html> (дата обращения 20.02.2025)
7. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения 20.02.2025)

Моисеевкова Мария Алексеевна
ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Moiseenkova Maria Alekseevna
Assistant of the Department of Criminal Law Disciplines
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

ILLEGAL MIGRATION AS ONE OF THE FACTORS OF THE SPREAD OF TERRORISM IN THE BORDER TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассмотрены негативные аспекты миграционной политики, которые могут стать причиной распространения терроризма на территориях приграничья. Проанализированы статические данные силовых и надзорных ведомств и выдвинуты предложения по совершенствованию контроля в данной области.

Abstract. The article examines the negative aspects of migration policy that can cause the spread of terrorism in the border areas. Static data from law enforcement and supervisory agencies has been analyzed and proposals have been put forward to improve control in this area.

Ключевые слова: миграция, террористические ячейки, приграничные территории.

Keywords: illegal migration, terrorism, extremism, transnational crime.

К числу приграничных принято относить 47 регионов Российской Федерации, среди которых в современных геополитических условиях в особом фокусе внимания находятся Белгородская, Брянская, Курская области. Близость к военному конфликту, ощущающаяся в т.ч. и в высоком уровне террористических угроз заставляет коренных жителей покинуть регион. К примеру, с 2022 г. Белгородскую область покинули свыше 120 тыс. человек.

Образовавшаяся в регионе миграционная убыль негативно сказывается не только

на экономической сфере, но и ещё больше усугубляет дисбаланс перетоков населения

в Российской Федерации, что в долгосрочной перспективе может выступить угрожающим фактором национальной безопасности.

В научной литературе существуют разные подходы к определению миграции, однако наиболее полным видится определение Суюнчаливой О.Т.: «целенаправленное территориальное переселение (перемещение) населения, обусловленное субъективным волеизъявлением личности и детерминированное объективными причинами (социальными, экономическими, политическими, демографическими экономическими проблемами региона постоянного места проживания)». Нередко причинами внешней миграции выступает политико-военная напряжённость в регионе, невозможность социальной адаптации, бытовая неустроенность.

Несмотря на ужесточение миграционной политики в отношении иностранных граждан ряда государств, повышение миграционной привлекательности одна

из первоочередных задач современной демографической и миграционной политики Российской Федерации. По мнению ряда экспертов одномоментно полностью отказаться от трудовой миграции не получится.

Кроме того, контролируемые миграционные процессы носят лишь позитивный характер и позволяют решить ряд стратегически важных целей:

- 1) стабильное увеличение численности населения, восполнение естественной убыли за счет стимулирования притока мигрантов из-за рубежа;
- 2) формирование высокого уровня и качества жизни, обеспечение потребности российского рынка труда в дополнительной рабочей силе в условиях сокращения численности национальных трудовых ресурсов;
- 3) равномерность размещения населения по территории стратегически важных регионов страны.

Таким образом, развивающаяся всемирная экономическая, политическая, культурная интеграция и унификация, стремительная динамика урбанизации делает миграцию на территориях приграничья естественным институциональным процессом развития региона. Вместе с тем такие изменения, приобретая неконтролируемый характер, оказывают негативное воздействие на общее состояние экономики субъекта, ухудшается благосостояние коренного населения, вследствие чего возникают антимиграционные настроения, порождающие социальную напряжённость в российском обществе. Дотационный характер экономики рассматриваемых районов дополнительно усложняет оперативную обстановку.

В связи с этим допущение расовой нетерпимости среди коренного населения может стать катализатором разжигания межнациональной вражды

через специально создаваемые объединения, патронируемые иностранными спецслужбами, в целях расшатывания политической ситуации в стране, в частности на территориях приграничья, что может стать угрозой посягательства на суверенность государства. Так, участники неформального объединения «White City 31» (организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ), являющиеся сторонниками неонацистской организации, с целью расшатывания социально-политической ситуации в регионе совершали нападения на иностранных студентов из Китая, Сирии и других лиц неславянской внешности.

Не теряет актуальности перемещение боевиков по каналам нелегальной миграции для проведения разведывательной и подрывной деятельности. Оседая под видом мигрантов, они разворачивают оперативно-разведывательную деятельность, направленную на создание «спящих ячеек», пробуждение которых будет сопряжено с кризисными ситуациями в регионе. Так, в мае 2022 года в потоке беженцев было выявлено 250 лиц, приверженцев праворадикальных и националистических идей.

Очевидно, что в сфере незаконной миграции переплетаются интересы транснациональной организованной преступности и спецслужб иностранных государств.

В связи с этим сложно отрицать высокое влияние миграционного фактора на состояние экстремистской и террористической преступности. Выработка мер профилактики и своевременного выявления незаконной миграции выступит элементом противодействия вовлечению иностранных граждан в террористическую деятельность.

Для этого необходимо рассмотреть, какие тенденции наблюдаются в миграционной сфере на сегодняшний день.

Согласно официальным данным Ростата на 1 сентября 2024 года в России находится 6,2 млн. граждан, что составляет 4,2 % от общего населения (146, 2 млн. человек). По данным МВД 630 тыс. находятся в России незаконно. Число трудовых мигрантов не превышает 3,5 млн. человек.

По данным Следственного комитета Российской Федерации за 2024 год число «преступных посягательств» со стороны трудовых мигрантов возросло с 5 868 до 9 708, а преступлений приезжих, получивших гражданство менее десяти лет назад, — с 7 до 11 тыс. При этом количество тяжких деяний возросло на 12%. С начала года было совершено 73 преступления экстремистской направленности, что на 14 больше, чем годом ранее. Иностранцы часто оправдывают эти действия «религиозными воззрениями», но фактор влияния НКО и террористических организаций, в том числе в интересах иностранных спецслужб не исключается.

Новшества в миграционной политике Российской Федерации, в том числе посредством внесения изменений, касающихся ужесточения ответственности

за незаконную миграцию и введению обязанности по исполнению воинского долга, сократило приток иностранных граждан в 2024 году почти в 2,5 раза по сравнению с 2023 годом. Количество же преступлений, совершаемых натурализованными лицами, увеличилось, в том числе за счет преступных деяний ранее легализовавшихся иностранцев.

Период	Временное убежище	Статус беженца	Вынужденный переселенец
2024	17308	244	339
2023	67496	277	321
2022	10581	331	700

Одним из наиболее важных событий, затрагивающих миграционную сферу, стало соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан, которое вступило в силу 11 января 2025 года. Согласно нему граждане третьих стран, имеющие визу, разрешение на временное проживание, вид на жительство, документ для посещения международных мероприятий, одной из сторон соглашения и документ, удостоверяющий личность, вправе находиться на территории Российской Федерации или Республики Беларусь.

Сообщение между государствами возможно через пути следования автомобильного транспорта, в том числе через Лиозно-Кругловка (Витебск-Смоленск), Редьки – Красная Горка (Витебск – Смоленск), Звенчатка – Дубовичка (Смоленск – Могилёв).

На сегодняшний день в соглашении не определён срок передачи информации между ведомствами двух государств. В связи с этим сохраняется угроза, использования российско-белорусских участков границы для проникновения на территорию России граждан, въезд которым запрещен.

Вместе с тем необходимо создание общей единой базы между ведомствами Российской Федерации, в которой будут одновременно отображаться данные о лицах, пересекающих границу и иностранных гражданах, въезд которым запрещён

(нежелателен). Поскольку запоздалое отображение данных может повлечь ошибочную выдачу лицу, в отношении которых принято решение о нежелательности пребывания, гражданства Российской Федерации

Таким образом, миграция необходима для полноценного развития государства

в условиях глобализации, но в целях обеспечения безопасности и своевременного реагирования на возможные угрозы со стороны деструктивных ячеек миграционные процессы должны находиться под абсолютным контролем, осуществляемым всеми заинтересованными ведомствами сообща и с применением современных информационных

технологий, одномоментным обменом данными в отношении иностранных граждан, пересекающих границы союзных государств.

В связи с этим стратегически важной задачей является равномерное наращивание человеческого потенциала для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Бучаков С.А. Незаконная международная миграция и угроза терроризма // Вестник Омского Университета. Серия: право. - 2019. - № 2. – С. 114-121.
2. Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. // Миграционная стратегия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf> (Дата обращения: 15.02.2025).
3. Коршунова, В. А. Проблемы противодействия незаконной миграции в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект) // Молодой ученый. - 2023. - № 43 (490). - С. 139-141.
4. Лапук В.Е., Демидова Т.К. Незаконная миграция как один из факторов распространения терроризма // International Journal of Humanities and Nature Sciences. - 2022. - № 64. - С. 114-116.
5. Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н. Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2017. – № 1. – С. 5-12.
6. Самойлов В.Д., Нуралинов Ш.М. Противодействие терроризму и нелегальной миграции: организационно – правовые основы и юридическая ответственность. // Вестник Московского Университета МВД России. - 2019. - № 4. - С. 39-40.

Новосельцева Алина Сергеевна

Магистрант 2 курса,
Международного
юридического института,
г. Москва, Россия

МОШЕННИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ¹

Novoseltseva Alina Sergeevna

2nd year Master's student,
International Law Institute,
Moscow, Russia

FRAUD IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Аннотация. Современные интернет-технологии значительно влияют на все сферы жизни, но с их развитием также увеличивается риск угроз безопасности сетей и систем. Одной из самых серьёзных угроз является фишинг и вишинг, когда мошенники пытаются незаконно получить личные данные пользователей. Эти методы мошенничества включают создание поддельных веб-сайтов для кражи паролей, банковских реквизитов и других конфиденциальных сведений. Данные схемы становятся всё более распространёнными, так как преступникам нужно минимальное количество ресурсов, а инструменты для их реализации достаточно доступны и просты в использовании. Данная работа посвящена изучению методов социальной инженерии и анализу способов борьбы с ними. В статье рассматриваются меры защиты от воздействия социальной инженерии и методы выявления и предотвращения таких мошеннических действий.

Abstract. Modern Internet technologies significantly affect all areas of life, but with their development, the risk of threats to the security of networks and systems also increases. One of the most serious threats is phishing and vishing, when fraudsters try to illegally obtain users' personal data. These fraudulent methods include creating fake websites to steal passwords, bank details, and other confidential information. These schemes are becoming more common, as criminals need a minimum amount of resources, and the tools for their implementation are quite accessible and easy to use. This paper is devoted to the study of social engineering methods and analysis of ways to combat them. The article discusses measures to

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленский филиал Международного юридического института, Ревенко Яна Дмитриевна

protect against the impact of social engineering and methods for identifying and preventing such fraudulent actions.

Ключевые слова: Социальная инженерия, интернет-мошенничество, цифровая безопасность, фишинг, вишинг, информационная грамотность, мошеннические схемы, цифровизация.

Key words: Social engineering, internet fraud, digital security, phishing, vishing, information literacy, fraudulent schemes, digitalization.

В наши дни цифровые технологии активно охватили все сферы жизни. Интернет прочно вошел в наш быт, предоставляя удаленный доступ к общению, работе и совершению покупок. Однако, стремительное развитие технологий повлекло за собой возникновение новых опасностей и угроз, особенно в криминальной сфере. Одним из наиболее серьезных видов преступлений является мошенничество, реализуемое с использованием цифровых технологий. Настоящая статья направлена на исследование феномена интернет-мошенничества, включающего такие методы, как фишинг и вишинг, с целью повышения осведомленности пользователей и формирования эффективной стратегии противодействия таким видам криминальных посягательств.

Актуальность изучения вопросов интернет-мошенничества обусловлена ростом активности преступников, использующих социальную инженерию для хищения денежных средств и персональных данных. Развитие Интернета привело к возникновению огромного количества виртуальных каналов коммуникации, открывающих перед злоумышленниками широкие возможности для быстрого распространения мошеннических схем. Простота исполнения таких схем позволяет преступникам эффективно действовать даже при минимальной технической квалификации.

Настоящая статья направлена на исследование ключевых особенностей мошенничества в условиях цифровизации, выявление закономерностей формирования преступных стратегий и разработку рекомендаций по борьбе с такими действиями. Особенное внимание уделяется роли социальной инженерии в формировании мошеннических сценариев и поиску путей повышения эффективности профилактических мероприятий и правового регулирования в данной сфере.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), развиваются с каждым днем. Сегодня большинство правонарушений так или иначе связано с техническим прогрессом и возможностями интернета. Например, 17 февраля 2022 года на расширенном заседании коллегии МВД России Президент В.В. Путин подчеркнул эту проблему.: «кибертехнологии развиваются стремительно, возникают новые риски, и нужно их предупреждать, не позволять

преступникам паразитировать на технологическом прогрессе, в связи с чем необходимо действовать на опережение.» [2]

Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий, представляют собой важную проблему и могут значительно угрожать безопасности России. Одним из наиболее распространенных видов таких преступлений в настоящее время является мошенничество с использованием интернет-технологий. [3]

На данный момент этот способ мошенничества становится очень популярен, так как при затрате минимального количества времени и ресурсов злоумышленник обманным путём может запросто завладеть денежными средствами жертвы.

Мошенничество в условиях цифровизации представляет собой совокупность преступных деяний, которые выполняются с помощью информационных технологий и направлены на обман отдельных лиц или групп, включая новые, еще не изученные тактики преступников. По определению С.И. Ожегова, "способ" означает систему действий для достижения какой-либо цели. В криминологии этот термин используется для анализа преступлений, их характеристик, роста, причин и условий, а также для разработки методов предотвращения. Одной из главных причин роста мошенничества является легкий доступ преступников к личным данным пользователей. С развитием технологий и популярностью онлайн-транзакций злоумышленники находят способы использовать украденную информацию для финансовых махинаций. Кроме того, многие пользователи не обладают достаточными знаниями о том, как защитить себя в интернете, что делает их очень уязвимыми для мошенников. Эти обстоятельства создают благоприятную почву для мошеннических схем и увеличивают риск потери личных средств. Ключевым аспектом интернет-мошенничества является способ их осуществления, который включает доверительные отношения между жертвой и мошенником и связан с обработкой информации, когда мошенники дистанционно могут воздействовать на людей, применяя различные уловки, так как жертвы не видят мошенника, они ведут себя виктимно и уязвимо, поэтому ими очень легко манипулировать.

В свете представленной информации, следует отметить существование социальной инженерии. Она представляет собой процесс манипулирования человеческим поведением для извлечения секретных сведений или несанкционированного проникновения в охраняемые ресурсы, с помощью которых мошенники могут противоправно завладеть денежными средствами потерпевшего. В отличие от технических кибератак, она ориентирована на психологическое влияние на жертву. Преступники используют доверие, страх, жадность или любопытство, чтобы заставить человека добровольно раскрыть свои данные или выполнить определённые действия. Одним из методов социальной инженерии является фишинг. Преступления, направленные на

получение финансовой выгоды, в частности, фишинг, занимают ведущее место среди интернет-мошенничества. Основная задача такой схемы — завладеть логином и паролем пользователя, чтобы затем использовать его личные данные в незаконных целях (данные банковских карт, электронных кошельков, а также другую конфиденциальную информацию, подлежащую для совершения преступного деяния и т.д.). Обычно данное преступление осуществляется через рассылку электронных писем или сообщений в социальных сетях с ссылками на фальшивые сайты, где преступники пытаются заставить жертву ввести данные своей учетной записи. Фишинговые атаки получили свое название от того, что мошенники используют ложные адреса электронной почты как приманку для случайных жертв. Многие исследователи считают фишинг подвидом социальной инженерии, реализованной за счет недостатка знаний пользователей о сетевой безопасности. По мнению аналитиков, успешность фишинговых атак достигает примерно 70 %. Такие рассылки часто становятся причиной серьезных утечек личной информации в интернете, что позволяет злоумышленникам незаконно получать конфиденциальные данные.

Фишинг представляет собой способ мошенничества, при котором злоумышленники выдают себя за надежные источники, чтобы украсть личные данные пользователей, такие как пароли и номера кредитных карт. Используя поддельные электронные письма, которые выглядят как легитимные сообщения от банков или интернет-магазинов, мошенники наводят пользователей на фальшивые сайты. Эти сайты имитируют страницы настоящих компаний, чтобы обмануть людей.

Используя различные приемы социальной инженерии, фишеры могут угрожать блокировкой аккаунтов, если пользователи не обновят свои данные или не предоставят другую информацию. Существуют риски, связанные с фишингом, которые касаются множества интернет-пользователей и наносят значительный ущерб как физическим и юридическим лицам, так и государству в целом.

В июле 2019 года произошла масштабная фишинг-атака с использованием вируса-шифровальщика, нацеленная на управленцев крупных компаний в России. Согласно информации от компании Group-IB, специализирующейся на IT-безопасности, за один день было распространено более 1100 заражённых электронной почты. В целом, в третьем квартале 2019 года зафиксировано свыше 6,5 тысячи подобных сообщений.

Фишинговые атаки, ориентированные на конкретных людей, успешно достигают своей цели благодаря использованию информации из социальных сетей и других источников, что вызывает у жертвы чувство знакомства с отправителем. Например, в электронных письмах могут быть упомянуты общие знакомые, ссылка на недавние покупки или предоставлена другая информация, которая кажется надежной.

После того как жертва начинает доверять отправителю, злоумышленники могут попросить её ввести личные данные или перейти на поддельный сайт, который может содержать вредоносное программное обеспечение.

Злоумышленники нередко нацеливают фишинговые атаки не только на широкий круг случайных пользователей, но и на определенные персоны или узкие профессиональные группы. В частности, мишенью становятся сотрудники крупных компаний и банковских учреждений. Электронная почта является излюбленным инструментом для совершения таких прицельных атак. Собрав данные о сотруднике целевой организации, преступник приступает к манипуляциям с финансовыми операциями, оказывая влияние на денежные потоки компании. Он стремится незаконно вывести активы, используя поддельные распоряжения и приказы, якобы исходящие от высокопоставленного сотрудника, и направляя средства на фиктивные счета, подконтрольные злоумышленнику, тем самым обманывая офисный персонал. Еще один наиболее распространенный и опасный разновидностью фишинга является рассылка электронных писем пользователям интернет-банков. В таких письмах содержится уведомление о необходимости выполнить определённые действия с учётной записью и ссылка, которая выглядит как адрес для входа в личный кабинет. При нажатии на эту ссылку пользователь попадает на сайт, который внешне напоминает сайт банка и имеет схожий URL, но на самом деле принадлежит мошенникам. Если пользователь введёт свои логин и пароль, преступники получат к ним доступ. В таких случаях изменения в учётной записи или переводы денег осуществляются очень быстро. [4, с. 24]

Следующий популярный метод социальной инженерии для реализации мошеннических деяний — это вишинг. Вишинг представляет собой метод использования социальной инженерии в телефонных сетях для получения личной и финансовой информации от жертвы. Злоумышленники также применяют этот подход для сбора конфиденциальной информации о физических и юридических лицах. В рамках таких атак может использоваться система интерактивного голосового ответа (IVR). [5, с. 145]

Злоумышленники создают поддельную версию IVR банка и отправляют жертве ложное электронное письмо с предложением позвонить в банк по указанному (обычно бесплатному) номеру для проверки данных. Поддельная система IVR будет блокировать входящие вызовы жертвы, а затем перенаправлять их преступнику, который будет представляться сотрудником банка и задавать вопросы для получения необходимой информации, для достижения преступных целей. Как и в случае с традиционным фишингом, который основан на электронной почте, вишинг, как и другие виды мошенничества, основан на умении злоумышленника манипулировать жертвой, убеждая её в правильности своих действий. Преступник, выдающий себя за представителя власти, сотрудника банка или даже работодателя,

стремится вызвать у жертвы сильные эмоции: страх, панику или тревогу, чтобы подтолкнуть к необдуманным поступкам.

Мошенники используют запоминающиеся фразы и угрозы, создавая у жертвы ощущение безвыходности и вынуждая предоставить конфиденциальную информацию. В зависимости от ситуации, они могут быть агрессивными или, наоборот, предлагать "помощь" во избежание проблем. Распространены случаи, когда злоумышленники представляются IT-специалистами, занимающимися обслуживанием техники. Они также могут оставлять голосовые сообщения с предупреждениями о серьезных последствиях, если жертва не перезвонит.

В заключении стоит отметить, что в данной статье рассмотрены наиболее распространенные методы социальной инженерии, такие как вишинг и фишинг, которые на сегодняшний день активно применяются мошенниками для достижения преступных целей.

На основе изложенного можно сказать, что проблема борьбы с методами социальной инженерии в России становится всё более актуальной. На сегодняшний день не существует единого метода воздействия на эту угрозу, так как злоумышленники постоянно развивают свои методы и находят способы обхода различных защитных систем. Тем не менее, ежедневно предпринимаются усилия на законодательном уровне для борьбы с мошенничеством с использованием цифровых технологий. Однако, результат расследования таких дел пока оставляет желать лучшего. Хочу отметить, что мошеннические действия, основанные на социальной инженерии, имеют определённую структуру, состоящую из нескольких взаимосвязанных частей. В эту структуру входят преступник, который применяет различные методы социальной инженерии, его мотивация, обстоятельства, при которых преступление совершается, объект, на который направлено преступление, и особенности личности жертвы.

Считаю, что криминалистическое изучение этой схемы позволит разработать практические советы для правоохранительных органов. Это, в свою очередь, повысит результативность их работы и поможет в разрешении сложных ситуаций, возникающих в процессе раскрытия и расследования подобных преступлений.

Стоит отметить, что для эффективного противодействия новым преступным вызовам в условиях цифровизации, государству необходимо обеспечить правоохранительные органы современными техническими средствами, программным обеспечением и высококвалифицированными кадрами.

Еще одним важным аспектом в решении данной проблемы, является обучение пользователей компьютеров распознаванию атак на начальном этапе. Выявление подозрительных фраз в сообщениях, электронных письмах и

телефонных переговорах способствует своевременному предотвращению потенциальных угроз.

При этом стоит донести до общества информацию о методах социальной инженерии, с помощью социальной рекламы и проводить различные вебинары для профилактики и предостережения мошенничества в сфере цифровизации и закрепить на законодательном уровне категории, рассмотренные в данной статье, включая определение социальной инженерии.

Подводя итоги, стоит отметить, что мошенничество с применением методов социальной инженерии становится одной из ключевых проблем современности. Быстрое распространение этих преступлений обусловлено легким доступом злоумышленников к личной информации граждан, недостаточной осведомленностью населения о методах защиты и относительной простотой реализации мошеннических схем. Несмотря на усилия государства по совершенствованию законодательства и повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, противодействие подобным преступлениям остается непростой задачей.

Для повышения эффективности борьбы с мошенничеством предлагается: повышение осведомленности пользователей и формирование у них практических навыков безопасного поведения в интернете способствует снижению риска стать жертвой обмана.

Законодательные акты должны учитывать особенности цифровой среды и соответствовать современным условиям, четко определяя ответственность за совершение мошеннических действий онлайн.

Государству необходимо развивать систему информационной безопасности, инвестируя в разработку надежных технических средств и подготовку квалифицированных специалистов.

Первостепенной задачей правоохранительных органов является создание действенных методов обнаружения и предотвращения интернет-мошенничества, учитывая его сложность и постоянную изменчивость.

Таким образом, борьба с мошенничеством в эпоху цифровизации требует всестороннего подхода, объединяющего просветительские меры, правовое регулирование и технологические решения, обеспечивающие надежную защиту как граждан, так и организаций от опасностей интернет-мошенничества.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ ред. от (14.02.2024)// Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «Консультант плюс».

3. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 21.04.2022).
4. Бахтеев Д.В. О некоторых современных способах совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц / Д.В. Бахтеев // Российское право: Образование. Практика. Наука. - 2016. - № 3. - С. 24-26.
5. Янгаева М. О. Методы (техники) социальной инженерии, используемые при совершении преступлений в сфере компьютерной информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 18. — № 2. — С. 145—151.

Перельман Яков Михайлович

студент 3 курса,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТРЕШ-СТРИМЫ: НОВЕЛЛЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ¹

Perelman Yakov Mikhailovich

3rd year student,
Smolensk state university
University,
Smolensk, Russia

LEGAL LIABILITY FOR TRASH STREAMS: NOVELTIES IN RUSSIAN LEGISLATION

Аннотация. В статье рассматривается актуальность, цель, задачи и перспективы правового запрета явления «трэш-стримов» в Российской Федерации, а также анализируются новеллы отечественного законодательства в этой сфере.

¹ Научный руководитель - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно - правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, Карпова Наталья Анатольевна

Abstract. The article examines the relevance, goals, objectives and prospects of the legal prohibition of the phenomenon of "trash streams" in the Russian Federation, as well as analyzes the novelties of domestic legislation in this area.

Ключевые слова: административная ответственность, наказание, новеллы, публичная демонстрация, трэш-стримы, уголовная ответственность.

Key words: administrative responsibility, punishment, novels, public demonstration, trash streams, criminal liability.

В настоящее время, к сожалению, получили большую популярность «трэш-стримы» -транслирование в прямом эфире совершения противоправных действий. Данное явление вызывает особенный интерес у несовершеннолетних, которые в силу юного возраста и отсутствия богатого жизненного опыта не могут объективно и критически воспринимать информацию, зачастую, не понимая, что и зачем они смотрят в интернете. Кроме того «трэш-стримы» являются источником дохода -за счет так называемых «донатов»-платы за совершение определенных действий (чаще всего по унижению людей) во время проведения стрима. Благодаря получению донатов, у стримеров появляется мотивация и в дальнейшем заниматься этой деятельностью.

Понимая опасность данного социального явления и его негативное влияние на граждан, особенно несовершеннолетних, государство не может остаться безучастным, в связи с чем уже принято ряд мер о запрете проведения подобных мероприятий на законодательном уровне. Исходя из этого можно сделать вывод об актуальности данной проблемы.

В отечественном законодательстве не приведен конкретный перечень запрещенных деяний, попадающих под определение трэш-стрима, однако применяется расширенная формулировка, а именно: «изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных». [3, с.5]

Можно выделить некоторые виды таких деяний.

Во-первых, асоциальное поведение, при котором демонстрируется явное нарушение общественных норм, зачастую без прямого нарушения уголовного закона. В частности, демонстрация алкогольных возлияний, курения, беспорядочных половых связей и прочее аморальное поведение. Одним из известных деятелей в этом является блогер «Меллстрой» -белорус Андре Бурим, получивший известность своими трансляциями из снятых апартаментов в «Москва-Сити». В 2020 году блогер в прямом эфире избил девушку, за что спустя год был осужден с применением наказания в виде шести месяцев исправительных работ.

Во-вторых, унижения. Зачастую по собственному желанию, из корыстных или низменных побуждений люди позволяют издеваться над собой, и транслировать это в прямом эфире. За «донаты» они демонстрируют свои социально низменные желания, высказывают словесные оскорбления.

Отдельные блогеры публично издеваются над заведомо беззащитными: детьми, или инвалидами.

В-третьих, осуществление трансляции совершения убийств, терактов и иных тяжких преступлений. Данный контент получил широкое распространение в западных странах: в объектив попадает стрельба в школах, религиозная расправа и видео со взрывами. Наибольшую известность получила трансляция теракта в новозеландской мечети в 2019 году. Злоумышленник совершая убийства транслировал это в прямом эфире в «Фейсбуке».

Очевидно, что само по себе совершение данных деяний является аморальными противозаконным, следовательно, публичная демонстрация материалов, на которых это отражено, так же должна находиться под запретом.

Существенным прорывом в данном направлении стали принятие 15 февраля 2024 года в первом чтении Госдумой РФ на пленарном заседании законопроекта о запрете треш-стримов, и подписание 8 августа 2024 года Президентом Российской Федерации – Владимиром Владимировичем Путиным Закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливающего уголовную и административную ответственность за трэш-стримы. [3, с.1]

А теперь дифференцируем основания наступления указанных видов ответственности.

Так в случае, если в публикации отсутствует демонстрация деяния, попадающее под конкретный уголовно-правовой запрет - например пользователь опубликовал материалы, противоречащие понятию об общественной морали и нравственности, назначается административное наказание по статье 13.15 КоАП РФ - «Злоупотребление свободой массовой информации». Наказание включает в себя обязательную конфискацию оборудования, с помощью которого произошло распространение негативных (запрещенных) материалов, и штраф: для физического лица – от 50 000 до 100 000 рублей; для организаций от 800 000 до 1 000 000 рублей, а также руководителям организаций и индивидуальным предпринимателям - 100 000-200 000 рублей. [2, с.101]

Существуют исключения, когда распространение подобной информации не является нарушением. Это касается произведений науки, литературы, искусства, имеющих историческую, художественную или культурную ценность, материалов зарегистрированных средств массовой информации, а также фото-, видеоматериалов, которые предназначены для использования в научных или медицинских целях либо изучение которых предусматривается федеральными государственными образовательными стандартами и федеральными образовательными программами.

Уголовная ответственность наступает за трансляцию в прямом эфире, публикацию фото или видео с совершенным преступлением (деянием, попадающим под конкретный уголовно-правовой запрет) на личной странице-данное деяние будет квалифицировано какотячающее обстоятельство. Так, за публичную демонстрацию: убийства-предусмотрено лишение свободы от 8 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы. За то же преступление, но без трансляции в прямом эфире, срок меньше: от 6 до 15 лет. При совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью-предусмотрено лишение свободы до 10 лет; без отягчающего обстоятельства максимальный срок - до 8 лет.

Соответственно за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью назначается лишение свободы до 5 лет.

При отсутствии в объективной стороне прямого эфира суд может назначить более мягкое наказание, например, принудительные работы до 3 лет или арест до полугода, либо ограничение или лишение свободы до 3 лет.

Согласно новациям в положениях российского уголовного закона, теперь при совершении умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев может применяться максимальное наказание в виде лишения свободы до 2 лет и запретом до 3 лет на работу в определенных сферах. Умышленное причинение легкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств предполагает арест до 4 месяцев без ограничения права заниматься любой деятельностью. Соответственно уголовно-наказуемое истязание предполагает лишение свободы от 3 до 7 лет. При истязании без отягчающих обстоятельств на выбор суда злоумышленника могут приговорить к ограничению или лишению свободы до 3 лет либо к принудительным работам до 3 лет. По закону допускается также применение дополнительного вида наказания, когда суд может запретить осужденному занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет. [1, с.138].

Дополнительно, в целях более эффективной борьбы с данным явлением, планируется внести изменения в Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ. С принятием данных изменений модераторы социальных сетей будут обязаны контролировать публикуемый контент, а также реагировать на сигналы о публикациях запрещенного контента, и незамедлительно удалять его, блокируя страницу с подобной информацией.

Если треш-стримы размещают не в соцсети, а на других сайтах, их будут блокировать операторы связи, или Роскомнадзор.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что рассмотренное явление, связанное с «трэш-стримом» - то есть публичная демонстрация совершения противоправных деяний негативно влияет на отечественное общество, и государство уже приняло достаточно эффективные меры борьбы со стримерами - нарушителями. Важными государственными шагами в этом

направлении стали внесение изменений в действующее административное и уголовное законодательство нашей страны.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС Консультант плюс: офиц. сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 №195-ФЗ// СПС Консультант плюс: офиц. сайт – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета, - № 263, 23.08.2024.
4. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482411 (дата обращения: 20.02.2025). - Текст электронный.
5. Госдума приняла закон о запрете треш-стримов. / [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/society/30/07/2024/66a900529a7947db2c16a592> (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.
6. Какие законы вступают в силу Официальный сайт Государственной Думы РФ / [Электронный ресурс] URL: <http://duma.gov.ru/news/59795/>(дата обращения:20.02.2025). - Текст: электронный.
7. Путин подписал закон о запрете треш-стримов - Коммерсантъ / [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6880093> (дата обращения: 20.02.2025). - Текст: электронный.

Ходусов Алексей Александрович
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института, к.ю.н., доцент
г. Москва, Россия

СУД ПРИСЯЖНЫХ В РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Khodusov Alexey Alexandrovich
Head of the Department of Criminal Law Disciplines
International Law Institute, Candidate of Law, Associate Professor
Moscow, Russia

TRIAL BY JURY IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация. Суд присяжных в России является одной из составляющих системы правосудия. В нашей стране институт присяжных был введен в 1864 году. Хотя он неоднократно претерпевал изменения, адаптируясь к политическим и социальным изменениям в стране, существует система судов присяжных до сих пор.

Ограниченная сфера применения, как показано в статье, - одна из особенностей функционирования суда присяжных. Суд присяжных рассматривает только определенные категории уголовных дел. Поэтому правозащитные организации считают, что многие серьезные и резонансные дела не получают должного освещения.

Автор статьи считает, что процесс подбора присяжных тоже требует значительных улучшений. По мнению автора, недостаток информации о деле влияет, в конечном итоге, на вынесенные решения. В связи с этим в статье предложены изменения в законе, регулирующем деятельность суда присяжных. Ведь в обществе необходимо поддерживать доверие к суду и судебной системе.

Автор не умаляет перспективы развития суда присяжных в России, но показывает, что для этого необходимо расширение его полномочий. Оно невозможно без улучшения процесса отбора присяжных. Не все граждане соглашаются участвовать в таких заседаниях. Для этого необходимо просвещения населения об институте присяжных, а также повышение правовой культуры среди населения. Автор ратует за то, чтобы суд присяжных стал качественным инструментом правосудия.

Abstract. The jury trial in Russia is one of the components of the justice system. In our country, the jury institute was introduced in 1864. Although it has

repeatedly undergone changes, adapting to political and social changes in the country, the jury trial system still exists.

The limited scope of application, as shown in the article, is one of the features of the jury trial. The jury trial considers only certain categories of criminal cases. Therefore, human rights organizations believe that many serious and high-profile cases do not receive due coverage.

The author of the article believes that the jury selection process also requires significant improvements. According to the author, the lack of information about the case ultimately affects the decisions made. In this regard, the article proposes changes to the law regulating the activities of jurors. After all, it is necessary to maintain trust in the court and the judicial system in society.

The author does not belittle the prospects for the development of the jury trial in Russia, but shows that this requires expanding its powers. It is impossible without improving the jury selection process. Not all citizens agree to participate in such sessions. This requires educating the population about the jury institute, as well as increasing legal culture among the population. The author advocates for the jury trial to become a quality instrument of justice.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, формирование коллегии присяжных, доверие к суду присяжных.

Key words: jury trial, jurors, jury formation, trust in jury trial.

Введение. В настоящее время количество судебных заседаний с участием присяжных в России растёт. За первое полугодие 2023 года было рассмотрено 1038 дел с участием присяжных заседателей (данных за 2024 год пока нет) [11]. Отметим, что процент оправдательных приговоров в таких процессах значительно выше, чем в обычных судах (соответственно, 26,6% против 0,32%).

Однако, большой проблемой остается компетентность присяжных заседателей, - ведь они не обладают юридическим образованием. Поэтому часть вердиктов, в любом случае, выносится, исходя из эмоциональных факторов или личных убеждений. В России, в отличие от стран Европы, где традиция суда присяжных развита веками, не дают подробные инструкции по правильности процесса суда, а также, - не разъясняют юридические термины. Эксперты предлагают ряд мер по совершенствованию института присяжных заседателей [7, с. 175]. Например, обсуждается возможность предварительного обучения присяжных основам права. Специалисты считают, что присяжным необходимо знание процессуальных аспектов судебной деятельности.

География применения суда присяжных в России тоже очень неравномерная: например, на территориях с малой плотностью населения, таких как Республика Тыва и Чукотка, с участием присяжных рассматривается менее 1% уголовных дел. Поэтому создается дисбаланс в доступе к правосудию для граждан разных регионов. С этим тоже надо что-то делать. Как

и с проблемой ограничения сферы деятельности присяжных. В связи с этим, специалисты поднимают вопрос о расширении полномочий присяжных в определении меры наказания, что могло бы привести к более сбалансированным решениям.

Целью статьи стал анализ современного состояния суда присяжных в Российской Федерации, выявление его проблем и формулирование направлений для дальнейшего развития.

Задачи таковы:

- изучить роль суда присяжных в системе правосудия;
- проанализировать текущие практики работы суда присяжных;
- рассмотреть процесс формирования состава присяжных;
- оценить влияние различных факторов на эффективность работы суда присяжных в России;
- выявить проблемы функционирования суда присяжных на современном этапе;
- предложить рекомендации по адаптации института суда присяжных к современным реалиям.

Предметом статьи является институт суда присяжных в Российской Федерации.

Объектом исследования является практика применения института суда присяжных в уголовных делах.

Основным законом, который регулирует деятельность присяжных заседателей в РФ, является Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [1].

Этот закон определяет категории судов, где возможно рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей; устанавливает требования к кандидатам в присяжные заседатели, а также регламентирует порядок формирования списков присяжных заседателей [4, С. 50]; определяет гарантии независимости присяжных заседателей, а также нормирует другие вопросы, связанные с отправлением судопроизводства с участием присяжных заседателей. Указанный закон часто изменяется и дополняется. Последнее дополнение было внесено Федеральным законом от 16 февраля 2022 г. № 13-ФЗ [2].

Важным участником уголовного судопроизводства с участием присяжных является также, по мнению М.Д. Рашева, прокурор [10, С. 246]. С ним согласен и М.А. Денисова [6, с. 108]. Проблемы, связанные с присяжными, конечно же, не уникальны: люди не хотят бесплатно (хотя бы и за выходной) работать. Это отмечает Д.Ю. Васюткин [5, с. 43].

Есть еще проблемы: решения о том, чтобы принять или отклонить ходатайства, чтобы исследовать процессуальные решения, направленные на обеспечение судебного разбирательства и ряд других вопросов, которые не

входят в компетенцию присяжных заседателей, - все это возложено на разных должностных лиц суда, согласно Постановлению [3; 12, с. 194].

По мнению В.Д. Щербаковой [12] есть еще одна проблема: так как в задачу присяжных не входит изучение улик уголовного дела, которые требуют наличия специального высшего юридического образования. То есть, присяжные заседатели могут учитывать для рассмотрения только фактические данные уголовного дела. А вот для обстоятельств юридического характера необходимо иметь юридические знания, по мнению Николаевой М.И. и др. [8]. Поэтому для понимания, - допустимо ли приобщение того или иного доказательства, - необходимо разрешение данного вопроса председательствующими и другими сторонами уголовного судопроизводства. По мнению В.Д. Щербаковой, проблема здесь состоит в том, что изучение улик и обстоятельств дела другими людьми (не ими, не присяжными), запутывает присяжных, а иногда и приводит к непониманию сути дела. Автор опасается [12], что это может привести к вынесению несправедливого решения суда. Аналогичной точки зрения придерживается и Н.А. Онкорова [9, с. 232].

В России суд присяжных имеет ряд существенных особенностей: к примеру, только обвиняемый может ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных. А после удовлетворения ходатайства об участии присяжных отказ от такого рассмотрения становится невозможным.

Существуют требования к формированию коллегии присяжных: оно происходит непосредственно в судебном заседании, и стороны процесса (прокурор и защитник) имеют право заявлять отводы (мотивированные, так и немотивированные) кандидатам.

При этом автор отмечает, что требований к компетенции присяжных фактически нет:

участие в процессе не требует юридического образования, присяжные выносят решение только касательно факта (виновности).

Есть и другие особенности, но все они призваны обеспечить состязательность процесса, независимость оценки фактов присяжными, и, - как итог, - объективность вынесения вердикта.

Автор считает, что для улучшения функционирования института присяжных заседателей необходимо внести следующие изменения в законодательную базу о суде присяжных: 1. усовершенствовать систему отбора присяжных заседателей (например, ввести предварительное онлайн-тестирование кандидатов на знание базовых правовых принципов, либо ввести минимальный образовательный ценз для присяжных (чтобы присяжные имели не ниже основного общего образования)); 2. оптимизировать процессуальное законодательство (создать инструкции для присяжных по оценке доказательств); 3. создать минимальный образовательный компонент (как уже автор отметил раньше, ввести минимальный правовой минимум для присяжных, или разработать обучающие программы для судей по работе с

присяжными); 4. необходимо расширить компетенцию присяжных (тут автор подразумевает наделение присяжных возможностью высказывать мнение о мере наказания, а также, - о возможности вынесения вердикта о снисхождении).

Также, автор считает, что необходимо расширить категории дел, рассматриваемых с участием присяжных. Предлагается внести следующие изменения в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»:

Статья 3 «Требования, предъявляемые к присяжным заседателям»

дополнить пунктом 4: «Кандидатом в присяжные заседатели может быть гражданин, имеющий образование не ниже основного общего»,

изменить пункт 3, добавив обязательное предварительное онлайн-тестирование на знание базовых правовых принципов.

Статья 5 «Порядок и сроки составления списков кандидатов в присяжные заседатели»

дополнить пунктом 16: «Формирование общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели осуществляется с использованием единой федеральной автоматизированной системы»;

Добавить пункт 17: «Срок действия списков присяжных заседателей составляет 4 года».

Статья 10 «Порядок и сроки исполнения гражданином обязанностей присяжного заседателя»

Добавить пункт: «Обязательное прохождение предварительного обучения основам процессуального права»;

Изменить пункт 1, установив четкие сроки явки в суд.

По мнению автора статьи, реализация данных изменений потребует внесения соответствующих корректировок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также, - в другие нормативные акты.

Заключение. Итак, в статье были рассмотрены особенности судопроизводства с участием суда присяжных заседателей. Данный институт постоянно изменяется и модернизируется. Например, с 1 июня 2018 года суд присяжных стал доступен не только в судах высшего и среднего звена, но и в районных и городских судах. Это гарантировано Федеральным законом от 23.07.2016 г. № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»».

Автор, рассмотрев особенности и «узкие моменты», сформулировал направления для изменения данного института, предложил изменения в конкретных статьях закона «О присяжных заседателях...». По мнению автора, разработанные предложения направлены на создание более эффективной системы правосудия с участием присяжных заседателей, с опорой на международные стандарты.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СПС «Консультант+».
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 16.02.2022 N 13-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант+».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // СПС «Консультант+».
4. Балабанова Я.Е. Требования, предъявляемые к присяжным заседателям / Я.Е. Балабанова // Молодой ученый. - 2022. - № 43 (438). - С. 49-51.
5. Васюткин Д.Ю. Проблема обеспечения явки кандидатов в присяжные заседатели в суд / Д.Ю. Васюткин // Новый юридический вестник. - 2019. - № 1 (8). - С. 42-44.
6. Денисова М.А. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей / М.А. Денисова. // Молодой ученый. - 2019. - № 28 (266). - С. 107-109.
7. Коршунова Д.Е. Суд присяжных в России: за и против / Д.Е. Коршунова // Молодой ученый. - 2024. - № 41 (540). - С. 174-176.
8. Николаева М.И., Рябчиков В.В., Ефремова А.А. Особенности производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей // Журнал прикладных исследований. - 2020. - № 1/ [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-rassmatrivaemym-sudom-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley> (дата обращения: 05.03.2025). – Текст: электронный.
9. Онкорова Н.А. Объективная истина и суд присяжных / Н.А. Онкорова // Молодой ученый. - 2019. - № 26 (264). - С. 231-233.
10. Рашев М.Д. Роль прокурора в суде с участием присяжных заседателей / М.Д. Рашев // Молодой ученый. - 2022. - № 16 (411). - С. 245-247.
11. Материалы сайта Адвокатская газета Суд присяжных: итоги 2023 года и прогноз на 2024-й, / [Электронный ресурс] URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2023-goda-i-prognoz-na-2024-y/>(дата обращения: 05.03.2025). - Текст : электронный.
12. Щербакова В.Д. Судебное следствие с участием присяжных заседателей / В.Д. Щербакова // Молодой ученый. - 2019. - № 51 (289). - С. 193-195.

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

1. Тематика представленных докладов достаточно широка, затронуты актуальные вопросы по решению проблем правового регулирования в развитии юридической науки в эпоху цифровизации, а также по обсуждению актуальных теоретических и практических вопросов в области юриспруденции на современном этапе развития, по представлению и консолидации результатов исследований по актуальным проблемам юридической науки в эпоху цифровизации, по развитию российского законодательства с учетом современных тенденций. В рамках работы конференции рассматривались вопросы по современным проблемам теории и истории государства и права в условиях цифровизации общества, по развитию российского частного и публичного права в условиях цифровизации, а также по развитию уголовно-правовых наук в условиях цифровизации. Обсуждены вопросы теории и практики применения в рассматриваемых областях конференции.

2. В выступлениях было особо отмечено значение и роль по выявлению актуальных проблем в теории юридической науки и практики применения законодательства и по формированию предложений по совершенствованию законодательства, а также по применению комплексного и системного подходов в качестве основных методов научного исследования при изучении конкретных актуальных проблем истории и теории государства и права, взаимодействие комплекса историко-правовых дисциплин с отраслями права, а также рассмотрение их соотношения с другими гуманитарными науками, в частности, с философией и социологией.

3. В рамках работы секции № 1 «Современные проблемы теории и истории государства и права в условиях цифровизации общества», определили, что основные тенденции цифровизации правовой системы общества на основе цифровизации системы источников права имеют важное значение, сделаны выводы о характере данного процесса, его направленности, а также о тех положительных и отрицательных моментах, которые с ним связаны.

4. Участниками конференции было обращено внимание, что в свете современных процессов развития постиндустриального российского общества, радикальных изменений, претерпеваемых различными сферами государственной и общественной жизни, возрастает научный интерес к проблеме системного и функционального преобразования институциональных правовых структур, обеспечения их «адаптивной эффективности».

5. Особое внимание было уделено анализу правовых, философских и иных аспектов цифровизации как социального и научно-технического явления в жизни общества. Представлены доклады, в которых исследованы философские воззрения, положенные в основу концепции построения виртуальной реальности, причины ее возникновения, роль и место в

общественных отношениях и влияние на развитие концепции цифровизации. Рассмотрены современные научно-технические и общественные учения, направленные на осмысление сущности, места и роли цифровизации как глобального процесса. Приведены мнения ведущих ученых в области социологии, политологии, экономики, направление научных исследований которых лежит в области познания воздействия информационно-коммуникационных технологий на глобальные процессы. Обобщены представления о роли и месте личности в цифровом мире, о пределах воздействия цифровизации на социум. Рассмотрены формирование подходов к пониманию процесса цифровизации и развития цифровой экономики, пониманию термина «цифровизация», охарактеризованы социальные и иные риски, возникающие в цифровую эпоху.

6. Основной вывод, сделанный по итогам работы секции, заключается в том, что новые веяния современной реальности ставят вопрос о дополнении и трансформации конституционных основ и в первую очередь - в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

7. В рамках работы секции №2 «Развитие российского частного и публичного права: вызовы и преемственность в условиях цифровизации» участники обсудили такие актуальные темы, как проблемы правового регулирования применения современных технологий в предпринимательстве; проблемы правового регулирования предпринимательства в бьюти-индустрии; основные проблемы и перспективы развития системы социального обслуживания населения в России; участие несовершеннолетних в исполнительном производстве; проблемы и тенденции развития корпоративного права.

8. В ходе обсуждений были затронуты следующие ключевые темы:

Реализация права на самозащиту в условиях цифровизации семейного права – работа, акцентирующая внимание на новых вызовах, с которыми сталкиваются семьи в цифровую эпоху.

Адвокатура и искусственный интеллект: синергия традиций и инноваций – исследование, рассматривающее взаимодействие традиционных юридических практик и современных технологий.

Исполнение договора, заключенного в сети Интернет.

Особенности регистрации сделок с земельными участками.

Защита мультимедийного продукта как «сложного объекта» интеллектуальной собственности.

Сохранение и популяризация объектов культурного наследия в условиях современной цифровизации и другие.

9. Вниманию участников конференции были представлены доклады в сопровождении презентаций по наиболее актуальным и практически значимым темам частного и публичного права. Особую дискуссию участников конференции вызвали вопросы, связанные с правовым режимом

искусственного интеллекта, использованием примирительных процедур в цивилистическом процессе, современными тенденциями судебной практики по спорам между предпринимателем и интернет – площадкой. В ходе встречи участники конференции обсудили целый ряд вопросов современной юриспруденции в междисциплинарном аспекте.

10. В ходе конференции состоялся конструктивный, содержательный, интересный и творческий диалог и обмен передовым опытом и знаниями в сфере актуальных проблем права, отраслевых юридических наук, правоприменительной практики. На конференции также обсуждались и последние изменения российского права. В своих выступлениях были обозначены пути разрешения обозначенных проблем.

11. В ходе исследования проблем по тематики конференции были внесены предложения по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство:

Возникли новые вызовы современному обществу, такие как существенные риски для приватности пользователей сети Интернет, особое положение уязвимых групп, опасность дезинформации и попрания свободы слова, выход на новый уровень ответственности бизнеса перед человеком (что в особенности касается крупных интернет-корпораций и владельцев социальных сетей). Хотя само расширение влияния цифровизации и информационных технологий наблюдается уже достаточно давно, в последнее время темпы его роста возросли. В связи с этим стоит уделить внимание праву на доступ в Интернет, ставшему главным инструментом реализации гражданами своего конституционного права на получение и распространение информации.

В рамках развития цифровизации и проекта цифровой экономики, на современном этапе возникают проблемы при реализации майнинга, поэтому необходимо в данной сфере разрабатывать специальную нормативно-правовую базу, которая позволит закрепить майнинговую деятельность в качестве предпринимательской.

12. На конференции было принято решение продолжать дальнейшее изучение и обобщение отечественного и зарубежного опыта, направленного на исследование различных аспектов гражданских правоотношений в условиях цифровизации; способствовать решению проблем, стоящих на стыке гражданского и процессуального права; содействовать углубленному изучению вопросов, связанных с развитием трудового права на современном этапе развития общества; отметить положительный эффект совместной работы участников конференции в определении новых подходов к решению проблем и задач по дальнейшему изучению гражданского права, процесса, трудового права, семейного права, права социального обеспечения в условиях цифровизации.

13. Необходимо продолжить унификацию гражданского и арбитражного процессуального законодательства (оповещение участников посредством сети Интернет).

14. В рамках работы секции №3 «Развитие уголовно-правовых наук в условиях цифровизации» участники обсудили такие актуальные темы, как проблематика уголовной ответственности субъектов, использующих технологии искусственного интеллекта; возможность рассмотрения искусственного интеллекта с позиции правосубъектности; вопросы дальнейшей криминализации преступлений, совершаемых в киберпространстве, в уголовном законодательстве России.

15. Конференция стала научной площадкой для обсуждения предложений по внесению изменений в уголовное законодательство и их влияние на правоприменительную практику. Такой анализ поможет выявить возможные недочеты и предложить корректировки, чтобы законодательство было максимально сбалансированным и эффективным.

16. Можно отметить следующие недостатки действующего уголовно-правового законодательства:

Отсутствие специальных норм в части информации, имеющей электронную (цифровую) форму.

Неопределённость в вопросе о наделении участников уголовного процесса правом изготовления процессуальных документа в электронном виде с определением этапа уголовного судопроизводства.

Неэффективность мер противодействия преступлениям, связанным с электронной коммерцией и использованием криптовалюты.

17. По итогам конференции сделаны следующие выводы и предлагается принять следующие решения:

Анализ вызовов и возможностей: Конференция подтвердила, что цифровизация создает как новые вызовы, так и уникальные возможности для дальнейшего развития уголовно-правовых наук. Процесс цифровизации требует от правовой системы переосмысления традиционных подходов к противодействию преступности, включая киберпреступность и ответные меры.

Интеграция технологий в уголовную юстицию: обсуждалась необходимость активной интеграции современных цифровых технологий (искусственный интеллект, большие данные и блокчейн) в уголовно-правовые процессы. Это включает усовершенствование следственных мероприятий, судебного разбирательства и процедур исполнения наказаний.

Защита прав и свобод: Участники выделили важность разработки правовых норм, которые бы обеспечивали защиту прав и свобод граждан в условиях цифровизации. Необходимы новые механизмы контроля и охраны персональных данных, что, в свою очередь, повысит доверие граждан к правовой системе.

Междисциплинарный подход: Конференция подчеркнула необходимость применения междисциплинарного подхода в исследованиях уголовно-правовых вопросов, что позволит привлечь экспертов из смежных областей, таких как информационные технологии, социология и психология.

Международное сотрудничество: подчеркнута важность международного сотрудничества и обмена опытом в борьбе с транснациональной преступностью, возникающей в результате глобализации и цифровизации, включая разработку новых международных стандартов пресечения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (включая сеть Интернет).

Научные исследования: рекомендовано активизировать научные исследования, посвященные закономерностям и тенденциям развития уголовного права в условиях цифровизации, а также последствиям этих изменений для уголовно-правовых отношений.

Признать актуальность темы, заявленной в конференции;

Регулярно проводить научно-практические конференции, посвященные проблемам гражданского, гражданско-процессуального, уголовного и уголовно-процессуального законодательства;

Признать, что результаты работы конференции могут быть использованы в правоприменительной деятельности;

- На основании предложенных спикерами путей разрешения обозначенных проблем обратиться к субъектам законодательной инициативы для рассмотрения вопроса по реализации внесенных участниками конференции предложений.